

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

РУССКАЯ ГРАММАТИКА:
КОНСТАНТЫ, КОНТЕКСТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник статей
по итогам VII Международного научного симпозиума

г. Тюмень, 10–14 октября 2023 г.

Тюмень
ТюмГУ-Press
2024

УДК 81'36:811.161.1(082)
ББК Ш141.12-2я431
P892

Редакционная коллегия:

Е. В. Купчик — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и литературоведения Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (ответственный редактор)

Н. В. Кузнецова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

Е. Л. Марандина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и литературоведения Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

Русская грамматика : константы, контексты, перспективы :
P892 сборник статей по итогам VII Международного научного симпозиума, г. Тюмень, 10–14 октября 2023 г. / отв. ред. Е. В. Купчик ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук. — Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. — 316 с. — Текст : электронный.

ISBN 978-5-400-01770-4

Сборник содержит материалы докладов, представленных на VII Международном научном симпозиуме «Русская грамматика: константы, контексты, перспективы», состоявшемся в Тюменском государственном университете 10–14 октября 2023 г. Статьи и тезисы охватывают основные направления работы симпозиума: от теоретических подходов к русской грамматике до парадигматических и синтагматических свойств отдельных языковых единиц. Особый раздел сборника посвящен работе с грамматикой на занятиях по русскому языку как иностранному.

Адресуется лингвистам, преподавателям русского языка как родного и как иностранного, а также всем, кто интересуется русской грамматикой.

УДК 81'36:811.161.1(082)
ББК Ш141.12-2я431

ISBN 978-5-400-01770-4

© Тюменский государственный университет, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К МОДЕЛИРОВАНИЮ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

Глазунова О. И.

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ
ЕДИНИЦ ЯЗЫКА И РЕЧИ 6

Лазуткина Е. М.

РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ
В ИССЛЕДОВАНИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ.....25

Шарандин А. Л.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ
В АСПЕКТЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ41

Астахова Я. А., Лонцкая М. А.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ И КОМПЬЮТЕРНОГО
ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К КАТЕГОРИИ ВИДА.....53

Белякова С. М., Багирова Е. П.

СИСТЕМА ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОМЕТ В ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ77

ГРАММАТИКА СЛОВА, СЛОВСОЧЕТАНИЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Геккина Е. Н., Третьякова Д. В.

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ
И МОДЕЛИ СПЕЦИАЛЬНЫХ РАЗЯДОВ ЛЕКСИКИ: ОНИМИЧЕСКИЙ ОПЫТ
СФЕРЫ МИКРОФИНАНСИРОВАНИЯ.....88

Демидов Д. Г.

ПОЭТИЗМЫ НА -НОВЕНИЕ И ПРОЗАИЗМЫ НА -НУТИЕ 103

Заика Н. М.

ИМПЕРАТИВНЫЕ И ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ИЛЛОКУТИВНЫЕ
ПРИЧИННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ..... 114

Ван Ц.

НЕПРЕДИКАТИВНЫЕ МОДИФИКАЦИИ СКРЕПЫ «ТЕПЕРЬ О N6»:
ЕЕ ТИПЫ И ФУНКЦИИ 124

Попова Т. И.	
ОБОСОБЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННОЙ КОНСТРУКЦИИ «ПОСЛЕ NG»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	132
Родионова И. Г.	
СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. П. КРАПИВИНА (К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)	141
Южакова Ю. А.	
ОБ ОСЛОЖНЕНИИ И ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ ФОРМ СКАЗУЕМОГО	155
Попова Т. И., Воробьева Е. Ю.	
ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЕДИНИЦЫ «КОГДА» (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ)	169
ГРАММАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТА, КОММУНИКАЦИИ, КУЛЬТУРЫ	
Ким А. В.	
ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МИКРОСЮЖЕТА В КОНТЕКСТЕ ТЕКСТОВОЙ КАТЕГОРИИ ИНФОРМАТИВНОСТИ В КНИГЕ А. П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»	179
Юань С.	
ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ «РАЗГРОМ»	188
Оганнисян Г. А.	
КОМБИНАТОРНЫЕ МОДИФИКАЦИИ В АДАПТИРОВАННОЙ АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ АНТРОПОНИМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. ДЕМИРЧЯНА «ВАРДАНАНК» И Х. АБОВЯНА «РАНЫ АРМЕНИИ»)	197
Борисова Е. Г.	
СТРУКТУРА ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ С ПОЗИЦИЙ ГРАММАТИКИ СЛУШАЮЩЕГО («ЧУВСТВЕННЫЙ» КОМПОНЕНТ)	204
Горбунова Л. И.	
ЖЕНЩИНА И ДАМА: СЛОВА ДВА, А КОНЦЕПТОВ?	211
Разумкова Н. В.	
СЛОВО ГОДА КАК ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)	223

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

Харитонова О. В.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ:
СПОСОБЫ ЕЁ ФОРМИРОВАНИЯ..... 236

Наумович Г.

ГРАММАТИКА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ 243

Федотова Н. Л., Сунь Ю.

ЭТНООРИЕНТИРОВАННЫЙ КОМПЛЕКС УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ
КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ (УРОВЕНЬ А2) 249

Федосеева А. В.

УСТОЙЧИВЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ
ОЦЕНКИ НА УРОКАХ РКИ 262

Петрухина А. В.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИКТ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ
НАВЫКОВ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ 272

Проколова И. И.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДИКИ ВЗАИМНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ
ГРАММАТИКИ В ПРАКТИЧЕСКОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА
КАК ИНОСТРАННОГО НА ЭТАПЕ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ 280

Гришечкина Е. А.

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ 290

Решетникова В. В.

ОТБОР И ОПТИМИЗАЦИЯ УЧЕБНЫХ ЗАДАНИЙ В ОБУЧЕНИИ НАУЧНОМУ
СТИЛЮ РЕЧИ В КУРСЕ РКИ..... 295

Шапошникова А. П.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ
НА ЗАНЯТИЯХ РКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
У СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ 304

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К МОДЕЛИРОВАНИЮ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

УДК 81'3

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Глазунова О. И.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В отличие от естественно-научных дисциплин процесс категоризации в лингвистике, связанный с упорядочиванием данных в единой иерархической системе, во многом происходит стихийно. Ориентация на структурные методы, основу которых составляет абстрактный синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное минимальное относительно законченное предложение, лишает языкознание категориального статуса с присущими ему иерархическими связями и отношениями. Предложенное в статье разделение всех выявленных в настоящее время категорий на категории воплощения, проявления и квалификации, а также описание поэтапного осуществления перехода от одного языкового уровня к другому с изменением категориального статуса языковых единиц и возникающих между ними отношений позволяет получить комплексное представление о взаимодействии языка и мышления в процессе создания средств языкового выражения разных уровней. Инструментальные категории в этом процессе выступают не только как способ классификации однородных объектов, но и как средство осуществле-

ния перехода в рамках сложившейся иерархии, способствуя правильному их оформлению в составе единиц более высокого уровня. Результатом такого взаимодействия становится формирование структурно-семантических типов, объединяющих группы языковых единиц на основе общности их категориального содержания.

Ключевые слова: сознание, язык, речь, категоризация языковых единиц, категории, понятия, представления, типы, виды, разряды.

ON THE QUESTION OF THE STRUCTURAL AND SEMANTIC CATEGORIZATION OF LANGUAGE AND SPEECH UNITS

Glazunova O. I.

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

Abstract. Unlike natural science disciplines, the process of categorization in linguistics, associated with the ordering of data in a single hierarchical system, largely occurs spontaneously. Orientation to structural methods, the basis of which is an abstract syntactic pattern, according to which a separate minimal relatively complete sentence can be constructed, deprives linguistics of a categorical status with its inherent hierarchical connections and relationships. The proposed division of all currently identified categories into categories of embodiment, manifestation and qualification, as well as a description of the gradual implementation of the transition from one language level to another with a change in the categorical status of language units and the relationships arising between them, allows us to get a comprehensive understanding of the interaction of language and thinking in the process of creating means of different levels linguistic expression. Instrumental categories in this process act not only as a way of classifying homogeneous objects, but also as a means of transition within the established hierarchy, contributing to their correct design as part of higher-level units. The result of such interaction is the formation of structural and semantic types that unite groups of linguistic units on the commonality of their categorical content.

Key words: consciousness, language, speech, categorization of linguistic units, categories, concepts, representations, types, species, classes.

Введение. Сознание систематизирует окружающий мир, объединяя в группы однородные предметы, их признаки и свойства. Результатом такой деятельности становится выявление определенных классов, типов, моделей на основе свойственных предметам категориальных признаков.

Членение того, что наполняет действительность, происходит по двум направлениям: *по форме* (структурным составляющим) и *по содержанию* (качественно-количественным характеристикам). Линейные формы — двухмерные (линии, круги, квадраты, точки и т. д.) и пространственные — трехмерные (куб, шар, цилиндр, конус и т. д.), состоящие из сочетаний разного рода линейных форм в объекте, пребывающем в трехмерном пространстве, могут быть выявлены и проанализированы.

Единообразии (сходство), присутствующее в сочетании этих форм (с возможными незначительными отклонениями от сложившегося в сознании обобщенного представления об объекте), позволяет на основе единства формальных признаков причислить рассматриваемый предмет к определенному классу. Но это только первый этап в классификации окружающей действительности. Например, яйцо и напоминающий его по форме камень относятся к разным классам объектов.

Отсюда следует, что в основе первичной классификации лежит не только пространственный, но и функциональный принцип. По содержанию и свойственным им функциям яйцо и камень не имеют между собой ничего общего. С другой стороны, дома могут быть разной формы: квадратные, прямоугольные, шаровидные, эллипсоидные, бионические, но эта разница не мешает нам относить их к единому классу — «жилище человека», потому что содержание этих объектов («единство всех основных элементов целого, его свойств и связей» [12: 912]) позволяет им выполнять одну и ту же функцию — служить человеку защитой от любых неблагоприятных воздействий со стороны окружающей среды.

Кроме внешних (физико-прагматических) характеристик, позволяющих выявлять определенные классы предметов, чле-

нение объектов по их внутренним свойствам (по содержанию) может включать тактильные, вкусовые, звуковые, этические, эстетические и т. д. составляющие, имеющие непосредственное отношение к субъекту и его познавательно-оценочной деятельности. Обобщенное значение данных характеристик указывает на их категориальный статус. Согласно словарям, категория представляет собой предельно общее понятие, «отражающее наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания» [13: 251].

Формирование категорий различного вида — это результат восприятия и последующего деления окружающей действительности на отвлеченные, сложившиеся в сознании, сегменты, которые включают предметы и явления, отличающиеся сходством свойственных им наиболее существенных признаков и отношений с другими предметами и явлениями. Таким образом, в основе категоризации лежит классификация — системное разделение объектов и явлений в соответствии с присущими им характеристиками.

Выявление свойственных окружающей действительности категориальных признаков и базирующихся на них классов предметов обусловлено несколькими факторами. Категория — разряд понятийных представлений, выявленных на основе общих свойств и сходных связей между объектами окружающего мира. Класс — разряд объектов, образующих общую группу предметов на основе сходства свойственных им признаков. Соответственно, мы выделяем категорию животных и категорию растений, с одной стороны, и класс органических и неорганических веществ — с другой.

В процессе категоризации сознание двигается от конкретных характеристик, позволяющих объединять объекты в единое целое, к обобщенным о них представлениям при соблюдении сходства не только структурных, но и содержательных, функционально-прагматических, их составляющих. Наиболее общие признаки, которые соответствуют всем представителям данной группы, закрепляются в значении лексемы, которая затем используется

в качестве наименования категории. Таким образом, в иерархической структуре наименований, объединяющей всех представителей данной группы объектов, название категории будет занимать верхнюю позицию.

Например, категориальный статус наименования «животные» обусловлен принадлежностью всех входящих в эту группу объектов к живым организмам, их способностью передвигаться и питаться готовыми органическими соединениями. Животные, в свою очередь, делятся на типы: хордовые и членистоногие, каждый из которых включает подтипы (позвоночные и беспозвоночные у хордовых; хелицеровые, челюстные, трилобитообразные у членистоногих) и классы, различающиеся строением, особенностями поведения и питания входящих в их состав организмов.

Классы делятся на отряды, отряды на семейства, семейства на роды, роды на виды. Иерархическое строение и соответствующие наименования позволяют охватить весь состав объектов, образующих данную группу, и получить комплексное представление об этом сегменте действительности.

По сути, каждая присутствующая в действительности категория включает типы и подтипы в зависимости от наиболее существенных признаков их составляющих, выраженных на уровне понятийных представлений. Это типы «механический» и «немеханический» транспорт для категории «транспортные средства»; «простые» и «сложные» для категорий «химические вещества»; «знаменательные» и «служебные» для категории «части речи», «двусоставные» и «односоставные» для категории «простое предложение» и т. д.

Категория включает то, что имеет содержание, но обязательно обладает формой (категории «сознание», «психика»); класс включает то, что имеет и форму (материальную), и содержание. Таким образом, общим критерием для их выделения является содержание, сопряженное с заложенными в нем функциями. Категории являются вариантами динамического взаимодействия объектов действительности, выражающегося в поэтапной реализации отличий между образующими иерархическую струк-

туру объектами. Классы — варианты статичного соответствия объектов друг другу по родовым и видовым признакам.

Проблемы категоризация языковых явлений. Если в биологии, химии и других естественно-научных и технических дисциплинах процесс категоризации подчиняется определенным закономерностям, то в лингвистике деление языковых единиц на категории, типы и классы часто происходит стихийно. Например, неопределенные и обобщенно-личные предложения некоторые исследователи рассматривают как *класс*, другие — как *тип*, третьи — как *вид* односоставных предложений. Проблема заключается в том, что начиная с лексического уровня языковые единицы имеют не только структуру, но и полноценное содержание, а потому при их классификации используются самые разные варианты наименования вычленяемых групп.

Если при классификации ориентироваться на естественнонаучные дисциплины, то стоит выделить языковую **кате́го́рию** «предложение», которая включает два **ти́па**, базирующихся на синтаксическом строении: «простое предложение» и «сложное предложение». В дальнейшем в рамках синтаксиса выделяются **подти́пы**: «односоставные», «двусоставные» для «простого предложения», «сложносочиненные» и «сложноподчиненные» для «сложного предложения».

Градация на типы [греч. *týpos* — отпечаток, форма, образец] ориентирована на форму (структуру) классифицируемых объектов, что соответствует принципам разграничения простых и сложных предложений, а также дальнейшему выделению в их рамках структурных разновидностей — групп (классов) предложений, обладающих сходным строением.

Дальнейшая классификация дает возможность выделить **классы** в рамках односоставных и двусоставных простых предложений и в рамках сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Причем это деление может происходить *на основе содержания*. Среди двусоставных и односоставных предложений А. М. Ломов выделяет классы двусоставных *предметных* (*признаковых* и *процессных*) предложений и классы односостав-

ных предметных (признаковых, процессных, дебитивных, функциональных) предложений, которые могут делиться на **подклассы**. Например, в рамках односоставных процессных предложений выделяют *подклассы* активно-процессных и пассивно-процессных предложений [9: 41–42].

По структуре односоставные предложения делятся в зависимости от способа выражения главного члена. Различают назывные, определено-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и инфинитивные односоставные предложения. При этом в некоторых работах инфинитивные предложения рассматриваются в качестве разновидности безличных. Подтип двусоставных предложений также можно структурировать в зависимости от способа построения и выражения в них главных членов.

Таким образом, в процессе градации, базирующейся на структурных схемах предложений, вычленяются определенные группы на основе сходства присущих им формальных (структурных) и функциональных (содержательных) признаков. В этом случае варианты «класс» и «подкласс» для их наименования вполне обоснованы.

Дальнейшее принятое в биологии деление категориальных общностей на отряды, семейства, роды и виды в отношении языковых единиц не представляется актуальным. Хотя «вид» как способ наименования объединений языковых единиц любого уровня весьма востребован в лингвистике. Как правило, с его помощью обозначают группы предложений, вычленяемые на основе коммуникативных факторов: по цели высказывания (повествовательные, вопросительные, побудительные); по типу речи (повествование, описание, рассуждение), по актуальному членению и т. д. Но чаще всего в лингвистике под *видом* понимают один из однотипных в плане структуры или содержания вариантов объединения единиц языка и речи. Базируясь на определенной модели, каждое видовое подразделение обладает отличительными признаками: различают виды предикатов, виды связи, виды определительности, виды детерминантов, виды распространителей и т. д.

В «Грамматике – 80» все предложения делятся в зависимости от лежащих в их основе структурных *схем*, которые записываются в виде формул и представляют собой «абстрактный синтаксический образец, по которому может быть построено отдельное минимальное относительно законченное предложение» [11: 92]. Различают «двухкомпонентные схемы» и «однокомпонентные схемы», которые в свою очередь делятся на *классы*: «однокомпонентные схемы делятся на схемы со спрягаемой формой глагола (это спрягаемогоглагольный класс) и схемы без спрягаемой формы глагола (это не спрягаемогоглагольные классы: именной, инфинитивный и наречный)» [11: 93–94].

Таким образом, от таксономической классификации, столь удобной для «систематизации сложноорганизованных областей действительности, имеющих обычно иерархическое строение» [1: 1304], авторы «Грамматики – 80» переходят к структурным методам. Предложение в их интерпретации выступает как «грамматическая единица синтаксиса» [11: 7], некая формула, которая состоит из нескольких частей, определяемых набором знаков, символов и индексов, в которых представление о предложении как единице категориального уровня со всеми присущими ей системными иерархическими связями и отношениями уходит на второй план.

Категориальный же статус приобретают «ряды грамматических форм предложения, противопоставленных по значениям временной определенности (реальности) и неопределенности (ирреальности), все вместе объединяющиеся в категорию предикативности» и «единицы семантической структуры предложения — категория субъекта и предикативного признака, который может быть направлен или не направлен на объект» [11: 11].

Итак, в разряд категорий авторы «Грамматики – 80» относят языковые единицы семантического уровня (наряду с субъектом, объектом и предикативным признаком туда вошли категории субъектно-пространственного и субъектно-временного квалифи-

каторов) и синтаксического уровня (предикативность, тема, рема), которые служат для перевода номинативных единиц (слов и словосочетаний) в коммуникативную структуру. Условность такого рода обозначений очевидна и связана с тем, что в гуманитарных науках представления о принципах, которые обуславливают иерархическую систематику языковых единиц на основе категориальных представлений, находятся в стадии становления.

Категории воплощения, проявления, квалификации. Основу любой категории составляет понятие — «логически оформленная общая мысль о классе предметов, явлений, идея чего-н.» [1: 919]. Идея возникает в сознании человека в виде представления, «отражающего действительность в сознании человека, выражающего его отношение к ней и являющегося основным принципом мировоззрения» [7: 568]. Безусловно, предложение как принципиально важный концептуальный способ выражения мысли обладает категориальным статусом.

Категориальное представление, сложившееся о некотором вычлененном сегменте действительности, формируется под воздействием определенного ракурса восприятия. Внимание может фокусироваться: 1) на объектах действительности, обладающих общими понятийными характеристиками, 2) на сфере (области) существования разных объектов, подчиненных единому значению или единой функции реализации какой-то идеи, 3) на результатах отражения окружающей действительности на уровне сознания человека или чувственного его восприятия.

Вычлененные сегменты, обладающие категориальным статусом, соответственно, можно разделить на три группы. Первую группу составляют **категории воплощения**. В них входят существенные пространственно-временные формы организации действительности — *бытие, материя, пространство, время, химические вещества, животный мир, растительный мир* и т. д. Это, как правило, непарные, но связанные друг с другом категории, соотносящиеся с объективной реальностью.

Вторая группа (**категории проявления**) соотносится со сферами/областями реализации идей, определяющих основу той или категориальной структуры. Их можно отнести к разряду понятийно-тематических категорий, так как они объединяют широкий спектр элементов в рамках какой-либо деятельности и соответствующего ее восприятия. В нее входят такие категории, как *наука, искусство, физическая культура, окружающая действительность, общественная жизнь, язык, этика, эстетика, сознание, язык, форма, содержание, состояние, отношение, ментальность, чувственность* и т. д. Данную группу образуют непарные категории, базирующиеся на совокупности материальных и нематериальных объектов, которые имеют отношение к определенной сфере деятельности, определяющей принципы их реализации.

Категория проявления может обозначать как часть физической, так и часть психической, ментальной или социально-общественной действительности (наука, искусство, этика), в рамках которой реализуются те или иные категориальные свойства, т. е. выступать в качестве *сферы проявления*. Если категория ориентирована на описание вариантов взаимодействия между объектами в рамках определенной специализированной деятельности и выражает «взаимную связь, зависимость разных величин, предметов, явлений» [1: 753] (категории состояния, отношения), она выступает в качестве *формы проявления*.

Третья группа состоит из **категорий квалификации**. Сюда можно отнести такие основополагающие смысловые, информационные, аксиологические категории, как *оценка, истина, ложь, качество, количество, присутствие, отсутствие, утверждение, отрицание, красота, безобразия, покой, движение, мера и степень* и т. д. Чаще всего категории квалификации представляют собой парные динамические признаковые образования, базирующиеся на числовых или воспринимаемых на уровне интуиции качественно-количественных показателях.

Лежащее в основе категорий квалификации значение (качество) может реализовываться с разными количественными показателями, которые фиксируются в языке лексемами, соответ-

ствующими данной степени проявления признака. Красота: *очень красивый – красивый – очаровательный – симпатичный – хорошенкый – милый* и т. д.

Парное антонимическое строение признаковых значений в рамках квалификационных категорий дает возможность выстраивать между полярными признаками диапазон значений, соотносящихся с ними в большей или меньшей степени: *очень красивый – красивый – очаровательный – симпатичный – милый – хорошенкый* – НЕЙТРАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ (не красивый, не безобразный) – *невзрачный – неприглядный – страшный – уродливый – безобразный* – *очень безобразный*.

Категориальные признаки *красота, ложь, истина* выстраиваются в линейную структуру на основе интуиции и имеют двухвекторное строение: от отрицательных признаковых значений к нулю, символизирующему отсутствие проявления данного признака, и далее — к положительным признаковым значениям.

В отличие от полярных признаковых значений, квалификационные категории, которые связаны с природной средой, имеют одновекторное строение. Например, категории состояния, оценки, возраста, света не имеют отрицательных значений, во всяком случае, современной науке они неизвестны; на линейной шкале показателей они развиваются от нуля до теоретической положительной бесконечности.

В зависимости от природы присущих им значений категории можно разделить на *категории субстантивные* (категории воплощения) и *категории предикативные* (инструментальные, оценочные) — т. е. категории квалификации. Промежуточное положение занимают категории проявления, совмещающие в себе субстантивные (абсолютные) и предикативные (относительные) варианты реализации значений.

По сути, категории состояния, отношения, бессознательно, а также психики как особой стороны жизнедеятельности человека в его взаимодействии с окружающей средой могут быть отнесены и к категориям проявления (если рассматривать их

в качестве сферы реализации признаков значений), и к категориям квалификации (если иметь в виду, что их структура не имеет материальных или напрямую соотносящихся с материей составляющих). Все зависит от целей исследования и ракурса восприятия.

Иерархическая структура категорий в языке и речи.

Сходной природой обладают и языковые категории. С одной стороны, они не выходят за рамки языка как знаковой системы, которая совмещает в себе формальные и содержательные структуры и служит для коммуникации, трансляции, передачи и хранения информации, т. е. являются разновидностью категорий проявления. С другой стороны, в основе содержательной структуры языка лежат понятия и представления, возникающие в результате обработки и оценки на чувственном и ментальном уровне полученных извне данных, что имеет прямое отношение к квалификации.

Все категории в языке базируются на материальных носителях — фонетических, морфемных, лексико-семантических, грамматических единицах языка и речи. Корреляция между материальными формами (знаковыми структурами) и соотносящимися с ними смысловыми сегментами имеет категориальную природу, т. к. отражает заложенные в языке отношения между средствами языкового выражения и соответствующим им содержанием.

Согласно словарю, категория в языке — это «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании к.-л. общего свойства; в строгом смысле — нек-рый признак (параметр), к-рый лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены к-рых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [8: 215].

Таким образом, категории, объединяющие языковые единицы по определенному понятийному признаку, представляют собой один из вариантов реализации пространственно-временной модели реальности, в которой материальные (в нашем слу-

чае — знаковые) языковые формы взаимодействуют с нематериальной (в нашем случае — понятийной) структурно-системной организацией.

Каждый уровень языка базируется на свойственных ему категориях: фонетических, семантических, морфемных, лексических, грамматических, текстовых. Для каждого уровня свойственно наличие базовых единиц, а также возникающих на их основе более сложных структурных образований. Каждый уровень в языке представляет собой переход от структурных форм воплощения языковых значений к системной их организации.

Из образующих структуру звуков речи строятся системные образования — слоги, в которых тоновая основа гласного дополняется шумовой природой согласных звуков. Соединенные в определенном порядке слоги образуют слово, которое выступает в качестве системного образования, обладающего динамичностью, цикличностью и функциональностью [5: 70]. Если слово, состоящее из набора слогов, выстроенных по определенным правилам, относится к системным образованиям, то словарный запас представляет собой структуру, из которой впоследствии формируется система нового уровня — словосочетание и затем предложение.

В процессе поэтапного структурно-системного перехода от низшего уровня к высшему возникает категория языковых единиц с новыми свойствами и отношениями. И у этой категории наряду с объемом (множеством входящих в ее состав языковых единиц или образов) есть содержание, отражающее совокупность наиболее существенных признаков предметов мысли, на основании которых они выделяются и обобщаются в данном множестве. Именно это содержание и составляют суть категории.

При этом переход к категориальным единицам более высокого уровня обусловлен правилами, которые определяют их строение и способ оформления отношений между образующими их частями — языковыми единицами предыдущего уровня. Например, значение словосочетания состоит в «отношении, которое возникает между знаменательными словами, соединив-

шимися на основе того или другого вида подчинительной связи» [11: 81]. И это отношение формируется на основе грамматических категорий рода, числа, падежа, лица, времени и т. д. Каждая часть речи обладает своим набором грамматических категорий, которые, с одной стороны, принимают участие в формировании словосочетаний, а с другой — отвечают за их соответствие описываемым с их помощью явлениям действительности.

По своим функциям грамматические категории, с одной стороны, выступают как инструменты членения языковых единиц определенного уровня, с другой — как средства, необходимые для образования категориальных структур следующего уровня. Рассмотрим это подробнее.

Категории ментального членения объектов действительности. При восприятии окружающего мира в сознании субъекта формируются представления — реконструированные образы предметов и чувственные их характеристики: зрительные, слуховые, двигательные, обонятельные, осязательные, температурные и т. д. Отделение существенных признаков объектов и явлений от несущественных способствует преобразованию представлений в понятия, в которых на основе аналитического мышления закладываются логически расчлененные общие мысли о предмете.

Трансформация представлений в понятия знаменует переход от инструментальных категориальных средств членения окружающего мира (по форме, по структурным составляющим) к категориальным качественно-количественным характеристикам, объединяющим в определенную категорию предметы окружающего мира и соотносящиеся с ними образы.

Обобщая и дополняя друг друга, понятия служат основой для дальнейшей систематизации окружающей действительности — вычленения типов, видов, разрядов объектов, сходных по своим признакам и отношениям с другими объектами. Обратимся к таблице 1.

Таблица 1

	Единицы сознания и языка	Инструментальные категории	Структурно-семантические типы	
СОЗНАНИЕ	ОКРУЖАЮЩИЙ МИР объекты, их признаки			СОДЕРЖАНИЕ
	ОБРАЗЫ визуальные, обонятельные, звуковые и т. д.	Представления	Понятия, типы, виды, классы, ряды и т. д.	
ЯЗЫК	РЕЧЕВЫЕ ЗВУКИ звуки, слоги фонетические слова, такты, фразы	Гласные, согласные; открытые, закрытые, ударные и т. д.	Ритмические модели	
	ЛЕКСЕМЫ существительные, прилагательные, глаголы, наречия, числительные и т. д.	Морфемы	Лексико-грамматические разряды частей речи	
	СЛОВСОЧЕТАНИЯ глагольные, субстантивные, адъективные, наречные	Род, число, падеж, вид, время и т. д.	Типы подчинительной связи: согласование управление примыкание	
	ПРОСТЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ двусоставные, односоставные	Предикативность, модальность, аспектуальность и т. д.	Типы речи: повествование, вопрос, побуждение	
	СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ союзные, бессоюзные	Союзы	Тип синтаксической связи: сочинение подчинение	
	АБЗАЦЫ прогнозирующий, смешанный, креолизованный, графический, абзац-отбивка, абзац-расчленение	Тема, рема, детерминант, синтагмы	Типы абзацев: сематические, аналитико-синтетические, синтетико-аналитические, рамочные	
	СЛОЖНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЦЕЛЫЕ статические, динамические, смешанного типа	Информативность, связность, авторская модальность и т. д.	Типы речи: повествование, описание, рассуждение	

Категории фонетического членения. На следующем, собственно языковом, этапе сложившиеся в сознании категории ментального уровня получают речевое фонетическое оформление. Обладая не только произносительными, но и ритмическими характеристиками, фонетические единицы речи, несут в себе начальные элементы смысла, который проявляется в восприятии определенной последовательности, частоты колебаний голосовых связок, чередования акцентов и пауз. Модели, лежащие в основе ритмической организации речи, оказывают влияние на ее восприятие, выступают «условием целостности текста, его смысловой и эстетической доминантой» [6: 4].

Звуки речи, слоги, фонетические слова классифицируются на основании способов их образования, строения и произношения, предопределяя переход к следующему этапу — формированию представлений о лексическом составе языка.

Категории словообразовательного членения слов — морфемы, обладающие связанным лексико-семантическим значением: корневым и словообразовательным, активно участвуют в образовании частей речи и их лексико-грамматических разрядов.

Морфологическое членение лексем в зависимости от присущих им грамматических признаков (рода, числа, падежа, вида, времени и т. д.) лежит в основе образования словосочетаний, которые строятся на основе содержательной подчинительной связи: согласования, управления и примыкания.

Категории функционально-семантического членения. Слово-сочетания участвуют в построении простого предложения, обладающего предикативностью и другими функционально-семантическими характеристиками: модальностью, аспектуальностью, темпоральностью, таксисом, залоговостью, персональностью, поссессивностью и др.

Классификация простых предложений в зависимости от структуры (наличия главных членов) относится к формальному делению, в то время как классификация, основанная на способе изложения информации (типах речи), содержит в себе

определенные смысловые составляющие, соотносящиеся с заданными в них коммуникативными намерениями автора.

Категории синтаксического членения. Объединение простых предложений в структуре сложного предложения происходит на основе бессоюзной и союзной связи, в основе которой лежат представления о сочинении и подчинении как типах синтаксических конструкций, ориентированных не только на форму, но и на содержание, обусловленное равноправием частей внутри сложного предложения или зависимостью одной части от другой.

Категории коммуникативного членения текста: актуальное членение, синтагматическое и интонационное членение. Простые и сложные предложения образуют текст, внутри которого присутствует деление на абзацы, обладающие логико-смысловыми, экспрессивно-эмоциональными и акцентно-выделительными значениями [2: 377].

Стоит отметить, что разделение абзацев по формальным признакам на прогнозирующий абзац, смешанный абзац, креолизованный абзац, графический абзац, абзац-отбивка, абзац-расчленение [10: 142] не представляется убедительной; в то время как классификация их по коммуникативно-содержательным признакам на аналитико-синтетические, синтетико-аналитические, рамочные типы абзацев [3: 38–39] вполне закономерна.

*Категории контекстно-вариативного членения*¹ ориентированы на оформление содержательного и структурно-композиционного устройства текста. Включение в текст отличающихся по оформлению и содержанию компонентов (речи автора в виде повествования, описания, рассуждения, чужой речи в форме монолога, диалога, несобственно-прямой речи) имеет отношение к содержанию, облегчая процесс его восприятия.

Переход от единиц языка (предложений) к единицам речи (высказываниям), способным объединяться в структурно-се-

¹ Контекстно-вариативное членение текста — термин И. Р. Гальперина [4: 52].

мантические образования на уровне сложного синтаксического целого, межфразового единства, фрагментов-блоков, сопровождается использованием категориального аппарата высшего уровня, включающего иноформативность, связность, стилистическую оформленность и т. д.

Стоит отметить, что в настоящее время понятие «категория текста» не получило еще однозначного терминологического определения. Требуются дополнительные исследования, чтобы разобраться в количестве и в характере взаимодействия на категориальном уровне объективных и субъективных составляющих столь значительного по объему и целостного по содержанию письменного отображения действительности, каким является текст.

Заключение. Сознание и язык как типичные категории проявления включают единицы (объекты, звуки, лексемы, словосочетания и т. д.), которые имеют материальную форму и относятся к категориям воплощения, а также соответствующие им дисциплинарные разделы (семантика, фонетика, графика, лексикология, грамматика, текст), представляющие в языковой иерархии категории проявления более высокого или низкого уровня.

Переход от категорий воплощения (единиц сознания, языка и речи) к категориям проявления, в рамках которых возникают новые единицы, осуществляется с помощью инструментальных собственно лингвистических средств (морфем, союзов, грамматических категорий), выступающих не только как способ классификации однородных объектов, но и как средство осуществления перехода от одного языкового уровня к другому в рамках сложившейся иерархии, способствуя правильному их оформлению в составе единиц более высокого уровня.

В результате взаимодействия категорий воплощения и категорий проявления возникают категории содержательно-оценочного уровня (категории квалификации), в рамках которых реализуются структурно-смысловые компоненты восприятия действительности: понятия, ритмические модели, лексико-грамматические разряды частей речи и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 2000. — 1536 с.
2. Валгина, Н. С. Современный русский язык : Синтаксис / Н. С. Валгина. — 4-е изд., испр. — Москва : Высшая школа, 2003а. — 416 с.
3. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. — Москва : Логос, 2003б. — 280 с.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — 4-е изд., стер. — Москва : КомКнига, 2006. — 144 с.
5. Глазунова, О. И. Синергетика творчества: Опыт анализа художественного текста / О. И. Глазунова ; предисл. Г. Г. Малинецкого. — Москва : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. — 344 с.
6. Гумовская, Г. Н. Ритм прозаического текста: проблемы, поиски, решения / Г. Н. Гумовская // Сборник научных трудов. — 2008. — Вып. 11. — С. 4–36.
7. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2001. — Т. 1 : А–О. — 1232 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : «Советская энциклопедия», 1990. — 685 с.
9. Ломов, А. М. Типология русского предложения / А. М. Ломов. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1994. — 280 с.
10. Марьина, О. В. Виды абзацев в текстах русской прозы рубежа XX–XXI вв. / О. В. Марьина, С. А. Кузнецова // Культура и текст. — 2018. — № 3 (34). — С. 142–151.
11. Русская грамматика. — Москва : Наука, 1980. — 710 с.
12. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2011. — 1175 с.
13. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичёва [и др.]. — Москва : Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.
14. Философско-терминологический словарь / под ред. А. Ф. Малышевского. — Калуга : Издательский педагогический центр «Гриф», 2004. — 330 с.

РАЗВИТИЕ МЕТОДОВ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Лазуткина Е. М.

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам исследования синтаксической семантики в современной функциональной лингвистике. Автор видит корни функционального подхода в работах отечественных ученых XIX–XX вв. Автор считает, что исследование синтаксиса входит в число проблем общей теории языка. Основным принципом функциональной лингвистики является моделирование деятельности носителей языка. Направления функциональных исследований — структурно-функциональное и когнитивно-прагматическое.

В работах структурно-функционального направления изучаются языковые единицы разных уровней и их взаимодействие. Когнитивно-прагматическое направление представляют логический анализ языка, концептуальный анализ и анализ дискурса.

Методологическим основанием для объяснения функционирования языковой системы, работы прагматических механизмов служит облигатная модусная категория синтаксического лица. Автор доказывает необходимость использования принципов функционализма в лексикографической практике. Центральным объектом является модель предложения. В качестве инструмента исследования смысловой организации предложения используется понятие синтаксической позиции формы слова.

Актуальная тема современных исследований — выявление концептов и когнитивных категорий по данным языка. Автор демонстрирует способы представления концепта «воздействие на человека чувств и мыслей» в структуре предложения; показывает плодотворность применения метода моделирования для выявления способов репрезентации концепта «уступительные отношения» и для обнаружения системной (метаязыковой) категории «синтагматический класс глаголов».

Ключевые слова: теория языка, функциональная лингвистика, синтаксическая семантика, синтагматика, парадигматика, концептуальный анализ.

DEVELOPMENT OF FUNCTIONAL LINGUISTICS METHODOLOGY IN THE STUDY OF SYNTACTIC SEMANTICS

Lazutkina E. M.

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the problems of researching syntactic semantics in modern functional linguistics. The author sees the roots of the functional approach in the works of domestic scientists of the XIX–XX centuries. The author believes that the study of syntax is among the problems of general language theory. The directions of functional research are structural-functional and cognitive-pragmatic. The main principle of functional linguistics is the modeling of the activities of native speakers.

In the structural-functional direction, the study of language units of different levels and their interaction is carried out. Cognitive-pragmatic direction represents logical analysis of language, conceptual analysis and discourse analysis.

The obligatory modus category of the syntactic person serves as a methodological basis for explaining the functioning of the language system and the work of pragmatic mechanisms. The author proves the necessity of using the principles of functionalism in lexicographical practice. The central object is the proposal model. As a tool for studying the semantic organization of a sentence, the concept of the syntactic position of the form of a word is used.

A current topic of modern research is the identification of concepts and cognitive categories using language data. The author demonstrates ways of representing the concept of “influence on a person of feelings and thoughts” in the structure of the sentence; shows the effectiveness of using the modeling method to identify ways to represent the concept of “concession relationship” and to discover the systemic (meta-linguistic) category “syntagmatic class of verbs”.

Key words: language theory, functional linguistic, syntactic semantics, syntagmatics, paradigmatics, conceptual analysis.

Грамматика — дисциплина, призванная давать научное знание о языке в его отношении к мысли.

Ф. Ф. Фортунатов, 1903 год

I. Исследование «логики языка» как исследование семантическое. Своеобразие каждого естественного языка заключается в особом соотношении мыслительных и языковых категорий. Исследование синтаксиса входит в число проблем общей теории языка, и закономерности синтаксической сочетаемости – это способ проявления уже известных и еще неочевидных структурных связей, парадигматических отношений в системе – слов, форм слов, конструкций.

Предмет нашего исследования – методы изучения синтаксической семантики в русском языкознании, становление методов и приемов структурно-функциональных исследований, концептуального анализа и метода моделирования металингвистической категории.

Функция понимается нами как системное предназначение определенного элемента на разных уровнях его употребления. Первые ростки функционального подхода мы видим в XVIII веке — в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова. Это подход к выработке правил орфографии на основе грамматического состава слова, его морфологической парадигмы. В «Наставлении» первом, в Главе пятой, в 129-м параграфе, при составлении правила написания слов (слитное / раздельное написание с предлогом), он впервые привлек морфологическую парадигму слова (*предместье, предместью* и т. д.), то есть использовал характеристики его состава в связной речи [13: 341].

Третью главу «О сочинении глаголов» Ломоносов посвятил анализу глагольных значений, а также значений глагольных словосочетаний и конструкций — действительной и страда-

тельной. Через преобразование (трансформацию) конструкции Ломоносов показывает, что критерием разграничения активных и пассивных конструкций является тип семантико-синтаксических отношений между предикативно сопряженными словоформами, а не морфологическая форма предиката.

В главе «О сочинении глаголов» Ломоносов на конкретных примерах-речениях показывает, как связано грамматическое устройство высказывания, его смысл и условия его употребления, обусловленные этическими канонами общества. На примерах *покажи свою книгу* и *покажи своей книги* Ломоносов разъясняет, что выбор формы род. или вин. падежа имени диктуется стилистикой речи: «В сем заключается еще учтивость: *покажи свою книгу* — сказано со властью; *покажи своей книги* — речь учтивее».

Исследование языка в функциональном аспекте было задано как главное направление языкознания уже в 40–50-х годах XIX века. Ф. И. Буслаев пишет о существовании «логики самого языка»; он убежден в необходимости соединении языкознания с философией языка [8: 18]. Эти идеи лежат и в основе общей теории языка А. А. Потебни, который утверждал, что «путь», «колея» языка – это образ мышления языка, принудительно определяющий течение мысли говорящего [20: 12]. Такая же точка зрения у К. С. Аксакова: «Язык мыслит своими формами, флексиями, словоизменениями и пр. Это-то мышление самого языка, выражающееся в различных формах, должна следить грамматика» [1: 530]. А. В. Добиаш считает функциональный подход единственным способом определения частеречной принадлежности слов: «Нужно определять части речи по роли слов в самой речи»; «Глагол – душа предложения <...> ему акт синтетического укладывания присущ как грамматическая функция» [11: 40].

Структурно-функциональные исследования у этих языковедов строились на основе созданной ими теории значения, семиологии. А. А. Потебня считал место слова его внутренней формой: ее образуют не только языковые значения (категориаль-

ные и «свойственные ему одному»), но и «знание места, которое занимает слово в целом, будет ли это целое речью или схемой форм» [19: 66]. Совсем в иной плоскости лежит понятие В. Гумбольдта «внутренняя форма языка»: у него речь идет о выражении мировоззрения народа.

В этом ключе и выводы ученых о том, что смысл предложения не складывается из значений входящих в него слов, что целое больше его частей. Таким образом, был поставлен вопрос о существовании скрытой предикации и о процессах фразеологизации. И. А. Бодуэн де Куртене пишет о существовании в языке «скрытых языковых представлений», не имеющих «морфологических экспонентов» [5: 63–64]; А. А. Шахматов — о существовании грамматических категорий, «не связанных с морфологическим выражением» [24: 434]. В начале XX века эти идеи получили развитие в металингвистике М. М. Бахтина, созданной как теория выражения, в которой подчеркивается диалоговая основа языка, акцентируется роль личности говорящего и его оценок, а также фигуры адресата [4: 303–323].

О. Н. Селиверстова дает высокую оценку созданной учеными конца XIX и начала XX века теории лексического значения: они трактовали значение как концепт «т. е. явление принципиально отличное от денотативной отнесенности». Она признает справедливыми их «прозрения о том, что эти концепты соответствуют не уровню восприятия, а сформировались на более высоком уровне обработки и переработки (переосмысления) получаемой извне информации» [21: 21–24]. Русский философ середины XIX века П. Д. Юркевич в значении современного термина «концепт» употребляет слово «идея», которое он трактует как сущностное явление вещи [27: 12].

II. Современная функциональная лингвистика как интегративное исследование языка. Исследования отечественных ученых конца XIX – начала XX века согласуются с современной теорией языка. Современная функциональная лингвистика имеет два основных исследовательских направления — **структурно-функциональное** и **когнитивно-прагматическое**.

В работах первого направления изучаются структурные связи языковых единиц разных уровней и закономерности их взаимодействия. Для решения задач структурно-функционального анализа мы обращаемся к семантике единиц более высокого уровня: от семантики формы слова – к семантике предложения, к выявленным на уровне предложения и его деривационных отношений системным категориальным разрядам, к обнаруженным при концептуальном анализе понятийным категориям, к макросемантическим разрядам лексики. Как замечает А. В. Бондарко, «исходные функции отдельных единиц (элементов языковой системы) реализуются в речи в рамках функции, выполняемой комплексом средств. Функции каждой из единиц по существу приходится восстанавливать» [7: 207].

Работы второго направления посвящены объяснению строения системных единиц процессами познания и общения — смысловыми акцентами говорящих и использованием речевых образцов в различных типах дискурса. Существующие модели предложения трактуются как интерпретативные структуры, сложившиеся под влиянием многофакторного пространства лингвистической прагматики. Это предписывает изучение языка в модальности субъекта речи и объяснение линейной организации высказывания как способа осуществления замысла говорящего – с учетом палитры его оценок, которые играют главную роль в создании конструктивной основы предложения. См.: «Вместо задачи описания языка задача построения объяснительной науки о языке, вместо процедур открытия речевых регулярностей моделирование деятельности носителя языка. <...> Принимается постулат о том, что языковая форма всегда, в конечном итоге, мотивируется смыслом» [2: 149–150].

Для объяснения работы системных прагматических механизмов используется методологический конструкт, такая модусная категория, как **категория синтаксического лица** [26: 143–153]. Ср. объяснение А. М. Пешковского: «"Субъект" здесь надиндивидуален, это **языковой** субъект, т. е. не просто "говорящий", а "всякий говорящий"» [17: 89–90].

III. Структурно-функциональные исследования ставят своей целью изучение языковых единиц разных уровней, их взаимодействие, выявление их категориальных разрядов, парадигматических отношений, определение их сочетаемостных свойств. Центральной системной единицей является предложение.

1. Словосочетание как элемент структуры предложения.

В отечественной литературе **словосочетание** рассматривается как фрагмент предложения и как способ реализации лексического значения главенствующего слов. Обе трактовки восходят к работам В. В. Виноградова [9: 5–63]. Второе определение легло в основу теории подчинительных связей слов Н. Ю. Шведовой. Согласно этой концепции, слова при актуализации в речи для выполнения номинативной функции восполняют свою информативную недостаточность путем присоединения других слов и форм слов. Распространение господствующего члена словосочетания обусловлено его категориальными лексико-грамматическими свойствами и индивидуальным лексическим значением [25: 15–16].

Однако на уровне словосочетания не удается выработать критерии разграничения сильных и слабых связей; невозможно обнаружить синтагматические классы слов, и в процедуру анализа приходится включать рассмотрение характеристик независимой семантической категории предложения субъекта. Так, на уровне словосочетания нельзя объяснить ошибку в управлении отвлеченных существительных: говорящие часто используют форму дат. пад. вместо формы родит. пад.; например: *Подтверждение запроса / *запросу – телефонный звонок*. Подобные ошибки могут быть вызваны ассоциативными связями значений отвлеченных существительных со значением предложений, в которых есть предикаты *давать, предоставлять что кому-чему*; например: *Предоставить свидетельство его участия председателю комиссии*. Особенно частотны ошибки при употреблении указательных местоимений пропозитивной семантики; например: **Свидетельство этому — новые достижения молодого спортсмена*.

2. О синтаксической роли форм слов в составе предложения.

Обусловленность синтаксической значимости слов не только их лексическими значениями, но и значением предложения первым обосновал И. И. Мещанинов [15: 18]. Таким образом, тема-субъект признается главным конструктивным элементом предложения, который обуславливает композиционную семантику предложения и соответствие типов имен типам предикатов. Важным научным открытием стало понятие **синтаксической позиции формы слова**, которое ввел в теорию синтаксиса профессор Московского университета Т. П. Ломтев в 1958 году.

Т. П. Ломтев назвал синтаксическую позицию главной единицей смысловой организации предложения: «В понятии позиции грамматической формы выражается характер ее зависимости от других форм внутри простого предложения» [14: 22]. Данное понятие показывает, что модель предложения связана с миром знаний через содержательные структуры языка более высокой степени абстракции, нежели значение слова. Синтаксическая позиция выявляет одинаковые функциональные свойства у слов с разным лексическим значением, то есть обнаруживает неочевидные парадигматические отношения.

3. Структурно-функциональный анализ как основа лексикографии.

Грамматический комментарий в толковом словаре должен давать указание читателю, как построить правильное высказывание. Ошибки в словарных статьях современных толковых словарей говорят о том, что лексикографы часто не учитывают теоретические разработки и что существует проблема обновления и расширения грамматического комментария.

Рассмотрим некоторые ошибки лексикографов.

1) Составители статей часто не различают оморфные глаголы двух разных лексико-семантических групп — переходные глаголы перемещения и глаголы локально направленного действия.

Так, в глаголе ЗАЛИТЬ несколько значений, три из которых диктуют разное распространение глагола:

а) ЗАЛИТЬ “покрыть что-то жидкостью” *что чем: Залить рыбу маринадом;*

б) ЗАЛИТЬ “покрыть собой, растечься (о жидкости)” *что: Река залила луга;*

в) ЗАЛИТЬ “налить” *что во что: Залить молоко в цистерны.*

В Словаре С.И. Ожегова также имеет место неразличение этих групп глаголов; ср. примеры в одной статье: *обнести стену вокруг дома и обнести двор стеною.*

2) Словарь не различает диатезы глаголов и неправильно определяет значения. Так, двухвалентный глагол ЗАПОЛНИТЬ трактуется как одновалентный, но иллюстрируется речением, содержащим двухвалентный глагол; ср.: *ЗАПОЛНИТЬ *что. Мы заполнили ров водой.*

Здесь должны быть указаны два значения и даны разные синтаксические пометы: а) ЗАПОЛНИТЬ **что чем:** *Мы заполнили ров водой* (в позиции субъекта одушевленное существительное) и б) ЗАПОЛНИТЬ **что:** *Вода заполнила ров.*

3) Словари не различают сильноуправляемую и слабоуправляемую форму слов в творит. пад. Так, в «Толковом словаре русского языка. С включением сведений о происхождении слов» (М., 2007) нет пометы **чем** в статьях к двухвалентным глаголам со значением “локально-направленное действие, имеющее своим следствием итоговую смежность средства воздействия и объекта”; например: *Ветер закрывает солнце тучами.*

Ср. разную значимость форм твор. пад.:

а) *Мы работали в огороде лопатами, граблями, тяпками* (монопредикативное предложение; слабое управление).

б) *Мы наполняли ящики яблоками, грибами, вареньем и мёдом* (в предложении скрытая предикация; сильное управление).

В первом предложении имена в творит. пад. имеют орудийное значение, обозначают соединение отдельных предметов, представляют концепт «расчлененное (дискретное) множество».

Во втором примере глагол-предикат имеет событийное значение. У имен в творит. пад. особая структурная роль: указание на то, что в основе простого предложения две логические структу-

ры, в первой косвенный объект (средство воздействия) является инструментом, во второй — каузатором действия. Вследствие этого, форма в творит. пад. структурно обязательна, и в словарной статье к глаголу НАПОЛНЯТЬ должна быть помета **чем**.

Имена существительные в данной позиции представляют концепт «нерасчлененное (недискретное) множество» («множество-континуум»). Понятие множества-континуума — «множество точек представляет некую единую реальность» — ввел Н. Н. Лузин в 1907 году, и вскоре его континуум-гипотеза стала аксиомой.

4) Лексикографы часто не выделяют системное вторичное значение у глагола как самостоятельное, в то время как появление в позиции субъекта имени с предметным значением при акциональном предикате сигнализирует о том, что глагол не обозначает действие, он стал глаголом-стативом. При этом такой глагол обычно теряет морфологическую гибкость, употребляется как глагол НСВ, и лексикограф обязан сделать соответствующие пометы в словарной статье.

Подобная семантика предиката говорит о том, что произошло усложнение информационного плана предложения, «рассказ о действии» превратился в оценочное суждение о положении дел, о факте; например: *Любовь к родной природе **пронизывает** весь сборник стихотворений поэта* (П. Пустовойт).

5) Нередко в словарной статье отсутствуют ограничения в употреблении морфологических форм категории лица глаголов, т. е. нет указаний для правильного построения высказывания с данным словом. Ср. введение в словарную статью необходимых помет:

ПЕРЕВЕСТИСЬ 2 (-едусь, -едёшься, **1 и 2 л. ед. ч. не употр.**), -едётся; -ёлся, -елась; -ведшийся; сов. (разг.). Израсходоваться, исчезнуть (чаще с отрицанием). *Не перевелись ещё рыцари.* || несов. переводиться (-ожусь, -одишься, **1 и 2 л. ед. не употр.**), -одится. *Старуха его работала санитаркой в больнице, поэтому спирт у них никогда не переводился и никогда не переводился зря* (С. Соколов).

IV. Когнитивно-прагматическое направление функциональной лингвистики представлено логическим анализом языка, концептуальными исследованиями и анализом дискурса.

Терминология этого направления согласуется с терминологическим аппаратом получившей распространение в XXI веке новой теории гуманитарного знания, методология которой предписывает использовать при анализе всех значимых единиц языка, имеющих определенную грамматическую оформленность, триаду понятий – «интерпретация», «репрезентация» и «конвенция» [16: 85–94].

1. Представление концепта «воздействие на человека чувств, эмоций и мыслей» в русском дискурсе.

Выявление концептов по данным языка – актуальная тема современных исследований. Н. Д. Арутюнова определяет «пространство» концептуального анализа: «Концепты, моделирующие кванты происходящего, формируются на перекрестке именных и глагольных категорий» [3: 404].

Концепт — квант коллективного языкового сознания, часто не осознаваемый носителями языка. Ср. заключение Н. Н. Болдырева: «Концепт является результатом и теоретического, и обыденного сознания, фрагментом любого познавательного опыта» [6: 170].

Наше определение: концепт — мыслительная структура, служащая операционным элементом в процессах познания-общения и находящая свое представление в категориальной семантике языковых единиц разного уровня; например: *В основе значения собирательных существительных лежит концепт «множество».*

В русском языке воздействие чувств, мыслей на человека представляется как стихийное действие-движение внешней силы, и для обозначения этого воздействия традиционно используется модель предложения с обратным порядком слов; например: *Почему-то приковавшись к ветвям, Римский смотрел на них, и чем больше смотрел, тем сильнее и сильнее его охватывал страх* (М. Булгаков).

Тематизация названия лица в косвенном падеже говорит о том, что для носителей русского языка важно представить человека в качестве субъекта, несмотря на его статус «претерпевающего». В роли предиката выступает смысловое целое — сказуемое *охватывал* и подлежащее *страх*.

Вне зависимости от знания людей о различии между чувствами и ощущениями, грамматика показывает «логику языка»: данный системный синтаксический образец служит также для обозначения физических ощущений человека; ср.: *Однажды, вернувшись с тяги, Я лег подремать на диван. Разносчик бо-лотной влаги, Меня прознобил туман* (С. А. Есенин).

2. Применение метода когнитивного моделирования для выявления способов представления концепта «уступительные отношения».

Метод моделирования восходит к методу эксперимента Л. В. Щербы и является гипотетико-дедуктивным методом исследования семантики языковых единиц [23: 118; 22: 133–143].

Исследования показали, что концепты могут находить свою репрезентацию не только в языковых категориях и макросемантических разрядах лексики, но и в синтаксических структурах. Так, З. Д. Попова описывает модели предложений, представляющие концепты «субъект и его признак», «активно действующий субъект»; см., например [10; 18].

Сложность создания мыслительного конструкта уступительных отношений состоит в том, что лингвист не может опираться на денотат, на понятия прототипичности, иконичности: в действительности уступительных отношений, как и других отношений логической обусловленности, не существует. Для выявления всех структурных типов предложений, обозначающих уступительные отношения, и их модификаций был создан мыслительный конструкт уступительности. Описывая параметры данного конструкта, автор подчеркивает важность учета точки зрения говорящего – категории синтаксического лица [28: 32–33]. См. пример сложного предложения с прида-

точным уступительным: *Хотя дикция у певцов была отменная, но иногда сам тип мелодии или оркестровая фактура не позволяли расслышать полностью текст* (газ.).

3. Моделирование метаязыковой категории «синтагматический класс глаголов».

Как правило, в своем поиске одинаковых синтаксических свойств глаголов исследователи обращаются к группам семантически близких глаголов, но синтаксически значимые семы, отражающие глубинную содержательную сущность глаголов и определяющие их валентность, отнюдь не всегда зависят от тематической общности лексем. Сочетаемость глаголов следует изучать на более высоком системном уровне – на уровне предложения и парадигматики предложений, где становятся очевидными кореферентность синтаксических позиций в деривационно связанных моделях предложений. Для определения границ синтагматического класса глаголов и его исчисления следует использовать метод создания конструкта сигнификативного ядра предложений с данными глаголами. Так, модель сигнификативного ядра предложений с событийными глаголами локально направленного действия строится на основе их инвариантного значения “направленность действия-движения на объект, имеющего своим следствием смежность средства воздействия с объектом” и содержит следующие члены: *субъект действия, предикат, объект* (имя в винит. пад. со знач. места) и *косвенный объект* (имя в твор. пад. в функции средства воздействия / каузатора действия).

Выраженность всех «участников» события заставляет считать модель с двухвалентным глаголом исходной в деривационной цепи; например: *Она [Маргарита] аккуратно сложила обгоревшие листки, завернула их в бумагу, **перевязала лентой*** (М. Булгаков). Ср. модификации модели с включенным и с обобщенным объектом: *Бегемот отрезал кусок ананаса, **посолил его, поперчил*** (М. Булгаков); *Ну что же это такое! — воскликнул Воланд, — зачем ты **позолотил усы?*** (М. Булгаков); *Объясни, почему не сел в кресло? — спросил Пилат. — Я грязный, я его **запачкаю,** — сказал Левий, гля-*

дя в землю (М. Булгаков). Синтаксическая позиция имени в творит. пад. и постфикс -ся в предложениях с глаголами-автокаузативами функционально тождественны: Она [Наташа] сбросила с себя одежду и кинулась к крему и немедленно **им намазалась** (М. Булгаков); Обойная лавка **задернулась туманом** (М. Булгаков). То же сигнификативное ядро в конструкциях с одновалентным глаголом: Публика **стала окружать** негодяев, и тогда в дело вступил Коровьев (М. Булгаков); Дым **наполнил** комнату сейчас же (М. Булгаков); Домработница Кванта кричала бегущим на лестнице, что их **залило** (М. Булгаков).

Конструкт «сигнификативное ядро» выявляет деривационную сеть моделей предложений с данными глаголами и позволяет объединить 1500 глаголов в один синтагматический класс. Наибольшее число моделей предложений организуют глаголы с общим значением, например: *заполнять, покрывать, заливать, захватывать*. Конструкции с глаголами, имеющими более конкретное значение, как правило, представляют собой лишь отдельные участки деривационной сети; например: *Повар обдал кастрюлю кипятком; Лужа взялась коркой льда*.

Таким образом, применение метода моделирования позволяет обнаружить в языке неочевидные парадигматические отношения глаголов и синтаксических конструкций и дает основание утверждать, что существует системная категория «синтагматический класс глаголов». **Синтагматический класс глаголов** – это функционально-семантическая категория глаголов, определяющая их валентностные свойства и композиционную семантику моделей предложений. Способ ее репрезентации – деривационная сеть моделей предложений [12: 201–216]. Соотношение функционально-семантических категорий «диатеза» и «синтагматический класс» таково: если «диатеза» показывает деривационные связи предложений с гомоморфными глаголами, то категория «синтагматический класс» выявляет одинаковые синтаксические свойства у глаголов разных лексико-семантических групп, т. е. представляет собой категорию более высокого уровня.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксаков, К. С. Полное собрание сочинений / К. С. Аксаков. — Т. II, ч. I. — Москва, 1875.
2. Алпатов, В. М. Структурализм и современная лингвистика / В. М. Алпатов // Вестник Института востоковедения РАН. — 2018. — № 5. — С. 146–150.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с.
4. Бахтин, М. М. Собрание сочинений / М. М. Бахтин. — Москва, 1996. — Т. 5. — С. 303–323.
5. Бодуэн де Куртене, И. А. Избранные работы по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртене. — Москва, 1963. — Т. I. — 382 с.
6. Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — Москва : Изд. дом ЯСК, 2018. — 480 с.
7. Бондарко, А. В. Категоризация в системе грамматики / А. В. Бондарко. — Москва : Изд. дом ЯСК, 2012.
8. Буслаев, Ф. И. Историческая грамматика русского языка : в 2 ч. Ч. 2 : Синтаксис / Ф. И. Буслаев. — Москва : Юрайт, 2018. — 328 с.
9. Виноградов, В. В. Словосочетание как предмет синтаксиса. Взаимодействие грамматических категорий и лексических значений слов в формах словосочетаний / В. В. Виноградов // Грамматика русского языка. — Т. 2, ч. 1. — Москва, 1954.
10. Всеволодова, М. В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка / М. В. Всеволодова // Вопросы языкознания. — 2009. — № 3.
11. Добиаш, А. В. Опыт частей речи и их форм на почве греческого языка / А. В. Добиаш // Известия историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине, т. 16. — Нежин, 1898. — 544 с.
12. Лазуткина, Е. М. Синтагматический класс глаголов: определение и исчисление / Е. М. Лазуткина // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 4. «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии. Памяти Андрея Анатольевича Зализняка». — Москва, 2019. — С. 201–216.
13. Ломоносов, М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. — Москва ; Санкт-Петербург, 2011. — Т. 7.

14. Ломтев, Т. П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) / Т. П. Ломтев // Филологические науки. — 1960. — № 4. — С. 15-28.
15. Мещанинов, И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. — Ленинград, 1978. — 387с.
16. Микешина, Л. А. Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии / Л. А. Микешина // Вопросы философии. — 2016. — № 2. — С. 85-94.
17. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. / А. М. Пешковский. — Москва : Учпедгиз, 1956. — 511 с.
18. Попова, З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З. Д. Попова. — Воронеж, 2009. — 210 с.
19. Потеня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потеня. — Москва, 1958. — Т. I-II. — 536 с.
20. Потеня, А. А. Слово и миф / А. А. Потеня. — Москва : Правда, 1989. — 622 с.
21. Селиверстова, О. Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки / О. Н. Селиверстова // Вопросы языкознания. — 2002. — № 6. — С. 12-26.
22. Селиверстова, О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания / О. Н. Селиверстова // Принципы и методы лингвистических исследований. — Москва : Наука, 1976. — 380 с.
23. Степанов, Ю. С. Проблема общего метода современной лингвистики / Ю. С. Степанов // Всесоюзная конференция по теоретическим вопросам языкознания : тезисы докладов. — Москва, 1974.
24. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. — 2-е изд. — Москва ; Ленинград, 1941.
25. Шведова, Н. Ю. Подчинительные связи слов и словосочетания / Н. Ю. Шведова // Русская грамматика. — Москва : Наука, 1980. — Т. II.
26. Шведова, Н. Ю. Русский язык. Избранные работы / Н. Ю. Шведова. — Москва : ЯСК, 2005. — 639 с. — С. 143-153.
27. Юркевич, П. Д. Идея / П. Д. Юркевич // Юркевич П. Д. Философские произведения. — Москва, 1990.
28. Юань Мяосюй. Способы выражения уступительных отношений в публицистическом стиле современного русского литературного языка / М. Юань. — Москва : Издательство «Спутник+», 2012. — 146 с.

ГРАММАТИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ О СЛОВЕ В АСПЕКТЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ

Шарандин А. Л.

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
Тамбов, Россия

В «Предисловии» ко второму изданию (1972) книги «Русский язык (Грамматическое учение о слове)», ставшей настольной книгой в изучении русской грамматики (морфологии) для многих поколений русистов, В.В. Виноградов пишет: «Я поставил себе задачей — не только изложить свою систему грамматического учения, но и показать те пути, по которым двигалась лингвистическая мысль в поисках решения основных вопросов русской грамматики» [3: 8]. Одним из таких путей, рассматриваемых им, стало осмысление и изучение слова как «внутреннего, конструктивного единства лексических и грамматических значений» [3: 18]. Это закономерно, учитывая теоретическую позицию В.В. Виноградова о том, что «изучение грамматического строя языка без учета лексической его стороны, без учета взаимодействия лексических и грамматических значений невозможно» [3: 12]. Поэтому сочетание «грамматическое учение о слове» имеет не только узкое понимание как внутренней системы грамматического (морфологического) устройства слова, но и широкое, — включающее в качестве системного аспекта изучения грамматики ее связь и взаимодействие с лексикой.

Этот аспект в рамках его рассмотрения в составе более общей проблемы соотношения семантики и грамматики признается центральным в языкознании, и поэтому он в той или иной степени всегда был в поле зрения лингвистов лексики и грамматики. По крайней мере, с того момента, когда стало осознаться, что слово представляет собой единство лексического и грамматического

значений. Исследовательский интерес к этому аспекту на разных этапах развития русистики был различным (ср. этап господства формального направления в начале 20 века и этап конца 20 века, представленного лексико-грамматическими исследованиями). Что же касается настоящего времени, то, на наш взгляд, исследовательский интерес к взаимодействию лексики и грамматики несколько снизился, утратил ту актуальность, которая присуща сегодня направлениям, связанным с антропоцентрическим подходом к описанию языка (в частности, представленным когнитивной лингвистикой, функционально-коммуникативной лингвистикой, психолингвистикой, лингвокультурологией). Они связаны с исследованием человеческого фактора и его роли в коммуникативном пространстве языка, описание которого ранее было сориентировано на системоцентрическое изучение многоуровневой системы языка. В центре грамматического учения оказались структурно-семантические характеристики слова в высказывании или тексте, т. е. формы слова, грамматические категории. В результате в системоцентрическом подходе, учитывающем уровневую организацию языка, мы имеем по существу изолированное рассмотрение лексики и грамматики как относительно самостоятельных подсистем. Каждая из них по своим каналам аккумулирует и выражает различные типы информации. Лексические единицы связаны с отражением, как правило, предметов и явлений действительности, а грамматические единицы — с отражением языковых знаний, в основе которых осмысление и описание отношений между словами с их, как правило, предметно-понятийным содержанием в составе высказывания. Но при этом связь грамматики с действительностью полностью не порывается. Именно это и обеспечивает ей способность участвовать в отражении внеязыковой действительности. Поэтому лексика и грамматика оказываются семантически значимыми, концептуально содержательными подсистемами языка, хотя семантическая информация у них различная. В лексеме она представляет знаковое (лексическое) содержание, а в словоформе — формальное (грамматическое) содержа-

ние. В связи с этим принято разграничивать и *противопоставлять* лексическое значение и грамматическое значение, что по существу и было представлено в *традиционной (структурно-семантической) грамматике*.

Грамматическое учение о слове в этом случае поддавалось исчислению в плане присущих слову грамматических характеристик (категорий). Это, конечно, приводило к ограниченным возможностям в описании языка, к сосредоточению внимания на *статических* результатах изучения грамматики, которые имели эксплицитный (явный) характер. Но эти результаты составляли ядерные знания грамматики, которые отражали детальное и полное описание разных уровней и их единиц, чему отчасти и способствовало изолированное (самостоятельное) изучение языковых уровней. Познание их предметной стороны, в конечном счете, создавало исследовательскую базу для изучения языковых явлений в других направлениях, в которых системноцентрическое описание получало дальнейшее развитие. Так, познание предметной сущности традиционной (структурно-семантической) грамматики привело к осознанию роли собственно функционального аспекта. Поэтому А.В. Бондарко, в работах которого наиболее полно сформулированы принципы, цель и задачи функциональной грамматики, пишет: «Функциональная грамматика — это не отрицание структурной грамматики и не абсолютно новая и обособленная научная дисциплина, а специальное развитие функционального аспекта грамматики как структурно-функционального целого» [1: 16]. Другими словами, «указанные подходы, дополняя друг друга, отражают разные аспекты грамматики» [2: 26].

Таким же *особым аспектом грамматики* и стало представление грамматического учения о слове в рамках *взаимодействия лексики и грамматики*, первоначально сориентированной на область морфологии как учения о формах слова. Наиболее системно и полно не столько противопоставление, сколько взаимодействие лексического и грамматического (морфологическо-

го) значений нашло отражение в выделении в наших работах **особого аспекта** грамматики – **лексической грамматики (ЛГ)**. В ней грамматические средства (категории, формы слов) рассматриваются как *средства выражения абстрактной лексической семантики*, которая оказывается, как и конкретная лексическая семантика, неотъемлемой частью концептуального содержания слова, по отношению к которому грамматика выступает как концептуальная структура. Абстрактная лексическая семантика присуща таким объединениям слов, как *лексико-грамматические разряды слов, лексико-семантические группы слов*. Так, например, глагол *учить*, словарным значением которого является ЛСВ «знать, усвоить, стараться запомнить что-л.» (*учить правило, учить стихотворение*) характеризуется также абстрактной лексической семантикой «активное предельное действие человека, непосредственно направленное на неодушевленный предмет». Данная семантика, в единстве с конкретным лексическим значением, оказывается грамматически оформленной посредством наличия полных парадигм морфологических категорий наклонения, времени, вида, залога, лица.

Наряду с лексической грамматикой, в нашем понимании, возможен и подход, который можно было бы определить как **грамматическая лексика** (*грамматическая лексикология*). Он также представляет собой *особый аспект*, но, скорее всего, *лексики*, когда лексические средства (например, связка *быть*, связочные слова, служебные слова) оказываются средством выражения грамматической семантики.

Методологической базой [9] в решении вопроса о характере отношений между концептуальным содержанием (лексикой) и концептуальной структурой (грамматикой) слова в рамках ЛГ оказывается *диалектика*, которая определяет *характер отношений* между *содержанием и формой* как *относительный*. Он обусловлен тем, что содержание и форма связаны с разными сторонами объекта: концептуальное содержание представляет со-

бой его подвижную, динамичную сторону, а концептуальная форма охватывает систему устойчивых связей предмета и их выражение грамматическими средствами.

В языке факт относительности понятий формы и содержания приобретает особую значимость, поскольку содержание может приобретать статус средства выражения. Как отмечал С. Д. Кацнельсон, «относительность понятия грамматической формы и грамматического содержания сказывается в том, что формальным в языке может быть не только звуковое выражение, но и содержание» [4: 26-27]. Так, например, наличие в парадигме глагольной лексики грамматической формы 1-го лица с присущим ей грамматическим значением, оказывается средством выявления глаголов, обозначающих действие человека. В этом случае грамматическое значение, соотнесенное с формой слова, было ее содержанием, но по отношению к лексической семантике лексики стало выполнять функцию ее грамматического оформления, оказываясь компонентом плана выражения лексики. Парадокс, который возникает в этом случае — семантика выражается через семантику, — объясняется тем, что речь идет о разных семантических уровнях — лексическом и грамматическом. Лексическая семантика в ее конкретном проявлении присуща лексемам и в ее абстрагированном проявлении — различного рода объединениям лексем (ЧР, ЛГР, ЛСГ). Она выявляется на основе их противопоставления. Грамматическая же семантика присуща формам слова и их объединению в составе категории, в результате чего мы имеем категориальную грамматическую семантику.

Особо важно отметить, что в русском языке *слово* с онтологической точки зрения всегда представляет собой *единство лексического и грамматического значений*. В этом плане *методологическую значимость* имеет для ЛГ высказывание В. В. Виноградова о том, что «в языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку неприменимо» [3: 18].

Единую целостность важно отметить и в отношении термина «грамматика», который в традиционном понимании объединяет морфологию (учение о форме) и синтаксис (учение о предложении). Данная позиция также находит свое подтверждение в грамматическом учении о слове В. В. Виноградова, который писал: «В грамматической структуре слов морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в органическое единство. Морфологические формы — это отстоявшиеся синтаксические формы» [3: 31]. В том случае, если лексема не располагает в своей парадигме «отстоявшимися синтаксическими формами», синтаксис приходит «на помощь» морфологии, предоставляя синтаксические средства для оформления лексической семантики лексемы. Например, глагол *знобить* не имеет в своей парадигме морфологической формы 1-го лица с грамматическим значением «действие совершает говорящий», в результате чего его принято определять как безличный (бессубъектный). Однако наличие у него субъектной семантики подтверждается возможностью сочетаемости глагола *знобить* с косвенными формами личных местоимений (*меня знобить*) или существительных, обозначающих субъект (*ребенка знобит*). Собственно же безличный (бессубъектный) глагол, например, *светать* характеризуется не только отсутствием морфологической формы 1-го лица, но и возможностью иметь синтаксическую сочетаемость с косвенными формами личных местоимений или существительных со значением субъекта. Если в целом подходить к *субординации между лексикой и грамматикой* (морфологией и синтаксисом), то она выглядит следующим образом: морфология определяется синтаксисом, а в целом они обслуживают лексику, структурируя ее содержание (морфология) и осуществляя лексико-синтаксическую координацию (синтаксис).

Однако в исследовательских целях целесообразно начинать описание взаимодействия лексики и грамматики с морфологии, поскольку она дает такой яркий формальный инструментарий,

как парадигму форм. В ней реализованы такие свойства, как *упорядоченность, системность и регулярность*. В языке такого рода свойствами обладают части речи, слова и грамматические категории, по отношению к которым чаще всего и употребляется понятие парадигмы.

Особый исследовательский интерес вызывают **причины неполноты (дефектности)** парадигмы, к числу которых, прежде всего, относят **структурную причину** и **семантическую причину**. *Первая причина* связана с особенностями морфологической структуры или произношением (ср.: 1-е л. ед. ч. у глагола *победить*). *Вторая причина* обусловлена не столько структурными особенностями, сколько семантической причиной, поскольку грамматическое значение формы оказывается несовместимым с лексической семантикой слова (ср.: отсутствие формы 1-го лица у глагола *колоситься*).

Дефектность парадигмы, вызванную структурной причиной, иногда называют *случайной*. А дефектность, обусловленная семантической причиной, обычно характеризуется как *закономерная*. В силу этого отсутствие тех или иных форм слова в составе лексемы в большей степени предсказуемо и регулярно, что создает условия для учета и систематизации фактов неполноты грамматической парадигмы слова-лексемы. Именно семантическая дефектность и находится в центре внимания ЛГ. При этом отметим, что понятие дефектности парадигмы было осознано, прежде всего, по отношению к парадигме грамматической категории. Но поскольку грамматическая категория является неотъемлемым признаком части речи и слова, то понятие дефектности стали связывать и с парадигмой слова, которая в этом случае обеспечивает понимание слова как лексемы, т. е. как единицы языка. Ср. у В. В. Виноградова: «Слово, рассматриваемое в контексте языка, т. е. взятое во всей совокупности своих форм и значений, ... называется лексемой» [3: 17]. Поэтому более точно было бы определить ЛГ как **грамматическое учение о лексеме (слове-лексеме)**.

В слове как речевой единице также представлено грамматическое оформление, но в виде *соотносительности* грамматической формы и грамматического значения. Эта соотносительность обусловлена синтагматическими отношениями между формами слов. Однако *собственно парадигматический аспект отсутствует в речевом слове* (словоформе). Парадигматика как форма выражения лексического значения в структуре слова представлена тогда, когда слово получает статус лексемы. В этом случае грамматическая форма с соответствующим ей грамматическим значением оказывается средством выражения взаимодействия лексики и грамматики. *Механизм взаимодействия лексической и грамматической семантики определяется принципом их совместимости*. Если грамматическое значение формы не противоречит лексической семантике слова, то такая форма включается в план его выражения, если же противоречит, то тогда данная форма (и соответствующее ей грамматическое значение) исключается из плана выражения лексемы.

В настоящее время на использование фактов дефектности парадигмы в классификационной работе с лексическим материалом существует точка зрения, представленная в «Русской грамматике» (1980). В ней утверждается, что «сама по себе неполнота парадигмы, т. е. невозможность образования ряда форм или отдельных форм слова, еще не может служить определяющим признаком при квалификации слов на лексико-грамматические разряды» [5: 459]. Думается, с этим мнением можно было бы согласиться, если бы дефектность парадигмы была бы следствием только структурной причины, т. е. случайной. Но дефектность парадигмы, обусловленная семантической причиной, имеет принципиально иной характер — *закономерный*. И поэтому мы считаем, что неполнота (дефектность) парадигмы лексемы в этом случае может служить достаточно объективным средством классификации слов на лексико-грамматические классы (разряды), которые наиболее ярко и концептуально отражают взаимосвязь и взаимодействие лексики и грамматики.

В рамках статьи рассмотрим **лексико-грамматические ряды (ЛГР)** существительного. *Традиционно* выделяют следующие ЛГР: 1) собственные и нарицательные; 2) собирательные; 3) вещественные; 4) конкретные и отвлеченные; 5) одушевленные и неодушевленные. Однако, исходя из критериев выделения ЛГР в составе части речи на основе отношения к компонентам морфологической категории, состав ЛГР существительного в русском языке требует уточнения.

Имена собственные, когда они представлены словесными структурами, — это, скорее всего, самостоятельный лексический класс слов. Они образуют в русском языке **особый структурно-семантический тип**, особый тип языковых знаков, имеющих свое категориальное значение (предметное, а не предметно-понятийное), свой набор морфологических категорий (словоизменяемая категория падежа и несловоизменяемые категории числа и рода) и свою основную синтаксическую функцию (приложение). Поэтому их статус мы определяем не на уровне ЛГР в составе существительного как части речи, а на уровне разных структурно-семантических типов слов (более подробно см.: [8]), выделение которых, согласно В.В. Виноградову, *предшествует* частям речи.

О статусе собирательных существительных. Традиционно к ним относят производные слова, которые обозначают **совокупность однородных** одушевленных (типа *учительство, зверье*) и неодушевленных **предметов** (типа *листва*) **как неделимое (единое) целое**.

На наш взгляд, в случае с собирательными существительными мы не имеем их осмысление как самостоятельных лексем, отражающих предметы и явления действительности. В категории собирательности нет особого денотата, нет особой субстанции по сравнению с той субстанцией, которая представлена в грамматических формах множественного числа существительного (ср. *листья* и *листва*). В собирательности нашла отражение гомогенная (однородная) сущность в восприятии субстанции. И в этом смыс-

ле мы имеем *осложненное* количественное восприятие, о чем свидетельствует их концептуальная вторичность в деривационном плане. Однако основным способом восприятия количественной субстанции для носителей языка являлось *неосложненное* количественное восприятие, которое предполагало считаемость предметов в действительности. Данный способ оказался закрепленным за словоформами грамматической категории числа существительного, в которых количество объектов действительности отражено в счетном варианте.

Следствием этого явилось то, что значения собирательности и счетности включены в семантическую структуру слова *на правах функциональной разнородности*. Суффиксально выраженное значение *собирательности* представлено в семантической структуре слова как ее *факультативный компонент*, тогда как основным средством выражения *счетной количественности* являются флексии, которые оказываются *обязательными элементами* семантической структуры слова (более подробно см.: [10]).

Итак, на наш взгляд, так называемые собирательные существительные представляют собой не самостоятельные лексемы, а *особые словообразовательные формы (собирательные)* того существительного, с которым они связаны лексической тождественностью, но при этом характеризуются грамматической особенностью: они употребляются в форме единственного числа, которая в этом случае связана не со счетом, а с понятием нерасчлененности. Поэтому собирательные существительные реализуют интерпретационный, а не отражательный количественный ракурс и *не являются ЛГР существительных*.

Спорный характер имеет и выделение в качестве ЛГР существительного *девербатов* типа *бег, приспособление* и *деадъективов* типа *синь, белизна* (более подробно см.: [7; 8]). Однако в рамках этой статьи они включены, согласно традиции, в ЛГР отвлеченных существительных.

Таким образом, на основе категорий падежа и числа можно выделить следующие *виды субстанции (предмета)* как аб-

страктной лексической семантики существительного, которая грамматически оформлена данными словоизменительными категориями, т. е. категориями-парадигмами.

Расчлененная неодушевленная субстанция — это бытие предметов, растений, животных, различного рода артефактов (ср.: *стол, дуб, машина*). **Нерасчлененная неодушевленная субстанция** наиболее ярко представлена вещественными существительными (ср.: *олово, медь, мед*). Что же касается **одушевленной субстанции**, то для существительных, обозначающих ее, признак расчлененности — нерасчлененности не является дифференцирующим, релевантным, поскольку все существительные данного разряда имеют расчлененный характер и подлежат считаемости, т. е. имеют полную парадигму числа (ср. *студент, лось* и т.п.)

Итак, на основе двух грамматических категорий существительного в русском языке можно выделить **три лексико-грамматических разряда**:

1) **одушевленные существительные**, которые обнаруживают *синкретизм Род.п. и Вин.п. во мн. числе* и *имеют полную парадигму числа*;

2) **неодушевленные предметные существительные** характеризуются *синкретизмом Им. п. и Вин.п. во мн. числе* и *полной парадигмой числа*;

3) **неодушевленные не предметные существительные** (*вещественные, отвлеченные*), которым присуща *неполная (дефектная) парадигма числа*.

В целом же, оценивая перспективы лексико-грамматических исследования в плане взаимодействия лексики и грамматики, считаем, что различные направления антропоцентрического подхода не смогут обойтись без системоцентрического описания их взаимодействия. Именно системоцентрическая база является основой для выявления и описания коммуникативно-дискурсивной грамматики и функциональной лексикологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко, А. В. К теории функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики. — Москва : Наука, 1985.
2. Бондарко, А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А. В. Бондарко. — Ленинград : Наука, 1983.
3. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. — Москва : Высшая школа, 1972.
4. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. — Москва : Наука, 1972.
5. РГ-80: Русская грамматика. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1.
6. Шарандин, А. Л. Являются ли имена собственные лексико-грамматическим разрядом существительного? / А. Л. Шарандин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2021. — № 2. — С. 68–77.
7. Шарандин, А. Л. К вопросу о языковом статусе девербатива / А. Л. Шарандин // Горизонты современной лингвистики : Традиции и новаторство : сборник в честь Е. С. Кубряковой. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — С. 267–277.
8. Шарандин, А. Л. Концептуальная структура и категориальный статус деадъектива в контексте теории интерпретации / А. Л. Шарандин // Когнитивные исследования языка. — 2019. — Вып. 36. — С. 503–509.
9. Шарандин, А. Л. Методология лексической грамматики / А. Л. Шарандин // Взаимодействие лексики и грамматики в русском языке: проблемы, итоги и перспективы. — Тамбов : ТГУ, 2009а. — С. 13–28.
10. Шарандин, А. Л. Собираательные формы русского существительного как отражение интерпретационной функции языка / А. Л. Шарандин // Русский язык в поликультурном мире. — Симферополь : ООО «Антиква», 2015. — Ч. 1. — С. 19–26.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМАЛИЗАЦИИ И КОМПЬЮТЕРНОГО ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К КАТЕГОРИИ ВИДА

Астахова Я. А.

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия

Лонцкая М. А.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблемам формализации и компьютерного лексикографирования. Актуальность работы заключается в необходимости автоматизации деятельности лексикографа, систематизации терминов, свидетельствующих о применении разных методов в интерпретации данного концепта. В результате исследования установлено, что присутствует характерная вариативность в толковании понятия «компьютерное лексикографирование». В статье также описываются перспективные пути улучшения и систематизации механизмов работы электронных словарей и проблемы, возникающие при разработке алгоритмов формализации категории вида. Вид является семантически наполненной категорией, поэтому многие аспекты его функционирования обусловлены не только грамматическими, но и семантическими составляющими. Разработка формально-грамматических методов лексикографирования категории вида должна учитывать особенности семантико-грамматической структуры категории вида. Принимая во внимание все перечисленные факторы, следует предположить, что на современном этапе развития аспектологии необходим определённый возврат к синтаксическому критерию, направленный на его расширение и конкретизацию. Даже если этот путь окажется ошибочным, могут быть получены интересные сопутствующие результаты, которые позволят шире посмотреть на категорию вида. Так как сфера действия категории вида не ограни-

чивается личными формами, то также целесообразным представляется исследовать возможности применения формально-грамматических методов к остальным классам глагольной лексики.

Ключевые слова: компьютерная лексикография, формализация, лингвистика, прикладная лингвистика, электронные словари, категория вида, семантический и синтаксический критерий.

PROBLEMS OF FORMALIZATION AND COMPUTER LEXICOGRAPHY IN RELATION TO THE VERB ASPECT

Astakhova Y. A.

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia

Lontskaya M. A.

The Patrice Lumumba Peoples' Friendship University
Moscow, Russia

Abstract. This article is devoted to the problems of formalization and computer lexicography. The relevance of the work lies in the need to automate the activities of the lexicographer, systematization of terms indicating the use of different methods in the interpretation of this concept. As a result of the study, it was found that there is a characteristic variability in the interpretation of the concept of "computer lexicography". The article also describes promising ways to improve and systematize the mechanisms of electronic dictionaries and problems encountered in the development of algorithms for formalizing the aspect. The aspect is a semantically filled category, so many ways of its functioning are conditioned not only by grammatical but also by semantic components. The development of formal-grammatical methods of lexicography of the aspect category should take into account the peculiarities of its semantic-grammatical structure. Taking into account all of the above factors, it should be assumed that at the present stage of development of aspectology, a certain return to the syntactic criterion, aimed at its expansion and concretization, is necessary. Even if this path turns out to be erroneous, interesting concomitant results may be

obtained, which will make it possible to take a broader look at the aspect category. Since the scope of the aspect is not limited to personal forms, it would also seem appropriate to investigate the possibilities of applying formal-grammatical methods to the other classes of verb lexicon.

Key words: computer lexicography, formalization, linguistics, applied linguistics, electronic dictionaries, aspect, semantic and syntactic criterion.

Практическая лексикография родилась 4 тысячи лет назад в виде различных глоссов, глоссариев и вокабуляриев [Берков, 1973]. Столь же древними являются идеографические словари: во II–III вв. н. э. были созданы «Ономастикон» Ю. Поллукса, санскритский словарь «Амара-коша» (что в переводе означает «с-кровищница Амара»), словарь Аристофана византийского [Морковкин, 1970]. Первая книга в виде словаря в современном понимании опубликована в 1538 г. сэром Томасом Элиотом (T. Elyot) — это латинско-английский словарь [13].

Современная лингвистика и языкознание претерпевают значительные изменения и нововведения. Они ориентированы на дальнейшее усовершенствование методов, применяемых при непосредственном анализе терминологии и систематизации новых лексических единиц. Так, прикладная лингвистика занимается изучением и реализацией практических задач, связанных с различными отраслями языкознания: лексикографией, лингводидактикой, терминоведением, переводоведением и многими другими.

Одной из наиболее модернизированных и перспективных сфер прикладной лингвистики является компьютерная лингвистика, объединяющая в себе интегрированную систему следующих направлений: применение машинного перевода, автоматическое реферирование текстов, автоматическое распознавание символов, создание электронных словарей, глоссариев, переводных тезаурусов.

К этой области знания также имеет непосредственное отношение корпусная лингвистика, основной траекторией исследования которой является создание и применение электронных корпусов текстов. Более того, лингвистическая экспертиза, как

одно из течений компьютерной лингвистики, используется в судебной практике. Данное понятие тождественно понятию «судебно-лингвистическая экспертиза», под которой подразумевается установление юридически значимых фактов в ходе судебного разбирательства уполномоченным лицом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что компьютерная лингвистика представляет собой весьма разветвленное, новое и перспективное направление, объединяющее в себе различные подходы к пониманию целостности данного феномена. Термин «компьютерная лексикография» появился довольно давно, и был введен в 1990 году В. В. Морковкиным. Г. М. Мандрикова отмечает, «что компьютерную лексикографию как область лексикографии можно принимать как отдельный раздел языкознания» [8].

Основу этой науки представляет осмысление различных теоретических и практических аспектов применения компьютерных словарей. Вначале рассматривалась концепция автоматизации применения компьютера в деятельности лексикографа. Однако впоследствии эффективность данного подхода была воспринята скептически, в результате чего целесообразным решением стало создание словарей и тезаурусов машинами.

Использование компьютеров имеет множество преимуществ: они позволяют набрать релевантный лексикографический материал, структурировать его по группам, автоматически проанализировать сочетаемость (с применением метода конкордансного поиска), определить частотность употребления заданных лексических единиц, составить диаграммы и т. д.

Электронные словари можно классифицировать по роду выполняемых задач (например, словари для формального определения рода и падежа существительного), по характеру лексических единиц, включенных в словарь (сюда относятся словари словоформ, состоящие из списка всех словоформ подъязыка, или словари основ, состоящие из списка основ и окончаний), по способу организации словников (алфавитные, тезау-

урусы, где словарные единицы сгруппированы по понятийным группам) [12].

По мнению О. С. Рублёвой, преимущество электронных словарей состоит: «в скорости и удобстве поиска информации; возможности обновления и расширения сведений о слове; возможности свободного заказа структуры статьи путем поиска; возможности открытия всесторонних значений слова; интерактивности; выходе к гипертексту посредством иных ссылок» [11].

Действительно, электронные глоссарии обладают рядом преимуществ: помогают пользователям оперативно найти необходимую информацию, существует возможность задавать различные поисковые запросы, пользоваться интерактивными электронными материалами с релевантными и актуальными рекомендациями, применять в своей работе компоненты мультимедии: голосовые помощники, короткометражные видеоролики и т. д.

Безусловно, существуют и определенные концепты, которые носят дискуссионный характер. Например, некоторым пользователям с недостатком знаний в области информационно-коммуникационных технологий может быть весьма затруднительно оперативно справляться с поиском больших объемов материала из-за элементарного непонимания базовых навыков работы с компьютером.

Наличие большого количества вкладок, незакрывающихся окон может зачастую ввести в замешательство даже опытного пользователя, поэтому при работе с электронными ресурсами требуется подготовленность и способность к изучению новых систем. В таких случаях иногда для поиска слова или лексемы в электронной версии словаря требуется больше времени, чем при поиске в книжной.

Наличие стабильного интернет-соединения также не всегда представляется возможным в силу различных обстоятельств, с которыми сталкивается пользователь. При работе с ИКТ не-

обходимо учитывать технические факторы, имеющие прямое и непосредственное влияние на эффективность деятельности современного лексикографа.

На сегодняшний день существует огромное разнообразие электронных словарей для лингвистов, переводчиков, филологов. Как отмечает Рецкер Я. И., «выбор того или иного программного продукта зависит исключительно от аппаратных возможностей компьютера, которым располагает пользователь, финансовых соображений и конкретных условий, в которых работает переводчик» [10].

Существует проблема методологического плана, связанная с соотношением языка-объекта и «метаязыка», необходимого для описания и трактовки языковых феноменов. Стоит отметить, что данный вид языка используется в научно-исследовательских целях и является более высоким по лексическому и семиотическому уровням.

Как правило, для прикладной лингвистики характерна разработка словарей-тезаурусов, которые наиболее полно отражают внутрикомпонентные и внутриядерные логико-семантические связи и корреляции между лексемами определенных семантических полей заданных предметных областей. В данном случае корректное использование специализированных метаязыков является первостепенной задачей лексикографов.

Любое построение тезаурусов основано на принципах логико-семантических отношений, необходимых для детальной разработки и описания конкретной сферы применения научного знания. Логика, как наука, часто определяется как «содержательная» и «формальная». Поскольку прикладная и корпусная лингвистика тесно связаны с информатикой — дисциплиной, которая относится к разряду точных, технических наук, в данном случае необходим конкретный, междисциплинарный, интегративный методологический подход к определению их сущности.

Траектория мысли многих исследователей ориентирована на то, что при освоении любой технической дисциплины необ-

ходимо уделять особое внимание изучению концепции «формализации». Так, например, В. Н. Калюжный утверждает, что «основными объектами прикладной лингвистики являются «формальный язык» и «формальная грамматика» [7]. Формализация представляет собой трансформацию неточного эмпирического объекта в четкий теоретизированный феномен.

Одним из важнейших компонентов логики является умение оперировать такими константами, как конъюнкция, дизъюнкция, различать их в окружающей действительности. Формализация наиболее полно отражает данные явления, структурирует полученные данные в организованную систему знаний о языке. Формализация представляет собой некий философско-категориальный инструмент, обуславливающий необходимость систематизации полученных данных.

В процессе формализации становятся более выраженными сходства, различия нивелируются, суть становится точной и ясной, наименее важные аспекты сглаживаются и игнорируются. Заметим, что данный процесс тесно связан с логическим мышлением, точными науками, статистикой, теорией вероятности и анализом наиболее релевантных исходов, а также возможностью с применением метода вероятностного прогнозирования проследить перспективу дальнейших коррелирующих между собой парадигм.

Логико-понятийная формализация предложений является весьма важным компонентом на пути построения тезаурусов различных типов. «Итак, сверхзадачей системной лексикографии является отражение воплощённой в данном языке наивной картины мира — наивной геометрии, физики, этики, психологии и т. д.» [1].

Большинство словарей синтетического типа, включая идеографические словари В. В. Морковкина, «Тезаурус английских слов и выражений» Питера Марка Роже, как одного из самых первых словарей подобного типа отражают сложнейшие внутридерные компоненты предметных областей. Так, вопросом

значимости идеографических словарей (построенных по принципу логических и семантических связей), занимались многие российские и зарубежные ученые: В. В. Морковкин, Л. П. Ступин и другие.

Невозможно переоценить значение тезаурусного подхода при осмыслении семантических отношений. Электронные тезаурусы имеют огромное значение в истории лексикографии и не перестают быть уникальным примером живого, образного языка, который находится в постоянной динамике и претерпевает изменения. Именно синтез классической языковой школы и применения современных, усовершенствованных подходов компьютерного лексикографирования могут внести новый вклад в научное знание лингвистики, филологии и переводоведения.

Поскольку идеографический словарь происходит от латинского слова *ideos* — идея, подобные тезаурусы построены по логико-семиотическому принципу и отражают значимые связи между словами. Они формируют целостную структуру определенной области знания.

Таким образом, подводя итог вышеизложенным положениям и аргументам, можно сделать вывод о том, что в современном представлении проблемы формализации и компьютерного лексикографирования являются важными этапами на пути к междисциплинарному и интегративному пониманию языкознания как науки в целом.

На сегодняшний день перед языковедами стоит задача не только комплексного изучения новых лингвистических тенденций, поскольку язык является динамической структурой, но и освоения современных перспективных решений, имеющих непосредственное отношение к ИКТ. Современный «словарь — это моментальный снимок вечно обновляющегося и находящегося в движении языка» [2].

Применение автоматизированных подходов и механизмов позволяет не только добиться отличных результатов, но и сократить

количество времени на выполнение однотипных операций и алгоритмов, которые можно доверить машине. Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что проблема применения ИКТ остается актуальной в современной лингвистике. Специалистам, работающим с языком, стоит обращать внимание на междисциплинарный подход и применять актуальные методы для достижения поставленных лингвистических и исследовательских задач.

Категория вида в русском языке является одной из сложнейших для теоретического описания и практического лексикографирования, поэтому, несмотря на большое количество научных работ по аспектологии, многие ключевые вопросы, связанные с семантикой и грамматикой вида, до настоящего времени не решены окончательно.

К сожалению, достижения теоретической и компьютерной лингвистики недостаточно активно внедряются в практику лексикографирования, так как из-за своей одновременно семантической и грамматической природы категория вида достаточно сложно поддается формализации поэтому необходимо учитывать большое количество затруднений, с которыми сталкивается любой исследователь при попытке создать на базе современных достижений российской аспектологии и компьютерной лингвистики алгоритмы, на базе которых можно формализовать видовые значения.

Аспектология достаточно активно развивается примерно 150 лет, но до сих пор исследователи не пришли к однозначному пониманию многих очень существенных для данной дисциплины позиций. Сознательно пренебрегая некоторыми частными (но от этого не менее важными с научной точки зрения) вопросами, можно структурировать проблемное поле современной аспектологии следующим образом:

- общие проблемы семантики вида;
- проблемы, связанные с проявлением семантики вида в отдельных лексических и словообразовательных разрядах глаголов и отглагольных существительных;
- вопросы взаимодействия вида с другими категориями.

Каждая область проблемного поля, конечно, связана с другими, но в то же время решает некоторые специфические именно для неё задачи. Все проблемы, связанные с общей семантикой вида, имеют гораздо больший потенциал теоретического обобщения, а взаимодействие с другими категориями и проявления семантики вида в отдельных лексических и словообразовательных разрядах будут теснее связаны со спецификой каждого конкретно взятого языка, применительно к которому рассматривается тот или иной аспектологический вопрос.

Одним из ключевых вопросов, связанных с видом глагола, является статус данной категории. Достаточно долгое время поиски исследователей были направлены на то, чтобы осмыслить вид глагола как грамматическую категорию, так как его выражение является обязательным, но данный подход выявил ряд проблем, которые достаточно сложно решить, оставаясь внутри его рамок: общее значение категории, морфологические показатели категории, тип категории. Возникновение этих проблем связано с тем, что вид является также семантически наполненной категорией, поэтому многие аспекты его функционирования обусловлены не только грамматическими, но и семантическими аспектами. В связи с семантическим аспектом для русского языка оказывается достаточно важным понятие «способ глагольного действия». Для постулирования того или иного способа глагольного действия необходимо наличие производных глаголов, связанных с производящим регулярными словообразовательными отношениями. Так как выражение способа глагольного действия не является в русском языке обязательным, его нельзя считать грамматической категорией. В настоящее время способ глагольного действия принято считать семантически связанной с видом словообразовательной категорией [5: 12]. Но из этого следует, что вид и способ глагольного действия могут ситуативно совпадать в определённых употреблениях, что мешает снять вопрос о дистрибуции вида и способа глагольного действия. Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелёв предла-

гают разграничивать вид и способ глагольного действия только по грамматическому признаку обязательности выражения, так как содержательная сторона имеет «большую зону пересечения» [5: 13]. В научной литературе существует различное понимание способов глагольного действия (например, выделяются «характеризованные способы действия», которые совпадают со словообразовательным разрядом, «нехарактеризованные способы действия», не имеющие словообразовательного показателя, и смешанная группа «непоследовательно характеризованные способы действия»). Мы придерживаемся понимания, которое изложено в РГ 80, так как для задач формализации имеет смысл применение понятия «способ глагольного действия» только в том случае, если мы считаем его «семантико-словообразовательной группировкой глаголов». Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелёв выделяют 14 способов глагольного действия в русском языке: начинательный, делимитативный, пердуративный, финитивный, кумулятивный, сатуративный, интенсивно-результативные способы действия, однократный, смягчительный, многократный, прерывисто-смягчительный, дистрибутивный, взаимно-многократный, сопроводительный способы действия.

Согласно РГ 80 способы глагольного действия можно разделить на три группы: уточнение характера протекания действия во времени (начинательный, ограничительный, длительно-ограничительный, финитивный способы действия); количественно-временной характеристики действия (одноактный и уменьшительно-смягчительный способы действия, многократный, прерывисто-смягчительный, длительно-смягчительный, длительно-дистрибутивный, сопроводительный, осложнённо-интенсивный, длительно-дистрибутивно-взаимный способы действия); уточнения характера достигаемого действием результата (терминативный, комплетивный, интенсивно-результативный, накопительно-суммарный, дистрибутивный).

Продолжительное время научная мысль была целиком сфокусирована на поиске единого смыслового принципа, который

бы лежал в основе категории вида. М. Я. Гловинская отмечает следующие важные этапы поиска инвариантных значений СВ и НСВ: законченность, предельность, результативность, точечность, целостность в разное время разными исследователями предлагались в качестве инвариантного значения СВ; актуально-длительное, узуальное, настоящее историческое, законченное или доведённое до предела (общефактическое), потенциальное являются признаваемыми большинством исследователей частными значениями НСВ, а инвариант представлен отрицательной формулировкой о недостатках которой подробнее будет сказано ниже [4: 7, 14, 15]. Инвариантное значение, которое бы признавали легитимным все исследователи, до сих пор не сформулировано. М. Я. Гловинская отмечает, что «поэтому в качестве общей предлагается отрицательная формулировка. У разных авторов она выглядит по-разному. Одни характеризуют несовершенный вид как нейтральный, безразличный по отношению к значению совершенного вида, другие — как выражающий отсутствие специфического значения совершенного вида, третьи — как выражающий отрицание значения совершенного вида. Некоторые идут ещё дальше и делают крайний вывод о полном отсутствии аспектуальной семантики у несовершенного вида» [4: 15]. Из сделанного М. Я. Гловинской краткого обзора подходов очевидно, что при все разногласиях при формулировке значения НСВ, большинством исследователей он определяется как немаркированный член оппозиции (трактовка вида как привативной оппозиции восходит к работам Н. С. Трубачёва и Р. О. Якобсона). Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелёв предлагают трактовку вида, в которой очень важно понятие асимметричного устройства многозначности НСВ и СВ: «разнообразие частновидовых значений несов. вида обусловлено в значительной степени наличием целого ряда семантических классов глаголов НСВ. Между тем СВ в русском языке практически однозначен: те немногие дополнительные частные значения, которые выделяются у СВ, представляют собой периферийные

случаи его переносного употребления, реализация которых всегда обусловлена контекстом (а не типом значения глагола) [5: 19]. Но если при анализе ядра категории вида были достигнуты достаточно большие успехи в определении этого принципа, то при интерпретации периферийных явлений сформулированный принцип не выдерживал проверки материалом. Например, при понимании НСВ как длительного, продолжающегося действия, а СВ как законченного, завершённого, глаголы побежать, задрожать, запеть и др. противоречили данной интерпретации. При осмыслении СВ как действия, достигшего результата, названные выше глаголы также не укладываются в рамки подобного описания (глаголы, подобные отцвести, отзвучать также затруднительно описать, придерживаясь мнения о результативном значении). Даже такой важный для определения общего значения СВ факт как невозможность глаголов СВ сочетаться с глаголами типа начинать, продолжать, кончать и др. не даёт возможности определения СВ как действия, не предполагающего начала, продолжения или конца процесса, т. к. контекст «Он медленно подошёл к окну. Постепенно огонь погас. Мальчик два раза обежал поле» (пример М. Я. Гловинской) доказывает, что СВ может обозначать длительный, протяжённый процесс.

Кратко остановимся на том, как категория вида описана в «Русской грамматике» 1980 и «Русской корпусной грамматике». В «Русской грамматике» 1980 г. (далее — РГ80) категория вида определяется как «система противопоставленных друг другу двух рядов форм глаголов: ряда форм глаголов, обозначающих ограниченное предельное целостное действие (глаголы совершенного вида), и ряда форм глаголов, не обладающих признаком ограниченного предельного целостного действия». Исходя из данного определения, можно сделать вывод о системообразующей роли видовой пары, так как сама категория осмысливается как имеющая бинарную природу, основанную на противопоставлении форм НСВ формам СВ. Также мы можем

видеть некоторую несимметричность в толковании значений СВ и НСВ: значение НСВ определяется не через то, что данная категория выражает, а через то, что она не выражает. Таким образом получается, что СВ имеет некоторое уникальное, только ему присущее значение, а НСВ может иметь любые, не совпадающие с СВ. Нельзя не отметить, что определение значения вида через целостность действия подвергалось критике со стороны А. В. Бондарко, который отмечал не только теоретические сложности, но и практические затруднения, связанные с подобным толкованием: «Однако и это определение нельзя считать достаточным. Оно отражает одну (хоть и очень важную) сторону видовой семантики (заметим также, что вне связи с другими различиями между видами весьма абстрактное, отвлечённое значение целостности действия оказывается нередко слишком трудным для восприятия при конкретном анализе текста» [4: 11]. Несмотря на многочисленные исследования, появившиеся с момента издания РГ80, данная асимметрия в толковании до сих не преодолена. Это связано не только с ограниченными возможностями интерпретации вида, основанными только на морфологических параметрах, но и с объективными трудностями, которые сопряжены с описанием значений НСВ. На определённом этапе изучения категории вида стало очевидно, что необходим инструментарий, который позволял бы производить более тонкий анализ, поэтому всё большее количество исследователей стали обращать внимание на методы современной семантики и возможности их применения к исследованию категории вида. Семантический инструментарий действительно является достаточно продуктивным и даёт результаты, которые позволяют иначе посмотреть на категорию вида. Главным отличием является выведение общего значения категории на основании анализа частновидовых значений, а не поиск некоторого априорного общего компонента значения, который бы максимально полно описывал все частные значения. В «Русской корпусной грамматике»

(далее — РКГ) предложены следующие инвариантные значения совершенного и несовершенного видов:

— «замкнутое целое» — «развивающийся процесс» (традиция, восходящая к работам Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко). А. В. Бондарко пишет: «Совершенный вид обладает лишь одним признаком, который присущ ему постоянно, во всех случаях его функционирования. Этот признак — целостность — и должен рассматриваться как доминирующий в семантическом содержании совершенного вида. Другой стороной этой семантической черты является неспособность совершенного вида выражать действие в процессе его протекания. Совокупность этих признаков составляет доминанту семантического содержания совершенного вида. <...> Итак, на наш взгляд, самое основное в семантическом содержании вида заключается в том, что совершенный вид выражает действие в его целостности, но не в процессе его протекания, тогда как несовершенный вид, не обладая признаком целостности действия, может выражать действие как процесс» [4: 17]. Также А. В. Бондарко отмечает, что целостность должна сопровождаться внутренним пределом действия [4: 18]. Важным элементом концепции учёного является представление об иерархии видовых признаков: через выявленные им доминирующие признаки можно объяснить появление других, формирующих частные значения видов. Несмотря на достаточно хорошо проработанную методику анализа и очень ценные частные замечания, определение инвариантного значения, данное исследователем, вызывает те же самые теоретические и практические затруднения, которые есть в определении РГ 80, с которым А. В. Бондарко полемизирует. При анализе конкретного текстового материала определение внутреннего предела действия не менее проблематично, чем определение целостности действия.

— ‘начать существовать’ — ‘существовать в каждом из ряда последовательных моментов’ ([5], продолжая линию, намеченную Wierzbicka 1967), но М. Я. Гловинская в статье «Вид глаго-

ла» для «Энциклопедического словаря юного лингвиста» 2006 года на с. 77 отмечает, что «для НВ такого общего смыслового дифференциального элемента не обнаружено. Скорее всего, разные видовые значения НВ им не обладают» [5: 77], что, на наш взгляд, подтверждает, что вопрос об инвариантном значении НВ пока ещё далёк от окончательного решения. Также в РКГ отмечено: «В некоторых работах встречается также более общая формулировка: СВ обозначает происшедшее изменение, как правило, начало нового состояния, а НСВ — продолжение прежнего состояния или процесса». С данным подходом достаточно трудно согласиться, так как он не включает глаголы ограничительного способа действия и не полностью учитывает общезначимое значение несовершенного вида. В РКГ вид определяется как «грамматическая категория, основанная на оппозиции двух значений — совершенного и несовершенного вида. Вид характеризует ситуацию с точки зрения её развития во времени (длительности или моментальности, завершённости, повторяемости и т. д.) и позиции Наблюдателя по отношению к ситуации (ракурсы: ретроспективное рассмотрение ситуации, синхронное рассмотрение фрагмента ситуации и т. д.)» Данный подход расставляет совершенно иные содержательные акценты: внимание перемещается с ограниченного пределом действия на развитие ситуации во времени и учитывает позицию наблюдателя, которая не была релевантной для РГ80. Данный подход, как нам кажется, с одной стороны гораздо больше приближен к языковой интуиции, т. к. предельность в глагольной системе интуитивно осмысливается прежде всего через связь с какой-либо точкой во времени, с другой стороны, включает очень важный параметр, связанный с соотношением наблюдателя с ситуацией, что поможет более точно интерпретировать неоднозначные контексты. Например, потенциальное, гипотетическое и условно-гипотетическое значения значительно точнее интерпретируется с опорой на данный подход. Общим в описании категории вида в обеих грамматиках является осмысление

данной категории как бинарной (понимание вида как трёхчастной структуры не стало основным направлением научных поисков), поэтому, следуя грамматической традиции, необходимо определить статус данной оппозиции. На разных этапах развития аспектологии высказывались разные мнения по данной проблеме (эквиполентная оппозиция, привативная оппозиция с маркированным совершенным видом, привативная оппозиция с маркированным несовершенным видом), но, на наш взгляд, М. Я. Гловинская достаточно убедительно доказывает невозможность решения данного вопроса, так как в категории вида отсутствует общий смысловой компонент для сравнения, который должен структурировать оппозицию. Сходной позиции придерживаются Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелёв, также отмечая невысокую продуктивность установления типа оппозиции для исследования особенностей категории вида глагола. Таким образом, пытаясь представить категорию вида в традиционных грамматических терминах, исследователи практически постоянно сталкиваются с объективными сложностями, которые не всегда можно преодолеть на современном этапе развития научной мысли. Это проявляется и в попытках определить статус категории вида. Если РГ 80 трактует категорию вида как несловоизменяемую, то в РКГ даётся более тонкая дифференциация и приводятся аргументы как в пользу понимания категории вида как словоизменяемой, так и словообразовательной. Данная аргументация связана напрямую с проблемой определения видовой пары, поэтому мы коснёмся её подробнее в соответствующем параграфе. Прежде чем переходить к более детальному рассмотрению проблем, связанных с видовыми парами, кратко остановимся на частных значениях НСВ и СВ, выделяемых различными исследователями. Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелёв, подвергнув тщательному анализу достаточно богатый и разнородный языковой материал, выделяют следующие частные значения видов: СВ: конкретно-фактическое — единичное событие, имевшее место в прошлом или

ожидаемое в будущем. Имеется у всех глаголов СВ и никак не ограничено контекстом; наглядно-примерное (узуальное по М. Я. Гловинской) — обычное, повторяющееся действие, представленное как единичное. Обязателен контекст с имплицитным указанием на повторяемость;

— потенциальное значение ограничено глаголами интеллектуального или физического усилия и возможно только в будущем времени или в конструкциях с субъектом в дательном падеже при инфинитиве и явном или скрытом отрицании;

— условное значение связано с контекстами с переносным употреблением наклонения;

— условно-гипотетическое значение возникает в контекстах с переносным употреблением времени;

— суммарное значение может быть реализовано в контексте обстоятельства кратности;

— «презент напрасного ожидания» может быть реализован только в будущем времени при отрицании и контекстном подкреплении типа всё, всё никак, нигде и т. п.

Подход Анны А. Зализняка и А.Д. Шмелёва [6], носящий преимущественно дескриптивный характер, представляет большую ценность для решения задач, поставленных в данной работе, о чём будет подробнее сказано ниже. Несмотря на некоторые позиции, которые могут быть уязвимы для критики с точки зрения общей теории вида, данный подход вводит в рассмотрение определённый пласт языковых данных, к которым может быть применен тот путь формализации, который предложен в настоящем исследовании. А. В. Бондарко исследует категорию вида, опираясь на признаковый подход, предлагает 8 критериев для определения значений видов: несочетаемость с фазовыми глаголами, сочетаемость со словом всё, сочетаемость с обстоятельствами типа однажды, как-то раз и т. п. и типа долго, два часа и т. п., сочетаемость со словом вдруг, последовательность действия, одновременность действия. При знакомстве с данным инвентарём критериев сразу же можно отметить, что зна-

чение определяется с опорой не только на семантические и морфологические параметры, но и на синтаксический контекст, но совершенно очевидно, что вопрос значения той или иной языковой единицы не тождественен оценке корректности то или иного употребления данной единицы. Основываясь на названных выше критериях, А. В. Бондарко выделяет для СВ конкретно-фактическое, наглядно-примерное, потенциальное, суммарное значения. Принципиальное отличие от концепции Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелёва заключается в том, что исследователь трактует наглядно-примерное, суммарное и потенциальное значения как переносные употребления конкретно-фактического значения. НСВ может применяться для описания событий, процессов и явлений. Состояния и процессы описываются только НСВ, а события могут описываться также СВ, поэтому все значения СВ, кроме конкретно-фактического, могут быть и НСВ.

— актуально-длительное (процессное, конкретно-процессное) описывает процесс или состояние, длящееся в момент наблюдения (отсутствует у глаголов неактуального состояния, глаголов, обозначающих вид деятельности, глаголов многократного и прерывисто-смягчительного способа действия, «ментальных глаголов»). Актуально-длительное значение максимально противопоставляет глаголы НСВ глаголам СВ, но не является универсальным;

— дуративное значение выдвигает на первый план не момент наблюдения, а отрезок времени, в течение которого происходил какой-либо процесс;

— неактуально-статальное обозначает устойчивые действия и состояния;

— континуальное значение характеризует протяжённое во времени действие;

— потенциальное значение связано с умением что-либо делать;

— итеративное значение могут иметь все глаголы, семантика которых не противоречит идее повторяемости;

— общефактическое значение имеет несколько разновидностей: результативное (действие достигло результата), двуправленное (результат достигнут, но аннулирован противоположным действием), нерезультативное (действие не достигло результата), непредельное (прекратившееся состояние или процесс). В концепции А. В. Бондарко у НСВ выделяются конкретно-процессное значение с акциональным и статальным оттенком (две разновидности: конативная и подчёркнуто-длительная), неограниченно-кратное значение, обобщённо-фактическое значение, постоянно-непрерывное значение, потенциально-качественное значение, ограниченно-кратное значение. Располагая значения иерархически, исследователь помещает на первую ступень конкретно-процессное и неограниченно-кратное значения, на вторую ступень — обобщённо-фактическое и постоянно-непрерывное, на третью — потенциально-качественное и ограниченно-кратное. На первый взгляд, подход А. В. Бондарко в силу своей ориентации на иерархию кажется очень удобным для разных типов формализации, но предпринятые нами в рамках данного исследования попытки показали, что более продуктивными для формализации ядра категории вида являются подход, берущий за основу способы глагольного действия, и подход, основанный на семантике. М. Я. Гловинская подвергает достаточно конструктивной критике принципы, предложенные А. В. Бондарко, отмечая, что в них не учитываются не менее важные для определения видовых значений показатели завершённости действия, показатели проксиматива типа чуть не, едва не и т. п., при этом слово всё в сочетании с глаголами ведёт себя аналогично фазовым глаголам, а локализованность во времени далеко не всегда позволяет провести чёткую границу между глаголами НСВ и СВ [4: 23, 28]. Также М. Я. Гловинская делает очень важный вывод о корреляции между нейтрализацией значения вида и тем, к одному или к разным подлежащим относится глагол: «Если к одному, то глаголы выражают скорее последовательные действия, если к разным — скорее

одновременные» [5: 24]. Исследовательница обосновывает необходимость исследования категорию вида в русле смыслового, а не признакового подхода и делает очень важное методологическое замечание: «признаковая характеристика объекта не может заменить его в тексте, а смысловая характеристика может» [5: 26], которое, как нам кажется, очень ценно в дидактических целях, поскольку позволяет применять традиционный механизм эквивалентных замен при проверке спорных случаев. М. Я. Гловинская, опираясь на принципы, сформулированные в работах А. Вежбицкой, даёт категории вида семантическое толкование, определяя в качестве исходных следующие признаки: «точка времени», «предшествующий», «последующий», «позже», «процесс», «действие», «состояние», «результат», «быть», «существовать», «находиться», «иметь», «может», «больше», «не», «каждый», «может», «если ...то». На этой основе ей были выделены следующие стандартные типы видовых противопоставлений:

- «начинаться — начать»;
- «становиться — стать»;
- «действовать с целью — цель реализована»;
- «быть в состоянии — начать быть в состоянии».

В результате семантического анализа большого количества глаголов, распределённых по этим группам, исследовательницей был сделан вывод о типовых значениях видов «начать = в какой-то конкретный момент не существовать, в один из последующих моментов существовать» (СВ) — «существовать в каждый из ряда последовательных моментов» (НСВ) [5: 107]. Признавая несомненную ценность, новаторский характер и высокую продуктивность подхода М. Я. Гловинской, мы не вполне можем согласиться с серьёзной редукцией синтаксического контекста, на которую указывает исследователь. Если мы сравним «читать каждый день» — «читать два раза в неделю», можем ли мы с абсолютной уверенностью говорить о том, что во втором примере постулируется «существование в каждый

из ряда последовательных моментов»? Идея прекращения и возобновления существования, на наш взгляд, выражена здесь не менее явственно. Позволим себе высказать предположение, что сделанные выводы нуждаются в проверке более широкими синтаксическими контекстами, что на данном этапе достаточно трудно осуществить техническими средствами, которые могли бы проанализировать большой объём контекстов, так как от программы требуется уровень понимания языка, сопоставимый с человеческим, но очевидно, что сложность задачи не отменяет поиска путей её решения, т. к. Ю. С. Маслов ещё в статье 1948 года отмечал, что из-за несимметричности семантической и морфологической неоднородности вида необходимо использовать при исследовании синтаксический критерий: способность глаголов вступать в определённые типы словосочетаний. По нашему мнению, на современном этапе развития аспектологии необходим определённый возврат к синтаксическому критерию, направленный на его расширение и конкретизацию. Возможно, этот путь обнаружит свою несостоятельность, но могут быть получены интересные сопутствующие результаты, которые позволят шире посмотреть на категорию вида.

Подводя итог, можно сказать, что на современном этапе развития научной мысли нет достаточных оснований для однозначной интерпретации таких важных вопросов, как статус категории вида в русском языке, «расщепление» семантических и грамматических компонентов в структуре категории вида, анализ и формализация двувидовых и несоотносительных по виду глаголов. Разработка формально-грамматических методов лексикографирования категории вида должна учитывать особенности семантико-грамматической структуры категории вида. Структурообразующие параметры для алгоритма должны выбираться из инвентаря видовых признаков с учётом прагматических задач, на решение которых направлен данный алгоритм. Алгоритмы, ориентированные на ядро категории вида, и алгоритмы, предназначенные для работы с периферией дан-

ной категории должны строиться на разных основаниях. Так как сфера действия категории вида не ограничивается личными формами, то также целесообразным представляется исследовать возможности применения формально-грамматических методов к остальным классам глагольной лексики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — Москва, 1995.
2. Апресян, Ю. Д. Лексикографическая концепция НБАРСа / Ю. Д. Апресян // НБАРС. — Тюмень ; Москва, 1993. — С. 6–17.
3. Берков, В. П. Вопросы двуязычной лексикографии: Словник / В. П. Берков. — Ленинград, 1973.
4. Бондарко, А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А. В. Бондарко. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. — 220 с.
5. Гловинская, М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола / М. Я. Гловинская. — Москва, 1982. — 155 с.
6. Зализняк, А. А. Введение в русскую аспектологию / А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — 226 с. — (Studia philologica).
7. Калюжный, В. Н. Концепция 'формализации' в преподавании прикладной лингвистики / В. Н. Калюжный // Проблеми сучасної освіти: збірник науково-методичних праць / Укл. Ю. В. Холін, Т. О. Маркова. — Харьков : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2013. — Вип. 4. — С. 62–72.
8. Мандрикова, Г. М. Учебное компьютерное лексикографирование в теоретическом и прикладном рассмотрении: дис. ... канд. филол. наук / Г. М. Мандрикова. — Москва, 1994. — 194 с.
9. Морковкин В. В. Идеографические словари / В. В. Морковкин. — Москва, 1970.
10. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. — Москва : Международные отношения, 1974. — 81 с.
11. Рублева О. С. Электронные энциклопедии и их особенности / О. С. Рублева // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: сборник статей IX Международной научно-

практической интернет-конференции. — Ярославль : Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2010. — С. 129–137.

12. Тузлукова, В. И. Типология педагогических лексикографических источников в международной педагогической лексикографии / В. И. Тузлукова // Международная педагогическая лексикография в теории и практике обучения в высшей школе : сборник трудов II Международной научно-практической конференции. — Москва : Изд-во МПГУ, 2001. — 78 с.

13. Singh, R. A. An Introduction to Lexicography / R. A. Singh. — Mysore, 1982.

СИСТЕМА ГРАММАТИЧЕСКИХ ПОМЕТ В ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВАРЯХ

Белякова С. М.

Багирова Е. П.

Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

На кафедре языкознания и литературоведения Тюменского государственного университета ведется работа над созданием Дополнения к изданному в 2014 году «Словарю русских старожильческих говоров юга Тюменской области», поэтому вопрос о грамматических пометах в диалектном словаре имеет для нас как теоретическое, так и практическое значение.

Прежде всего хотелось бы подчеркнуть важность теоретических разработок для практической лексикографии. «Бытуют выражения: составлять словарь, составитель словаря. Они дают неправильное представление о лексикографической работе, искажают ее суть. Каждая словарная статья есть результат исследования того, как существует слово в своем многогранном контекстном и классном окружении. Представление результатов этого исследования осложнено спецификой жанра словарной статьи. Чем ответственнее относится лексикограф к своей работе, тем напряженнее он ищет пути разрешения тех парадоксов, которые ставит перед ним этот маленький и коварный жанр» [10: 46-47].

Важность грамматических характеристик слова для диалектных словарей подчеркивают многие лингвисты. В частности, авторы учебного пособия по лексикографии пишут: «В адекватном отражении грамматики в словаре и относительном своеобразии грамматических помет заинтересованы как толковые словари разных типов (современные нормативные, исторические, диалектные прежде всего), так и пользователи словарей» [2: 61].

В академических словарях литературного языка, в частности в Словаре русского языка (МАС, 3-е изд.), приводится полное описание системы грамматических помет (наряду с другими) [8: 10-12]. Их совокупность позволяет создать не только лексико-семантический, но и грамматический «портрет» каждого слова. Система помет исчерпывающая и в то же время «экономная», так, например, при описании глаголов имеется помета *перех.*, но опускается указание на *непереходность*.

Примеры из МАС:

БАРЬЕР, -а, *м.* 1. Перегородка, поставленная в качестве препятствия на пути (при скачках, беге и т.п.).

БЕГ, -а, *предл.* о бёге, на бегу́, *м.* 1. *Действие по глаголу* бегать (в 1 знач.) и бежать (в 1, 2 и 3 знач.). 2. Спортивное состязание или упражнение в беганье. 3. *мн. ч.* (бегá, -ов). Гонки, состязания упряжных рысистых лошадей на скорость. 4. *мн. ч.* (бегá, -óв) (*обычно с предложениями „в“, „из“*). *Устар.* Самовольный тайный уход, отъезд.

Что касается непосредственно диалектных словарей, то здесь проявляются разные подходы к этому вопросу.

Составители «Словаря русских народных говоров» (Вып. 1–52. СПб., 1965–2021) (СРНГ) прямо указывают на следование традиции академических словарей литературного языка, в частности на БАС: «Показ грамматических особенностей слова основывается на тех же принципах, что и в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» 1948–1965 гг., продолжающем традиции академических словарей русского языка» [6: 10].

Но далее авторы отмечают существующую специфику: «Однако между «Словарем русских народных говоров» и «Словарем современного русского литературного языка» имеются и существенные различия, обусловленные, во-первых, тем, что грамматика современного русского литературного языка представляет собой одну определенную систему, тогда как диалектная речь распадается на ряд частных систем, во-вторых, тем, что

грамматическая характеристика слов в диалектных источниках дается очень неравномерно, а нередко и вовсе отсутствует» [6: 10]. Впрочем, это замечание касается не непосредственно помет, а трудностей, обусловленных обработкой диалектного материала. Мы здесь можем отметить, что в случае, если речь идет не о сводном диалектном словаре (СРНГ), а о региональном, первая проблема частично снимается (или, по крайней мере, не является столь острой в силу относительной однородности говоров определенной территории), но вторая, несомненно, актуальна. В целом вопрос о грамматических пометах раскрывается в предисловии к словарю весьма лапидарно.

В известном Деулинском словаре («Словарь современного русского народного говора». М., 1969) преимущественно выдерживается тот же принцип. При этом сказывается и специфика говора (акающий южнорусский, в котором «значительно редуцирована» категория среднего рода). Также важным считаем тот факт, что составители обращают внимание на функционирование в говоре (и в диалектной речи вообще) существительных *Singularia tantum* и *Pluralia tantum*. Они справедливо пишут: «Пометами *только ед.* и *только мн.* авторы пользовались очень осторожно, потому что отсутствие в собранном материале зафиксированных форм единственного или множественного числа у какого-либо слова не может служить надежной и полной гарантией того, что у данного слова действительно имеются формы только единственного или только множественного числа. Это отсутствие может означать или действительную неупотребительность у слова форм единственного или множественного числа, или же неполноту собранного материала» [9: 39].

В «Архангельском областном словаре» (АОС) [1], основанном на тех же принципах, весьма актуальной для глаголов является помета *многokr.* (она отмечается и в МАС, например, при глаголах *говаривать*, *хаживать*, с пометой *разг.*), что объясняется спецификой данных говоров. Например, *браниваться* (ср. в тюменских говорах: *Никогда не хварывала, в больницах не лёжива-*

ла. Без сена не жила, без дров не бывала. Ничё нам не говаривала, даже пальцем не тыкивала.). Другие примеры из тюменских говоров: *баивать, барахтываться, блуживать* и т.п. Среди причин широкого употребления так называемых многократных глаголов, мы выделим (как одно из возможных объяснений) отражение в этих конструкциях традиционного мировоззрения, для которого актуален определенный жизненный уклад, повторение его констант (правда, это объяснение наталкивается на контраргумент: подобные глаголы характерны лишь для севернорусских говоров или вторичных с севернорусской основой, но не южнорусских).

Возвращаясь к вопросу об общей системе грамматических помет в диалектных словарях, мы должны отметить и другую традицию. Она проявляется, в частности, в уральской, пермской и томской школах, признанных флагманах диалектной лексикографии. Здесь составители фокусируют свое внимание на лексико-семантической характеристике диалектного слова и значительно элиминируют его грамматическую характеристику, сводя ее к «необходимому и достаточному минимуму». Для примера рассмотрим «Словарь русских говоров Среднего Урала» (Свердловск – Екатеринбург, 1964–1996) [5] и «Полный словарь сибирского говора» (так наз. «Вершининский») (Т. 1–4. Томск, 1992–1995) [3]. При этом следует подчеркнуть, что описываемая традиция не является более поздней: так, первый выпуск АОС вышел из печати в 1980 г., а первый выпуск СРГСУ — в 1964 г. Во вступительной статье к этому словарю читаем: «В отличие от толковых словарей литературного языка, преследующих и нормативные цели, данный словарь **не содержит в себе грамматическую характеристику слов** (выделено нами. — С. Б., Е. Б.). Заглавные (объясняемые) слова даются в нем в исходной грамматической форме, косвенные же формы их, если они образуются закономерно для диалекта и не связаны со словарными (лексическими) различиями, не приводятся. Грамматические пометы при словах сведены до необходимого

минимума, что, не затрудняя решение основной задачи, значительно упрощает пользование словарем. Они даются, например, тогда, когда слово не употребляется в некоторых формах, свойственных данной части речи, когда по внешним признакам нельзя определить, к какому разряду слов относится данное, и в некоторых других случаях» [5: 10].

В Вершининском словаре (Томск) [3] и Акчимском (Пермь) [4] мы находим примерно те же положения, отраженные во вступительных статьях. Не будем прибегать здесь к их цитированию, чтобы избежать повторения.

Этой же традиции следовал и наш авторский коллектив при создании «Словаря русских старожильческих говоров юга Тюменской области» [7] (ориентируясь на территориально близкую уральскую диалектологическую школу). Она отражена в вводной части еще более лаконично. «За заглавным словом следуют пометы: а) грамматические (только как средство уточнения при толковании значения слова). Например: **Гребь**. Ж. р. Высохшее, готовое для уборки сено; **Крбсна**. Только мн.ч. Домашний ткацкий станок; **Пблотье**. Только ед.ч. Прополка» [7: 9]. Кроме того, приводится список грамматических помет [7: 11], составляющих, по мнению лексикографов, необходимый минимум, позволяющий добиться полноты характеристики толкуемого слова.

Так, собственно лингвистическую информацию о заголовочном слове отображают пометы, информирующие о его принадлежности к части речи – *сущ., нареч., прил., числит., мест.* и т. д. (см. список условных сокращений [7: 11]). В словаре тюменских говоров частеречные пометы приводятся только в тех случаях, когда имеется необходимость идентифицировать категориальную принадлежность словарных единиц: **Молбсное**. В знач. сущ. Скоромное блюдо. *Сам пбп молбсно ёл, не пбстовал; Огорбдное*. В знач. сущ. Овощи. *Покупать-то дёнек нёту, а огорбдное продаш – и копёйка, глядиш, ёсь; Ёвот, ёвот*. 1. Указ. част. *Вот. Ёвот како гбре-то у их*. 2. Нареч. В этом месте, здесь. *Ёвот кбфта-та лежыт, не ишыбся; Круг*². Предл. Вокруг. *Вот*

тополя крук неё были. В остальных случаях указание на частеречную принадлежность опускается: **Наконёчник.** Край полотенца с кружевом. *Наконёшник у рушника накíшшывам, штоп не осыпáлса.;* **Кахы́кать.** Кашлять. *Болёт, дак кахы́кат фсё врэмя.* (здесь и далее представлен иллюстративный материал, отобранный в следующих источниках: 1) картотека кафедры Тюменского государственного университета; 2) лексикографически обработанные неопубликованные полевые записи устной речи диалектоносителей, собранные авторами; 3) «Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области» под редакцией С. М. Беляковой [7]).

Представление слов разных частей речи сопровождается следующими пометами:

Имя существительное. Заглавной формой имени существительного, как это принято в русской лексикографии, является форма именительного падежа. За заглавной формой помещаются актуальные для данного словарного слова пометы:

1) указание на *грамматический род*. Род имен существительных приводится только в тех случаях, когда могут возникнуть затруднения в его определении или несовпадения с соответствующей лексемой литературного языка. Напр., **Мышь.** М. р. *Поймáл мышá;* **Контрóль.** Ж.р. *На́до большúю контрóль.* Существительные общего рода обозначаются двойной пометой: *м. и ж.* **Блудёна.** М. и ж. Мало бывающий дома, тот, кто любит бродить. *Тако́ва блудёну нековда́ дóма не застáнёшь. Дё́фка-то у сусéдей блудёна росьтёт- сусётко-то дóма не любит;*

2) пометы *только мн. ч.* или *только ед. ч.* Грамматические маркеры указанного типа используются в «Словаре русских старожильческих говоров юга Тюменской области», но, как было сказано выше, «очень осторожно». Хотя в определенных случаях применение первой из названных помет не вызывает сомнений. Напр.: **Грабёльцы.** Только мн. ч. Устар. Грабли с зубьями для сгребания сжатого хлеба, прикрепляющиеся к косе. *Литóбка была́, и к ётой литóфке грабёльцы придéланы. Ёто*

хлѣб убирáли. Хлѣбины. Только мн.ч. Период от Рождества до Масленицы. *Старикѹ хлѣбины справля́ли. От Рожесва́ до Ма́сленицы хлѣбины пра́знуют;*

3) помета *собр.* В словаре к именам существительным со значением нерасчлененной множественности однородных предметов или живых существ отнесены как экспрессивные образования (**варначѣ́, сорвачѣ́**), так и собственно номинативные (**ви́шенье, вешня́к**).

Имена существительные с отчетливым собирательным значением оформляются в словаре по образцу: **Дитѣшка.** Собир. Дети. *Шшáз дитѣшка нахáльна, дай да дай; Кокóрник.* Собир. Кривые, суковатые деревья, вывороченные с корнем; коряги. *У лени́вова хозя́ина зимóй и кокóрник згорѹт, не нару́бид да не заготóвид дрóв дак.*

4) Морфологическая помета *одуш.*, обозначающая одушевленность как признак существительного, фиксирует совпадение формы вин. пад. ед. и мн. ч. у существительных мужского рода и вин. пад. мн. ч. у существительных женского рода с формой род. пад. В изучаемых говорах мы встречаем единичный случай такого типа: существительное **скот** в говорах является одушевленным: *держáть скотá.*

2. **Глагол.** При обращении к глагольным лексемам как элементам диалектного словаря мы видим более сложную картину, так как возникают частные практические вопросы. Это касается, например, подачи видовой пары. В СРГСУ они даются в одной словарной статье. В нашем словаре им посвящаются разные словарные статьи, при этом исходной формой считается форма несовершенного вида, а форма совершенного вида дается в отсылочной статье (если, конечно, обе эти формы зафиксированы в имеющемся материале): **Пособля́ть.** Несов. в. к **пособѣ́ть.** *Одинóчным матеря́м пособля́ть на́до; Сга́ливать.* Несов.в. к **сга́лить.** *С сэ́рквы крестѹ хотѣ́ли зга́ливать;* Если глагол имеет два видовых значения, то это отмечается в заголовке по образцу: **Гля́нуться.** Сов. и несов. в. *Нравѣ́тся, понравѣ́тся. Нѣт,*

мне не глянецца, нарѳт весь дѳбрый разгоняли. Другіе-то зовут в гѳрот, да глянеться не глянеться, а здѳсь-то лучьче. Ф своей деревне парни мне не глянулись.

Иные грамматические характеристики глагола:

1) Лексико-грамматическая характеристика переходность / непереходность (*перех.*, *неперех.*). Указание на переходность глагола, как представляется, не является обязательным. При необходимости этот вопрос легко решается либо путем сопоставления с литературным эквивалентом в толковании, либо при анализе приведенных контекстов. В случае же возможного затруднения данная помета может быть приведена: **Вызреть**. Перех. Вырастить. *Вызрееш лён, потѳм околѳтиш*; **Рѳбить**. 1. Перех. Работать. *Фсѳ рѳбили, хтѳ мѳк и хтѳ не мѳк*. 2. Перех. Делать что-либо. *Этѳд дѳм самѳ рѳбила. Фсѳк свою рѳбѳту рѳбил*.

2) Помета *многѳкр*. Как правило, в «Словаре русских старожильческих говоров юга Тюменской области» при описании глаголов, обозначающих повторяемость действия (интеративов), дается обычное для словарных статей указание *многѳкр. к* (+ глагол несовершенного вида): **Пасѳть**. Многокр. к **пастѳй**. *Загнѳли миня, куда Макѳр тилѳт ни пасѳл*; **Вѳньгивать**. Многокр. к **вѳньгать**. *Нѳс ѳк не нѳжыли, рѳбидь заставляли, дак мы нековды не вѳньгивали*). Иногда приводится толкование значения, которое имеет производное слово: **Блуживать**. Многокр. к **блудить**. Неоднократно блуждать, плутать. *Рѳне не рѳс ѳ блужывала, увлекѳся ѳгодам и гдѳ иду – забѳду*. Во многих случаях это объясняется тем, что семантический ѳъем производных интеративов и их производящих не всегда совпадает. Так, например, глагол несовершенного вида **блудить** известен в тюменских говорах в трех значениях (1. Вести распутную половую жизнь; 2. Проказничать, шалить (преимущественно о животных); 3. Блуждать, плутать), однако производный многократный глагол **блуживать** зафиксирован только в одном значении — третьем. Производящий глагол **барѳхтаться** также имеет большее число значений (1. Делать быстрые беспорядочные движения телом, руками, ногами, стара-

ясь подняться, освободиться от чего-либо; 2. Купаться, плескаться в воде; 3. Возиться, бороться с кем-либо, совершая беспорядочные движения), нежели производный многократный глагол **барáхтываться** (**Барáхтываться**. Многокр. к **барáхтаться**. Бороться, возиться с кем-нибудь. *Барáхтывались, помолóжэ-то б́ыл, борóлися с робя́там*).

В ряде случаев приводится помета *однокр.*, используемая для характеристики обозначаемого глаголом действия, ограниченного кратностью своего проявления: **Вéньгнуть**. Однокр. к **вéньгать**. *Тóлько вéньгни у миня́; Клыкнóуть*. Однокр. *Икнуть. Клыкнóула - и бóле нé было, в́идно, од́ин рáс хтó-то споменóул*.

3) Помета *безл.* Помета используется для словарного описания безличного глагола: **Опрокíнуть**. Безл. Повлечь, заставить идти, «понести» куда-либо. *Куды́ опрокíнет ево́, то ли к ва́м, то ли к на́м; Бла́знить*. Безл. Казаться, мерещиться. *Éй срóду бла́зньнит, фсё éй мерéшьитса*. Если глагол употребляется в безличной форме только в каком-то из своих значений, то помета приводится по образцу: **Лихотíть**. 1. Безл. О состоянии тошноты или о рвоте. *Моёва-та мужы́ка сéдни лихотíт. Лихотíт штóй-то с са́мова утра́. 2. Болеть, мучить. От топе́рь но́ги да ру́ки и не хóдят, боля́т, да ишшó от и жыво́т лихотíт*.

3. Прилагательное. Словарная статья с прилагательным в качестве заголовочного слова оформляется по следующему образцу: **Емковáтой**. Крепковатый. *Дéдушко ишó емковáтой рóбить-то; Отталя́стой*. Нездешний, из других мест, приезжий. *Нéт, он, дéфка, не рóтчэй, а отталя́стой, говоря́-та дру́га*. Имена прилагательные сравнительной и превосходной степеней, если их образование системно (закономерно) в старожильческих говорах, специально не приводятся, но могут быть помещены в иллюстративном материале.

4. Местоимение. Местоимения приводятся в именительном падеже с указанием на разряд: **Éко**. 2. Указ. мест. Это. *Не зная́, чё и за пюре́ такó, мнэ́ ба́бушка ёко́ приноси́ла, дак я́ úсь не ста́ла; Ё́нот, ё́нто*. 1. Указ. мест. в роли определения. *Э́тот. В ё́нтым году́*

засуха страшна. 2. Указ. мест. в роли существительного. *Этот Ныне-то нэту ёнтово; Ёкой, ёка, ёко*. Определительные мест. Такой, -я, -е. *Погода-то опять вйш какá, нынче лето-то ёко будёт*.

Несклоняемые и неспрягаемые слова в описываемом словаре предлагается сопровождать пометами, указывающими на их категориальную принадлежность. Так, например, наречия выделяются в самостоятельные словарные статьи без ссылок на соответствующее прилагательное, сопровождаются пометой *нареч.* и оформляются по типу: **Бэсперечи**. Нареч. Постоянно, непрерывно. *Кричят бэсперечи; Вдруг*. Нареч. Одновременно, сразу. *Это не вдрук кúпиш, хóть и дешэво бýло. Не фсэ вдруг бьют, а одйн по одному* (рассказ о молотье). Степени сравнения наречий, образованных от качественных прилагательных, маркируются соответствующими пометами и выносятся в отдельную словарную статью: **Дешэвше** Нареч., срав. ст. Дешевле. *Дóлго ткáдь бýло, мэдленно, да своё-то лúче и дешэфшэ; Бáсче*. Нареч., срав. ст. 1. Лучше, красивее. *Топёрь ешшó бáшшэ наряжáютца*. 2. Больше, сильнее. *Пóсле трóицы дожжэй нé было, а топёрь бáще пошлú*.

Предлоги и междометия идентифицируются посредством помет, если в определении слова отсутствует указание на их грамматическую принадлежность: **Сýле, сýля, цýле, цýля**. Междометие, которым отгоняют или подзывают корову. *Сýле, сýле, Зóрька! Нý-ко, пошлá отсúда, цýля, цýля!* и **Бáся-бáся**. Междом. Слова, которыми подзывают овец. *Сыплят подзывám сýп-сýп, а овéчюшок – бáся-бáся; Наврóде²*. Предл. Наподобие. *У ёй сарафáн-от свéтом наврóде твоёва*. и **Замéсто**. Вместо ко-го-чего, предл. с род. п. *Замéсто ётой газéты вéпишу друзú*.

Частицы и союзы снабжаются указанием на часть речи и разряд: **А́жно**. Даже, усилительная частица. *В войнú мы дойли а́жно по три рас; Вже*. Усилит. част. Уже. *Здорóвье плохóе софсэм, вже, однáко, кóло десятú лет; Дак*. 1. Усилит. част. Так. *Дак пóмер давнó старúk*. 2. Союз следствия. *По прямóй путú идú, дак догóниш*. 3. Союз противительный. Да, но. *А она́ прошлá, дак убúло её*.

Таким образом, в диалектном словаре тюменских говоров лингвистическая информация содержится как в иллюстрациях, так и в пометах, приводимых в одной строке с входной единицей. Система помет, используемая составителями словаря для описания конкретного диалектного слова, позволяет связать его с определенным типом грамматических характеристик и тем самым не только выделить его из общей массы входных единиц, представленных в словаре, но и максимально точно эксплицировать лексикографическую информацию о слове. В связи с тем, что наша работа над словарем еще продолжается, в предложенную систему грамматических помет могут быть внесены коррективы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский областной словарь : в 20 вып. / под ред. О. Г. Гецовой. — Москва : Издательство Московского университета, 1980–2020.
2. Лексикография русского языка : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / А. С. Герд, Л. А. Ивашко, И. С. Лутовинова [и др.] ; под ред. Д. М. Поцепни. — Санкт-Петербург, 2009.
3. Полный словарь сибирского говора. — Томск, 1992–1995. — Т. 1–4.
4. Словарь говора деревни Акчим Красновишерского района Пермской области. — Пермь, 1984–2011. — Т. 1–6.
5. Словарь русских говоров Среднего Урала. — Свердловск ; Екатеринбург, 1964–1996. — Т. 1–7, дополнение.
6. Словарь русских народных говоров. — Ленинград, 1965. — Вып. 1.
7. Словарь русских старожильческих говоров юга Тюменской области. — Тюмень, 2014. — Т. 1–2.
8. Словарь русского языка : в 4 т. — 3-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 1985.
9. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). — Москва, 1969.
10. Шведова, Н. Ю. Парадоксы словарной статьи / Н. Ю. Шведова // Лексикография русского языка : хрестоматия и учебные задания / сост. Л. А. Ивашко [и др.]. — Санкт-Петербург, 2009. — С. 42–47.

ГРАММАТИКА СЛОВА, СЛОВСОЧЕТАНИЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ

УДК 81'373

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И МОДЕЛИ СПЕЦИАЛЬНЫХ РАЗРЯДОВ ЛЕКСИКИ: ОНИМИЧЕСКИЙ ОПЫТ СФЕРЫ МИКРОФИНАНСИРОВАНИЯ

Геккина Е. Н.

Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия

Третьякова Д. В.

Тольяттинский государственный университет
Тольятти, Россия

Аннотация. Показаны результаты семантического и словообразовательного анализа наименований микрофинансовых организаций, зарегистрированных в Российской Федерации. Онимическая практика в отраслевой среде, аккумулирующая итоги разнотипной словообразовательной деривации, рассматривается в сопоставительном аспекте, с учетом динамических процессов, характеризующих лексико-грамматическую систему современного русского языка.

Ключевые слова: неология, лексические инновации, словообразование, дериваты, сложение.

DYNAMIC PROCESSES RUSSIAN WORD FORMATION AND MODELS OF SPECIAL VOCABULARY CATEGORIES: ONYMIC EXPERIENCE IN THE SPHERE OF MICROFINANCE

Gekkina E. N.

Institute for Linguistic Studies, RAS
Saint-Petersburg, Russia

Tretyakova D. V.

Togliatti State University
Togliatti, Russia

Abstract. The article presents the results of a word-formation analysis of the names of microfinance organizations registered in Russian Federation. Onymic practice in the industry environment, accumulating the results of different types of word-formation derivation, is considered in a comparative aspect, taking into account the dynamic processes that characterize the lexico-grammatical system of the modern Russian language.

Key words: neology, lexical innovations, word formation, derivatives, addition of words.

1. Введение и материал исследования.

В соответствии с законом РФ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (принят 18 июня 2010 года), субъекты микрофинансовой деятельности получают статус *микрофинансовой компании (МФК)* или *микрокредитной компании (МКК)*. Сведения о дате официальной регистрации компаний, их местонахождении включаются в Государственный реестр микрофинансовых организаций, опубликованный на сайте «Банк России». Информация о составе компаний регулярно обновляется, то есть реестр отражает актуальные сведения о ситуации в микрофинансовой сфере. Данные реестра свидетельствуют: со времени принятия закона микрофинансовые организации (*МФО*) зарегистрированы во всех российских регионах, то есть распространены повсеместно.

Государственный реестр содержит приблизительно 10000 наименований действующих или прекративших работу МФО. Нами использован список, состоящий из 1073 наименований действующих МФО. При тематическом обзоре групп номинаций дополнительно привлечены архивные сведения о недействующих компаниях.

Объектом нашего исследования являются фирменные наименования и коммерческие обозначения МФО (далее также *номинации*). Функциональные различия двух разновидностей номинаций сводятся к статусному разграничению: «Фирменное наименование юридического лица — это указание на его организационно-правовую форму и собственно наименование юридического лица, которое не может состоять только из слов, обозначающих род деятельности»; «Коммерческое обозначение — средство индивидуализации, которое указывается на вывесках, бланках, в счетах и на иной документации, в объявлениях и рекламе, на товарах или на их упаковках, в сети Интернет, если такое обозначение обладает достаточными различительными признаками и его употребление правообладателем для индивидуализации своего предприятия является известным в пределах определенной территории» [3: 135-136].

Фирменные наименования и коммерческие обозначения компаний обычно совпадают: «*Выручайка*» (МКК «*Выручайка*»); «*Лайм-Займ*» (МФК «*Лайм-Займ*»); «*Турбозайм*» (МКК «*Турбозайм*») и т.п. (здесь и далее номинации воспроизводятся с сохранением графических особенностей).

Однако они могут и различаться: «*Отличные наличные*» (МКК «*Финансовый супермаркет*»); «*Фастмани.ру*» (МКК «*ПЕРИ-ГЕЛИЙ*»); «*Европлан*» (МФО «*ГРАД-МАНИ ГРУПП*») и т. д. В ряде случаев различия носят исключительно графический характер; ср. записи на латинице и кириллицей («*Belkacredit / Белка Кредит*», *MoneyMap / Манимен*).

Одна и та же организация может иметь несколько коммерческих обозначений, как дублирующих фирменные наименования, так и нет: «*Ракета Деньги*» и «*Money Map (Манимен)*» (МФК «*Мани Мен*»); «*Главпотребкредит*» и «*Webbankir*» (ООО МКК «*ВЭББАНКИР*»); «*Смсфинанс*» и «*Vivus*» (МКК «*4Финанс*»).

2. Цели и задачи исследования.

Цель исследования состоит в определении деривационных типов и моделей, задействованных при создании наименований, выполняющих функцию идентифицирующих номинаций в сфере услуг с широким диапазоном адресатов: уже пользующихся финансовыми услугами и, что важнее для функционального потенциала обсуждаемой сферы, будущих потребителей услуг. Номинации рассматриваются как языковые единицы, в полной мере воплощающие возможности и инструментарий системы современного русского словопроизводства.

К задачам исследования относятся: тематическая классификация номинаций; анализ их семантической направленности; обзор очевидных (эксплицитных) коннотативных свойств и скрытых (имплицитных) прагматических признаков, характеризующих языковые единицы; грамматическая типология наименований с учетом их композиционных и структурных особенностей; установление реализованных в дериватах продуктивных словообразовательных типов и моделей, выявление в дериватах взаимосвязей семантико-словообразовательного толка.

3. Тематические группы и семантические особенности номинаций.

Микрофинансовые организации специализируются на выдаче потребительских микрокредитов и микрозаймов на относительно небольшой срок. Целевая аудитория компаний — люди, которые нуждаются в денежных средствах, но по разным причинам не могут или не хотят оформлять кредит в банке.

Названия МФО демонстрируют богатую содержательную палитру, актуализирующую обширный тематический пласт «денежные средства и обращение с ними» и свидетельствующую о прямой ориентации компаний на проблемы клиента. Названия, составляющие тематические подгруппы, семантически прозрачны, не содержат компонентов, вуалирующих назначение и функции компаний, часто включают понятные разговорные слова и выражения.

В названии опорным может быть обозначение сообщества, объединения, связывающего людей с общими интересами, нацеленных на совместную деятельность:

фонд: «МКК Фонд микрофинансирования Томской области», «Фонд поддержки предпринимательства, микрокредитная компания», «Фонд содействия кредитованию малого и среднего предпринимательства Тамбовской области»;

центр: «Центр Инвестиций», «Центр Займов Якутия», «Поволжский кредитный Центр», «Центр Денег»;

дом: «ДОМфинанс», «Дом денег», «Кредитный Дом», «АН Новый Дом», «Сибирский Доходный Дом»;

союз: «Союз микрофинансирования 43»;

клуб: «Финансовый клуб онлайн».

Поскольку деятельность компаний связана с деньгами, то самую многочисленную тематическую подгруппу образуют номинации, в которых выражены смысловые элементы 'финансы', 'кредит', 'заем', 'капитал', 'деньги', 'денежные знаки', 'мани', 'наличность', 'кэш': «Кредитный консультант», «НУЖЕН КРЕДИТ», «Микрозайм», «ЦентроЗайм», «Народные Займы», «Займер», «ВСЕГДАЗАЕМ», «ВАШ ЗАЕМ»; «Ваш Капитал», «Правовой Капитал», «СтандартКапитал».

Названия могут включать топонимические маркеры, конкретизирующие географические признаки оказания услуг: «Балтийский Финансовый Центр», «Финанс Групп Череповец», «ТюменьФинанс». Названия могут содержать лексемы, подчеркивающие значимость МФО («ФИНАНСОВЫЙ ЦЕНТР «ШИК», «Центрофинанс Групп», «Главмикрофинанс»), ее способность помочь клиенту («Центр финансовой помощи», «Финансовая Перспектива», «Горизонт-Финанс», «Ваш финансовый союзник», «ФИНАНСОВЫЙ АССИСТЕНТ», «Лучший Финансовый Ракурс»), при этом обеспечивается простота решения финансовых вопросов («СимплФинанс»).

Группа с компонентом 'деньги' объединяет и названия, в которых обозначены причины и цели получения дополнительных

средств: «Деньгович», «Заправляем деньгами», «ВелкомДеньги», «МКК ОренДеньги», «Деньги до зарплаты Ангарск», «Деньги в долг», «Выручай-Деньги», «Срочные деньги выручим всегда».

Для названий, включающих английское слово мани, присуща разнонаправленность смысловых признаков, их обыгрывание: «Джет Мани Микрофинанс», «КарМани», «Мани Мен», «ПроМани», «Джой Мани», «ВАН КЛИК МАНИ», «МаниЛайн», «ИЗИМАНИ», «Бест Мани», «Фастмани.ру», «ЧелМани», «ГрейтМани-Плюс», «МАНИ БОКС», «Диджитал Мани», «Малина мани», «СТЭП-МАНИ», «Скела Мани», «Вайтмани Диджитал», «Бламмо Мани».

Денежные знаки многообразны, о чем напоминают и номинации МФО: «Гривенник», «ДОЛЛАР», «Дукат», «Златый Шекель», «Золотой Талер», «МАРКА», «ПолтинникЪ», «Полушка», «ПЯТАК», «Рубль.Ру», «Рупия», «Соверен», «СОЛЬДО», «Тенге», «ШИЛЛИНГ», «Хэппи Пенни», «Чирик».

В названиях МФО получает отражение представление о предпочтительной для клиентов форме обладания денежными средствами: «НАЛИЧНЫЕ ЗАЙМЫ», «Наличный Расчет», «Экспресс Наличные», «УМНЫЕ НАЛИЧНЫЕ» vs «КЭШМОТОР», «Кэшстор», «КЭШДРАЙВ», «КэшКредит».

В наименованиях может актуализироваться параметр «место нахождения, хранения денег»: «Бумажник», «Монетница», «Золотой кошелек», «ПОРТМОНЕ».

Названия отражают разные грани денежных проблем людей, в частности необходимость получения денег («Надо Финанс», «Надозайм», «Очень надо», «НУЖНОДЕНЬГИ», «Нужные деньги», «НУЖНЫЕ ЗАЙМЫ») и своевременное, без задержек получение денег («Быстроденьги», «Быстрый город», «ВЫГОДНЫЙ ТОЧНЫЙ БЫСТРЫЙ ЗАЙМ», «Быстрые покупки», «Срочноденьги», «Деньги Сейчас», «Срочные деньги выручим всегда», «Займ-Экспресс», «ЭКСПРЕСС-КРЕДИТ», «Экспресс Финанс», «Страна Экспресс», «ЭкспрессДеньги», «Экспресс Деньги», «Экспресс Займ», «МКК Капитал Экспресс», «МКК ЭКСПРЕССКРЕДИТ», «Череповец Экспресс Займ», «Экспресс Наличные», «Экспресс Займ ГРУПП»,

«РенЭкспресс», «Деньгигимгом», «МоментДеньги Ру», «Мигом-деньги РБ», «Форсаж», «Срочно на карту», «КВИК МАНИ», «РАЗ-ДВА ЗАЙМ», «Одобрено», «Фастмани.ру»).

В названиях может подчеркиваться легкость, удобство получения денег: «Удобные деньги», «Деньги здесь», «Удобно-Деньги Иркутск»; «Легкий займ Астрахань», «БериРубли», «РублиБери», «Деньгомёт», «УльтраДеньги», «Деньги Валом», «РЕАЛЬНЫЙ ЗАЙМ», «ВамДам», «Занимаем», «Займ Легко», «ИЗИМАНИ».

Предсказуема актуализация компонентов, связанных с понятиями богатство, выгода, предназначение денег: «Будьте Богаты», «Денежный ларец», «Шкатулка», «КОПИЛКА АЛТАЯ», «Серебряные горы»; «Остров изобилия», «ВЫГОДНЫЙ ТОЧНЫЙ БЫСТРЫЙ ЗАЙМ», «Выгода вместе», «Выгодные займы»; «НаМечту», «МЕЧТА».

Номинации могут включать лексические компоненты, в которых находят выражение оценочные представления людей, располагающих необходимыми денежными суммами: 'удача', 'счастье', 'положительные эмоции' («Удачные займы-НСК», «Удачная сделка», «МКК Восторг капитал», «Микрокредитная компания Денежное дерево», «Восторг», «Перфект», «Хэппи Пенни», «Счастливые Люди», «МКК «Счастливый рубль»).

В названиях подчеркиваются положительные стороны деятельности и характера людей, оказывающих финансовые услуги: готовность помочь, выручить того, кому понадобились деньги («Деньги всем», «Деньги людям», «Папа Финанс», «Молодые деньги», «Студенческий заем», «ПомогайКа»); надежность, честность, даже щедрость и доброта («Денежная крепость», «Народная опора», «Наша гарантия»; «ЧЕСТНЫЕ ДЕНЬГИ», «ЧЕСТНОЕ СЛОВО», «Честная монета», «Щедрая»; «Добрые Деньги», «Ваши Добрые Деньги», «ДОБРОКАССА»; «Нам Доверяют», «СОЮЗ ДОВЕРИЯ»).

Для названий МФО важна актуализация семантики 'легкости получения денег вне зависимости от каких бы то ни было сдерживающих условий': быстро («Срочноденьги», «Быстро-деньги», «Фастмани.ру»), без банковской волокиты с документами («Деньги сразу», «Смсфинанс», «МКК ВАН КЛИК МАНИ»),

вне зависимости от сроков и когда нужно («Денежка ДО зарплаты», «003 Скорая финансовая помощь», «Надо денег»), с легкостью и удовольствием («Джой Мани», «Забирай», «Выручайка»), честно и надежно («ЧестноДеньги», «Честное слово»). Обыгрывание компонентов 'кредит' / 'заем' едва ли не равноправно, несмотря на то что 'заем' в сознании потребителя может ассоциироваться с чем-то близким, бытовым, ср.: *взять займы у соседа*. МФО как раз и делают акцент на том, что получение кредита в них практически равносильно тому, чтобы занять денег у соседа или близкого родственника («Свои Люди», «Папа займ», «Привет, сосед!», «У соседа», «Забирай»).

4. Структурные разновидности номинаций. Словообразовательные типы и модели номинаций.

4.1. В списке наименований МФО около трети единиц (345) представлены в виде лексемных сочетаний. По структурным признакам это могут быть 1) грамматически оформленные словосочетания, 2) наборы (цепочки) лексических единиц, присоединенных друг к другу формально, по принципу нанизывания.

Группа номинаций, построенных по моделям грамматических конструкций, может быть подразделена на подгруппы в зависимости от того, является ли название официальным, стандартным либо отражает креативный подход предпринимателей, стремящихся выразить понятное или экспрессивно-эмоциональное зерно в заглавном «обращении» к клиентам.

Типичными примерами в первой подгруппе служат такие названия, как «Фонд микрофинансирования Тюменской области», *Фонд поддержки предпринимательства*, «Брянская Микрокредитная Компания», «Московский областной фонд микрофинансирования субъектов малого и среднего предпринимательства» и др.

Вторая подгруппа объединяет наименования типа «Добрые Деньги», «Деньги всем», «Магазин кредитов», «Центр инвестиций», «Выгодные займы», «Честный займ», «Займи у нас», «Лучший Финансовый Ракурс» и др.

Номинации, свободные от «предписаний» грамматических моделей, чаще всего представляют собой двухкомпонентные соединения: «*Капуста Прикамье*», «*Раунд кредит*», «*Регент Фаворит*», «*Страна Экспресс*». Внимание обращает на себя то, что в номинации может присутствовать топонимический маркер («*Капуста Прикамье*», «*Волга Капитал*», «*УФА АЛЬЯНС*»); такой же маркер (соответственно, показатель структурной схемы названия) встречается в номинациях, содержащих «обычные» словосочетания («*ВАША ВЫГОДА УРАЛ*», «*Легкий займ Астрахань*»).

Названия, условно определяемые как «наборные», восходят, как правило, к образцам на английском языке, и воспроизводят модели, традиционно используемые иностранными компаниями («*Соломон Капитал*», «*Смирнофф Инвестмент*», «*Бридж капитал*»). Некоторые иноязычные лексические компоненты актуализированы; ср. *капитал* («*Бастион Капитал*», «*Пантеон капитал*», «*Триумф капитал*», «*Норд капитал*»); *финанс* («*Прима Финанс*», «*Рекорд финанс*», «*Индекс финанс*»), *групп* («*Финанс-Плюс Групп*»). Примечательно, что активно используемые иноязычные лексемы также включаются в составные наименования, содержащие русские слова («*Сити Финанс Займ*», «*Папа Финанс*»).

Наименования могут содержать цифровые символы, то есть являются смешанными («*КАПИТАЛ ЗАЙМ 15*», «*Займ77*» «*ЗЕМЛЯ 12*», «*Городские Микрозаймы 24*», «*ДЕНЬГИ 003*», «*495 Кредит*»), Числовые комбинации апеллируют к традиции использования в информационных сообщениях обозначений телефонных номеров, временных интервалов и т. д., а также к практике создания номенклатурных названий технической продукции и ее разновидностей.

Влияние грамматики, особенно синтаксиса, электронной среды обнаруживается в структуре номинаций «*Поток.Финанс*», «*РУБЛИ.РУ*», «*АЙХАЙП.РУ*», «*Платиза.ру*», «*38.РУ*». Формулы свидетельствуют о том, что жанровый тип названия получает импульс к распространению и способствует превращению компонента «ру» в словообразовательный формант, сохраняющий пока живую связь с интернет-пространством.

4.2. Выделяется группа номинаций, дифференцирующим признаком которой служат аббревиатуры. Более 200 наименований в списке заявлены в виде аббревиатурных комбинаций: это могут быть исключительно аббревиатуры (127 названий); это могут быть наименования, соединяющие лексические единицы и аббревиатурные комплексы (90 названий).

В некоторых случаях аббревиатуры дублируются: в официальном наименовании и фирменном названии употреблены одни и те же сокращения (их структурная основа не всегда прозрачна); ср.: «ДВСК», «ЦФР ВИ», «ЕФС», «Л.У.В.Р.», «Е.Д.А.», «Ц.М.Ф.».

В сокращении представлены официальные наименования: ФФПП («Фонд финансирования промышленности и предпринимательства»); РРАПП («Ростовское региональное агентство поддержки предпринимательства»); ФГРПРО («Фонд гарантий и развития предпринимательства Псковской области»); ФОРМАП («Фонд развития малого и среднего предпринимательства Мурманской области») и др.

Аббревиатуры образованы на базе разнообразных сочетаний, включая сокращенные; ср.: ДСЗ (от «ДОНСПЕЦЗАЙМ»), АГК (от «АрхГражданКредит»), МД (от «МАНИДЭЙ»), ОЭС (от «ОНЛАЙН ЭКСПРЕСС СИСТЕМС»), ЛДС (от «Легкие Деньги Сибирь»), ЦДП (от «Центр Денежной Помощи»), СФП (от «Срочная Финансовая Помощь»).

Аббревиатура может быть создана на основе узуального сочетания; ср.: ДЗП (сокращение выражения «(деньги) до зарплаты», в номинации типа «ДЗП-Развитие З»); КВ (от «касса взаимопомощи»).

Группа составных наименований объединяет номинации, в которых аббревиатуры выступают в сопровождении лексических единиц. Номинации реализуют последовательности: 1) «аббревиатура + лексические единицы» и 2) «лексические единицы + аббревиатура»; ср.: «УН-ФИНАНС», где УН — умные наличные; «Международный Центр Кредитования МЦК» (в обозначение входит и аббревиатура, и словосочетание, на основе которого она создана).

Среди составных преобладают номинации, содержащие топонимические маркеры. Их следует характеризовать как типовые, стандартные: *Дульдургинский ФППП* (Дульдургинский Фонд поддержки малого предпринимательства), *«МКК Чукотки»* («Микрокредитная компания Чукотского автономного округа»), *ФПМСП Братска* (Фонд поддержки малого и среднего предпринимательства города Братска), *«КВ Вятка»* («Касса взаимопомощи Вятка»), *«Двина-МФ»* («Двина-Микрофинанс»).

4.3. Приблизительно 500 номинаций МФО (50 % в списке) представляют собой отдельные лексемы либо обозначения, графически оформленные в виде лексемы.

4.3.1. В качестве наименований используются существующие в русском языке лексемы (более 100 номинаций), это традиционная и универсальная для языков практика онимизации. Состав группы онимов формируют нарицательные существительные разных тематических разрядов: обозначения универсальных понятий (*«ВОЗМОЖНОСТЬ»*, *«Многомерность»*, *«СОГЛАСИЕ»*, *«Квалификация»*, *«Равенство»*, *«Паритет»*, *«Содействие»*), историзмы и устаревшие слова (*«Агора»*; *«Равелин»*; *«Авантаж»* 'преимущество, выгода'), названия драгоценных камней (*«Фианит»*, *«Бриллиант»*), финансовые номинации (*«Копейка»*, *«ДИРХЕМ»*, *«Аванс»*, *«Овердрафт»*), юридическая лексика (*«ЮристЪ»*, *«КОДЕКС»*), «красивые» термины из разных областей знания (*«ИНТЕГРАЛ»*, *«ПЕРИГЕЛИЙ»*, *«Стратосфера»*, *«Фордевинд»*, *«Атриум»*), благозвучные и позитивно ассоциируемые названия (ср. названия растений *«Мимоза»*, *«Олива»*, *«Кипарис»*, *«Ясень»*).

В роли номинаций выступают имена собственные: имена людей (*«Бенуа»*, *«Кельвин»*, *«Мартин»*, *«Лоренц»*, *«Гоффман»*), исторических, мифологических, фольклорных и кинематографических персонажей (*«Архимед»*, *«Персей»*, *«Феникс»*, *«Ярило»*, *«КОЛОБОК»*, *«Анчутки»*, *«Матрешка»*, *«Квайгон»*), топонимы (*«Ялта»*, *«Вязьма»*, *«БАРГУЗИН»*, *«ЗЕЛЕНОГОРСК»*, *«Шаболовка»*, *«Верхнеудинск»*, *«Большевожская»*, *«Невада»*, *«АМСТЕРДАМ»*, *«Каппадокия»*) и др.

Негативно окрашенная лексика не представлена в составе номинаций. Своеобразным исключением представляется название «*Делопут*», иронически заряженный жаргонизм, употребляющийся в значении 'делец; пройдоха, махинатор' [2]. Впрочем, возможно, для владельцев микрокредитной компании негативная коннотация этой лексемы не является значимой.

4.3.2. Отдельную группу образуют номинации, созданные при помощи иноязычных лексем, или «чужих» слов. Чаще всего заимствованы номинации из английского языка: «*ИЗИМАНИ*», «*КЭШДРАЙВ*», «*СмартСтарт*», «*Дивэлопмэнт*», «*Мастхэв*» (транслитерация заимствованных слов требует отдельных комментариев). Необходимо отметить смешанные модификации названий, состоящих из английских и русских слов: «*Велком-Деньги*», «*СитиДеньги*», «*ФлэшЗайм*», «*Миксзайм*», «*ЧелМани*» (сокращение от *Челябинск*).

Встречаются названия, представляющие собой французские («*Авион*»), итальянские («*Уно*»), испанские («*Асталависта*», *Nasta la vista* 'до свидания' или 'до встречи'), тюркские («*М Булак*», от казахского *Мол Булак* 'изобильный источник'), японские («*Тайкун*»), арабские («*Баракат*» 'божественное благословение, благодеяние, достаток') слова.

Номинации могут представлять собой искусственно созданные названия, часто с иноязычными формантами, придающими деривату вид иноязычного слова: «*Кредди*», «*Кредито24*», «*Кредиттер*», «*Займиго*».

4.3.3. Более трети позиций в списке МФО занимают номинации, при создании которых использован инструментарий аффиксальных и безаффиксных способов. Эта часть анализируемого списка онимов разнообразна по представленным словообразовательным моделям и средствам, что закономерно обеспечивает основу целенаправленных наблюдений над востребованными, продуктивными типами. Именно эта группа названий наиболее интересна с точки зрения отражаемых трендовых и стандартных образцов словопроизводства.

Основной грамматический класс единиц, обеспечивающий функционал номинаций, — это существительные. Безусловно, обращают на себя внимание аффиксальные дериваты, созданные по моделям стандартных производных слов: «*Деньгович*», «*Помогатор*», «*Выручайка*», «*Дополучкино*». В некоторых случаях используется прием блендинга, когда задействованы нетрадиционные, необычные для словообразовательного гнезда морфемы: «*Займер*», «*Займофф*», «*КредоВ*», «*Капиталина*» (от *капитал*).

В образовании субстантивов принимают участие глагольные и наречные лексемы: «*Забирай*», «*Займи!*», «*Звони*», «*Пойдём!*», «*Можно*», «*ВЗАИМНО*». Создателям семиотический потенциал подобных названий представляется, как можно полагать, значительным; подтверждают это и такие номинации, как «*Бериберу МКК*», «*Быстроденьги*», «*ВСЕГДАЗАЕМ*», «*Выручай-Деньги*», «*Деньгимизом*», «*За15минут*», «*Платиза.ру*», «*РублиБери*», «*Срочноденьги*».

Значительное количество номинаций представляет собой словообразовательные дериваты, созданные на основе моделей сложения.

Сложные производные, созданные путем стяжения, включают форманты, представленные как в полном, так и в сокращенном виде: «*СВОБОДАЗАЙМ*», «*ЭкспертПерспектива*», «*ГЛАВКРЕДИТ*», «*ГОРГАРАНТ*». При образовании сложных производных активно используются форманты, восходящие к топонимам: «*ЕНИСЕЙЗАЙМ*», «*ТУЛАЗАЙМ*», «*Мосзайм*», «*КировФинанс*», «*ТюменьФинанс*», «*УРАЛАЛЬЯНС*», «*СибирьАльянс+*», «*БалтКредит*», «*ДальСнабЦентр*».

Выделяются сложные производные с узуальными компонентами; ср. дериваты с формантом *микро-*: «*Микрозайм*», «*МикроКлад*», «*Главмикрофинанс*»; с формантом *экспресс*: «*Экспресс-Деньги*», «*ЭКСПРЕСС-КРЕДИТ*», «*Экспресс-Займы*».

Сложные производные создаются по образцу существующих дериватов, тем самым демонстрируют востребованность моделей с интерфиксами; ср.: «*Займоград*», «*Деньгомёт*», «*Турбозайм*», «*КосмоДеньги*».

Контаминанты привлекают особое внимание, поскольку свидетельствуют о стремлении создателей к языковой игре, их желании выразить актуальные смысловые признаки и их позитивный эмоциональный фон с помощью необычных, ярких номинаций; ср.: «Финбург», «Кредиска», «КарМани», «КАПИЛКА».

Сложные производные слова, несмотря на узкую отраслевую специализацию, отчетливо демонстрируют направленность и потенциал словообразовательной динамики современного русского языка. Лексическая инновация появляется в формате комплексной по составу, семантически нагруженной и при этом компактной словарной единицы. Рождение номинации все более и более напоминает процесс извлечения лексических и грамматических элементов из разного языкового материала и сведения их в новое словесное целое.

5. Заключение.

Корпус наименований МФО образует тематически целостную группу с отчетливыми семантическими «линиями», позволяющими реконструировать сюжетные детали одной из важных сторон жизни современного российского общества.

Лексические и грамматические единицы, задействованные в процессе онимизации, настолько разнообразны, что позволяют реконструировать, а точнее, указать на продуктивные способы и модели словопроизводства, на словообразовательный инструментарий, какой обеспечивает, по замыслу создателей наименований, необходимый коммуникативный эффект.

Комплексная природа номинаций во многом «предсказана» жанровыми и смысловыми предпосылками. Вместе с тем номенклатура модификаций и их количество обращают к типу составных, сложных дериватов, или, говоря иначе, к результатам разнотипного комбинирования. Именно в них реализованы востребованные модели, отражены активно используемые приемы и способы словопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный реестр микрофинансовых организаций. — URL: <https://www.cbr.ru/microfinance/registry/> (дата обращения: 15.06.2023).
2. Елистратов, В. С. Словарь русского арго : материалы 1980–1990 гг. / В. С. Елистратов. — Москва : Русские словари, 2000. — 694 с.
3. Соколова, Т. П. Реклама и коммерческие наименования как объекты судебной лингвистической экспертизы / Т. П. Соколова, Е. А. Чубина. — Москва : Флинта, 2019. — 264 с.

ПОЭТИЗМЫ НА -НОВЕНИЕ И ПРОЗАИЗМЫ НА -НУТИЕ

Демидов Д. Г.

Государственный университет Чжэнчжи
Тайбэй, Китай

Аннотация. Ставится проблема распределения двух возможных моделей образования имен действия от глаголов на *-нуть*. Модель на *-новение* церковнославянская, возникла еще в праславянскую эпоху и хорошо освоена светской поэзией, однако новообразований после 1981 года нет. Модель на *-нутие* развивается в деловой сфере и в начале XXI в. вдвое увеличила число новообразований. Она входит в видовую оппозицию с моделью на *-ывание*, следовательно, обе производные формы могут считаться субстантивными формами глагола. До начала XX в. стилистическая сфера распространения производных на *-нутие* была шире: кроме деловой речи, она включала и публицистику, и мемуаристику. Первым формы на *-нутие* стал составлять писатель Иван Тимофеев, однако он отталкивался от уже существовавших форм на *-новение*. Его неологизмы начала XVII в. *дерзнутие* и *отдохнутие* не стали примером для подражания.

Ключевые слова: глагол, суффикс *-ну-*, церковнославянизм, литературнографизм, церковнорусизм, отношение дополнительного распределения, поэтическая речь, деловая речь.

POETISMS IN -NOVENIE AND PROSAISMS IN -NUTIE

Demidov D. G.

State Zhengzhi University
Taipei, China

Abstract. The problem of the distribution of two possible models for the formation of action names from verbs into *-nut'* is posed. The new Church Slavonic model arose in the Proto-Slavic era and is well mastered by

secular poetry, but there are no new formations after 1981. The inspiration model is developing in the business sphere and at the beginning of the 21st century. doubled the number of neoplasms. It is in aspectual opposition with the *-ywanie* model, therefore, both derived forms can be considered substantive forms of the verb. Until the beginning of the twentieth century. the stylistic scope of the distribution of derivatives of *-nutie* was wider: in addition to business speech, it included both journalism and memoirs. The writer Ivan Timofeev was the first to draw up the forms of *-nutie*, however, he started from the already existing forms of *-novenie*. His neologisms of the beginning of the 17th century. *boldness* and *relaxation* did not become an example to follow.

Key words: verb, suffix *-nu-*, Church Slavonicism, literary graphicism, Church Russianism, relation of additional distribution, poetic speech, business speech.

Правила образования глагольных имен, в целом, просты. Если основа инфинитива оканчивается на корневую гласную или на суффикс *-ну-*, добавляется формант *-тие* или *-тьё* (*житие, мытьё, опрокинутие*). Если основа инфинитива оканчивается на гласную других суффиксов, то добавляется формант *-ние* (*вязание, терпение*). Если основа инфинитива оканчивается на суффикс *-и-* или на согласную корня, то добавляется формант *-ение* (*хождение, несение*). Сложность в том, что этот же формант добавляется и к основам некоторых глаголов на *-нуть* с чередованием в суффиксе *у//ов*: *столк-ну-ть(ся) > столк-нов-ение*. Следовательно, субстантивные формы (девербативы) от глаголов на *-нуть* образуются двумя способами, в результате производятся либо формы на *-нутие*, либо формы на *-новение*.

Образования на *-нов-ение* А. Мейе привлекал для реконструкции суффикса *-ну-* инхоативных и однократных глаголов как **-пѣц-* [3], и это позволяет считать названную версию происхождения суффикса более предпочтительной, чем редупликацию **по-п-*. Скорее всего, модель на *-новение* действовала уже в то время, когда дифтонг не монофтонгизировался перед согласной *т*, а воспринимался как закрытый слог, в результате

чего перед гласной дифтонг распадался на *о* и *в*. Вторая модель сложилась уже после монофтонгизации дифтонга и на русской почве. В фонетическом отношении происходило то же, что и в образованиях от глаголов, в которых тот же дифтонг содержался непосредственно в корне: (Божественное) *откровение* — (человеческое) *открытие*.

Материала на **новение* в поэтическом подкорпусе НКРЯ [4] много — 1155 вхождений. По запросу **нутие* в поэтическом подкорпусе не найдено ничего. В основном, то есть прозаическом подкорпусе по запросу **нутие* оказалось 111 примеров, то есть образований типа *утонутие* в прозе в 10 раз меньше, чем образований типа *отдохновение* в поэзии. Однако в отношении исторической динамики и лексического разнообразия поэтизмы на *-новение* оказываются традиционно-поэтическими средствами, а прозаизмы на *-нутие*- бурно развивающимися неологизмами.

Историческая динамика новообразований такова (указана дата первого появления в светской поэзии по НКРЯ): в *мгновение* ока 1731 (Кантемир), *поползновение* 1743 (Кантемир), *отдохновений* час 1754 (Третьяковский), *преткновенение* 1754 (Третьяковский), *вдохновение* 1755 (Сумароков), *дерзновение* 1758 (Сумароков), *повиновение* 1761 (Сумароков), *мановение* 1777 (В. И. Майков), *дуновение* 1781 (В. П. Петров), *прикосновение* 1782 (Богданович), *воскликновение* 1800 (Н. А. Львов), *обыкновенение* 1812 (Анастасевич), *дхновение* тлетворное 1817 (Ширинский-Шихматов), *обидные столкновения* 1841 (Огарев), *дохновение* творенья 1844 (Фет), *поминовение* 1846 (К. К. Павлова), *исчезновение* 1901 (Брюсов), *возникновение* 1901 (А. М. Жемчужников), *проникновение* 1908 (А. Белый), *полмгновения* 1918 (Гиппиус), *день усекновения* Главы 1921 (Верховский), *разминовение* минут 1923 (Цветаева), *посягновения* уюта 1937 (Е. С. Гессен), *оттолкновения* от нас обоих 1945 (Гиппиус), *соприкосновение* 1966 (Айги), *споткновения* в своей дороге 1981 (Самойлов). Как видим, до середины XIX века включение в русскую светскую поэзию форм на *-новение* происходило довольно интенсивно (с 1700

по 1850 г. 15 форм), но далее, в основном, повторяются уже освоенные поэтизмы (с 1851 по 2023 г. только 11 новых форм), и если считать такие образования субстантивными формами глаголов на *-нуть*, то приходится делать вывод об их лексикализации с середины XIX в.

Всего образований на *-новение* в поэтической речи, по НКРЯ, оказалось 26. Источником таких форм являются богослужебные тексты. Из них в поэтический язык перешли субстантивы *вдохновение, возникновение, восклицновение, дерзновение, дуновение, дохновение, исчезновение, мановение, мгновение, обыкновение, повинование, поминовение, поползновение, преткновение, прикосновение, усекновение*. Итого 16 форм, то есть две трети всех форм на *-новение* в стихотворной речи.

Не были заимствованы в светскую поэзию церковнославянские образования, отмеченные в церковнославянском подкорпусе НКРЯ, *бездерзновение, благодерзновение, благоповинование, вдухновение, воздохновение, воспомяновение, воспряновение, духновение, изриновение, навыкновение, надухновение, неповиновение, непоминовение, обинование* (Ко ефессеям посл. св. ап. Павла: *...и обинования лица нъсть у него* (у Господа), т. е. ничего Он не пропускает), *оглохновение, одохновение (огненное с небес), отриновение, плюновение, поткновение, прекосновение, содерзновение, содохновение=сдохновение*. Всего 22 формы. Иначе говоря, достоянием только церковных книг осталось чуть меньше форм, чем распространилось и в светскую поэзию.

Уже в светской поэзии по этой церковнославянской модели образованы формы *отдохновение* (Тредиаковский, 1750-1754), *оттолкновение* (Гиппиус, 1945), *полмгновения* (Гиппиус, 1918), *посягновение* (Гессен, 1937), *разминовение* (Цветаяева, 1923), *споткновение* (Самойлов, 1981). Эти 6 поэтизмов, образованных самими поэтами, по определению В. В. Виноградова, являются литературнографизмами.

Словоформы *проникновение* (А. Белый, 1908, в прозе с 1804), *соприкосновение* (Айги, 1966, в прозе с 1795), *столкновение* (Ога-

рев, 1840-1841, в прозе с 1798) раньше появились в прозаических текстах и там шире употребляются. По определению В. В. Виноградова, это церковнорусизмы¹. Вместе с литературнографизмами в поэтической речи насчитывается 9 новых форм, то есть в 2 раза меньше, чем заимствованных из церковных книг.

Как видим, наши поэты с трудом образуют новые слова на *-новение*, но охотно повторяют уже известные. Образуется устойчивый круг поэтизмов типа *дерзновение*. Он расширяется с трудом. На фоне общего невнимания поэтов к словотворчеству по образцу *вдохновение, отдохновение* в XX веке можно выделить редкие удачные находки:

О как я рвусь тот мир оставить,

Где маятники душу рвут,

Где вечностью моею правит

Разминовение минут. [М. И. Цветаева. Минута : «Минута: ми-
нущая: минешь!..» (12.08.1923)]

Еще безмолвная минута —

И больше вынести нельзя

Посягновения уюта

На совершенства бытия. [Е. С. Гессен. «Открыть окно, и за-
хлебнуться...» (1937)]

Оттолкновений

От нас обоих он и не скрывал:

С трудом он нашим воздухом дышал,

В грош никогда не ставил наших мнений. [З. Н. Гиппиус.
«Вскипают волны тошноты нездешней...» [Последний круг
(и новый Дант в аду), 1] (1945)]

Мы все на этом, стоим на этом

И существуем лишь по приметам

Своих волнений, своей тревоги

¹ О церковнорусизмах и литературнографизмах см. [1]

И *споткнувший* в своей дороге. [Д. Самойлов. «Перестрадаю, переболею...» (1981)]

Мы хорошо знаем о поэтической вольности, связанной с образованием форм церковнославянского происхождения, но с закономерной редукцией суффиксального гласного типа *волнение, забвение*. На обсуждаемую модель на *-новение* эта поэтическая вольность, как правило, не распространяется. Поэты хотят полностью сохранить в ней фонетический признак славянизма.

Из 111-ти примеров в НКРЯ по запросу **нутие* представлено 38 разных образований. Приведем даты первых употреблений и некоторые более поздние сочетания: *дерзнутье* 1610–1617 (Иван Тимофеев), *отдохнутье* 1610–1617 (Иван Тимофеев), *секнутье* (XVII в.), *растянутье костей* 1720, *натянутье лука* 1770, *телефонной проволоки* 1885, *вспыхнутье пороха, обстоятельство* 1780–1814, *воздвигнутье государю памятника* 1780–1814, *памятника* 1871, *повихнутья членов* 1783, *гнутье дуба* 1786, *резиновые трубки ломаются при гнутии* 1925, *гнутье и резание железо-бетонной арматуры* 1926, *вывихнутье сустава* 1788, *вынутье блока корабля* 1806, *косточки* 1852, *жребиев* 1862–1889, *просфоры* 1897, *меда* 1898, *содвинутье берегов* 1809, *примкнутье к хвосту армии* 1830–1835, *сомкнутье* (с военной колонной) 1830–1835, *исчезнутье князя Гамета* 1841 (Дурова), *погнутье около краев луны* 1850, *креста* 1894, *утонутье крестьянина* 1854, 1902–1903 (Серафимович), *коменднта* 1967–1968 (Стругацкие), *согнутье пальцев* 1863, *в бараний рог* 1869–1886, *позвоночника* 1997, *подкинутье* (дитяти) 1874, *младенца* 1889, *ребенка* 1899, *свергнутье в меланхолию* 1875–1879, *свергнутье гегемонии* 1877, *Гирса* 1887, *стиснутье челюстей* 1877 (Тургенев «Новь»), *выкинутье из окна падчерицы* 1881, *портретов из гостиной в подвал* 1904, *окунутье в поэзию* 1881, *почерпнутье потребных вдохновению материй* 1886, *вспрыснутье* 1886, *отодвинутье нашей границы ... назад* 1887, *повергнутье себя непосильной тягости* 1888, *их ответственности* 1889, *покинутье препреченного имущества* 1903, *мундирной одежды*

1971, упомянутое в конце статейки 1903, сомкнутое желательного тока вечных сил 1918, замкнутое кольца вечности 1920, национального сердца 1989, несколько изогнутый 1923, изогнутое словес 1924, воткнутое ножа в бок ограбленного 1932, голов преступников 2012, поскользнутое на льду 1966-1968, колебнутое мелкой буржуазии 1989, ткнутое, факт ткнутия 1991, Нагнутое, растянутое во времени, лучше или хуже? 2013. Другие источники позволяют расширить наши представления о действии модели на -нутие до XVIII века, например, обернутое XVII в. [5: 34]

И в наше время эта модель оказывается очень продуктивной. Поисковая система «Яндекс» (далее Я.) показывает контексты со следующими словами: *вскинутое, вспомянутое, вывернутое, выкинутое, выплунутое, высунутое, заглянутое, запрокинутое, засунутое, захлебнутое, захлопнутое, зачерпнутое, обвернутое, обманутое, опрокинутое, отвернутое, откинутое, переглянутое, перекинутое, подвернутое, подскльзнутое, просунутое, развернутое, самообманутое, скинутое, утонутые*. Итого вместе с новейшими образованиями, по меньшей мере, 65 разных форм на -нутие.

Словарь Даля [2] содержит гораздо больше образований на -нутие, например, *закинутое, перевернутое, соскльзнутое*. Скорее всего, это лишь потенциальные формы, пока нигде не реализованные. Характерно желание В. И. Даля распространять образование форм по этой модели в русском языке.

И все-таки лишь редкие беллетристы (Иван Тимофеев, Тургенев, Серафимович) отваживаются распространять действие этой модели на художественную литературу. Основной ее сферой была и остается деловая речь — юридическая, медицинская, военная, производственная, техническая. Проникновение ее в другие сферы, например, публицистическую, авторами выделяется как нечто необычное, ср.:

Помню это характерное слово «колебнутие», так метко определившее историческую значимость левозэровского высту-

пления. [Лев Овруцкий. Лениниана: «неизвестные» страницы // Библиотека «Огонек», 1989]

Правда, еще в XIX – начале XX в. такие формы были вполне обычны и в публицистике, эссеистике, дневниках, описаниях путешествий и под. Ср.:

С *вынутием* этого камня — а он должен быть вынут — рушится все здание этого мирозерцания. [П. Б. Струве. Интеллигенция и революция (1909)]

Если новые образования на *-новение* с сер. XIX в. появляются в поэзии довольно редко, то в различных специальных областях нехудожественной прозы их потенциальный конкурент, образования на *-нутие*, активно развиваются и хорошо сохраняют семантику производящего глагола. Их вполне можно рассматривать как грамматикализованную субстантивную форму глагола вроде латинского герундия.

Самые первые образования Ивана Тимофеева *дерзнутие* и *отдохнутие* представляют собой новые дублеты старых церковнославянских имен *дерзновение* и *отдохновение*. Однако русский литературный язык не пошел по пути свободного чередования обеих моделей от одних и тех же основ, как это было у Ивана Тимофеева, замечательного русского писателя начала XVII в., недооцененного до сих пор. Глагольные основы, за очень редким исключением, находятся в отношении дополнительного распределения по этим двум моделям. После Ивана Тимофеева нам удалось найти лишь 1 пример такого исключения, появившийся в письменной речи «кавалерист-девицы», *исчезнутие*. Произошло это явно на фоне хорошо известного поэтизма *исчезновение*. Модель на *-нутие* можно назвать сухой, деловой, «мужской» и оценить как «некрасивую», зато очень краткую, понятную и очень практичную в составлении всяких отчетов, протоколов, инструкций, а модель на *-новение* — романтической, возвышенной, «женской» (ср. такие формы у К. Павловой, З. Гиппиус и М. Цветаевой) и оценить как «красивую» и поэтичную.

Грамматикализацию модели на *-тие* хорошо показать на примере расширяющегося круга видовых пар: *обманывание* 1766 – *обманутие* [2], 2009 (Я.), *выплевывание* 1771 – *выплюнутие* (Я.), *переглядывание* 1779 – *переглянутие* 2019 (Я.), *развертывание* 1783 – *развернутие* (Я.), *обернутие* (XVII в.) – *обертывание* 1789, *обвернутие* 1792 – *обвертывание* 1944, *выкидывание* 1795 – *выкинутие* 1881, *опрокидывание* 1812 – *опрокинутие* 1818, *подкидывание* 1843 – *подкинутие* 1847, *заглядывание* 1847 – *заглянутие* (Я.), *всунутие* 1852 – *всовывание* 1862, *самообманывание* 1862 – *самообманутие* (Я.), *свертывание* 1863 – *свернутие* 1910, *высунутие* [2], (Я.) – *высовывание* 1865, *перевернутие* [2] – *перевертывание* 1866, *соскользнутие* [2] – *соскальзывание* 1871-1908, *откинутие* [2], (Я.) – *откидывание* 1873, *вывернутие* [2], (Я.) – *вывертывание* 1880, *просунутие* [2] – *просовывание* 1885, *скинутие* [2] – *скидывание* 1938, *засунутие* [2], (Я.) – *засовывание* 1962, *запрокинутие* [2], (Я.) – *запрокидывание* 2000, *вскидывание* 1867 – *вскинутие* (Я.), *повертывание* 1869-1872 – *повернутие* (Я.), *подвертывание* 1924-1932 – *подвернутие* (Я.), *подскальзывание* 1943 – *подскользнутие* 1966, *зачерпывание* 1998 – *зачерпнутие* (Я.). Обычно производная именная форма раньше появляется от глагола несов. вида на *-ывать* и сохраняет значение многократности. Спустя какое-то время видовая пара в субстантивной форме «достраивается», и такая же форма образуется от глагола сов. вида, как правило, также не теряя значения однократности. Формообразовательные опыты В. И. Даля несколько опережают реальную речевую практику.

Формы на *-нутие* вполне обычны в деловой речи и не должны подвергаться осмеянию и каким-то нормативным запретам. Ср.:

Затѣмъ будетъ совершенно молебствіе, послѣ котораго патріархъ избирается изъ намѣченныхъ трехъ кандидатовъ посредствомъ *вынутія* жребія. [Священный Соборъ Православной Россійской Церкви. Дѣяніе тридцать второе. 30 октября 1917 года (30.10.1917)]

По нашим наблюдениям эти слои имеют здесь не одно, а несколько *изогнутий*, и все же чечевицы могут быть приурочены к одному горизонту мергелей. [М. Б. Едемский. Северо-Двинская Экспедиция Российской Академии Наук в 1923 г // «Природа», 1923]

И согнуты — мне врач сказал, что у меня намечается сколиоз, т. е. *согнутие* позвоночника. [Евгений Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997)]

По *вынутии* из шакши нужно кожи тщательно прополоскать в чистой воде и, подбрив лицо, скинуть в кисель. [Краткая энциклопедия скорняка. Глава 6 // Краткая энциклопедия скорняка, 1999]

Художественная речь использует деловую модель на *-нутие* в изобразительных целях, напр.:

На следующем листе был приказ об отдаче под суд сотрудника группы Научной охраны Х. Тойти в соответствии с Директивой «О привнесении порядка» «за злостное потакание закону больших чисел, выразившееся в *поскользнутии* на льду с сопутствующим повреждением голеностопного сустава, каковая преступная прикосновенность к случайности (пробабилитность) имела место 11 марта с.г.». [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Улитка на склоне (1966-1968)]

Кроме того, напомнил я, в случае *утонутия* коменданта задача все равно останется невыполненной, и логика событий подсказывает нам, что тогда плыть придется либо Фарфуркису, либо Хлебовводову. [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Сказка о Тройке (1967-1968)]

Итак, отглагольные образования на *-новение* и *-нутие* производятся от основ с суффиксом *-ну-*. Оба образования от одной и той же основы практически невозможны, основы находятся в отношении дополнительного распределения. По числу производящих глаголов, образований первого типа в 3 раза меньше, чем образований второго типа. Новообразования первого типа замедляются с середины XIX в. Это типичные славянизмы, усво-

енные нашей поэзией, по их модели образуются и новые поэтизмы-литературнографизмы. Их тесная связь с глаголом утрачивается, и они переживают лексикализацию. Напротив, образования второго типа продолжают активно образоваться, но на противоположном стилистическом полюсе русского литературного языка — в деловой речи юристов, врачей, военных, производственников. Они входят в видовую пару с образованиями на *-ывание*, сохраняют видовое значение глагола и, таким образом, переживают грамматикализацию.

Парадоксальным образом представители самых консервативных и лучше всего кодифицированных сфер деловой речи гораздо свободнее, по примеру Ивана Тимофеева, включаются в работу духа языка (по Гумбольдту), нежели поэты, обгоняющие друг друга в свежих авторских неологизмах. Словари должны включать гораздо больше форм на *-нутие*, по примеру В. И. Даля, а поэты — иметь дерзновение к сочинению новообразований на *-новение*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В. В. К истории лексики русского литературного языка / В. В. Виноградов // Виноградов В. В. Избр. труды. Лексикология и лексикография. — Москва, 1977. — С. 12–34.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 ч. / В. И. Даль. — Москва : Общество любителей российской словесности, учрежденное при Императорском московском университете, 1863–1866.
3. Мейе, А. Общеславянский язык / А. Мейе ; пер. и примеч. П. С. Кузнецова ; под ред. С. Б. Бернштейна. — Москва : Изд-во иностр. лит-ры, 1951. 492 с.
4. Национальный корпус русского языка. — URL : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.07.2023).
5. Словарь русского языка XI–XVII вв. — Вып. 12. (О — Опарный). — Москва : «Наука», 1987.

ИМПЕРАТИВНЫЕ И ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ИЛЛОКУТИВНЫЕ ПРИЧИННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Заика Н. М.

Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В работе рассматриваются причинные конструкции в несобственно-причинном (иллокутивном) употреблении в восьми славянских языках: русском, украинском, белорусском, польском, словацком, болгарском, македонском и сербском. Среди таких употреблений выделяются, в частности, подтипы с невербализованной вопросительной и императивной модальностью (ср. примеры *What are you doing tonight, because there's a good movie on* и *Говори быстрее, потому что я уезжаю* из работ Э. Свитсер и О. Е. Пекелис), которые часто рассматриваются недифференцированно и описываются в терминах «speech act level». Мы демонстрируем, что, хотя между употреблением причинных показателей в этих подтипах есть корреляция, имеется и значительное количество союзов, способных употребляться в императивных иллокутивных причинных конструкциях, но не способных употребляться в вопросительных иллокутивных причинных конструкциях (обратные случаи на исследуемом материале не зафиксированы). Как показывает исследование, для славянских языков вообще нехарактерно употребление причинных показателей в вопросительных иллокутивных конструкциях, в отличие от ряда других групп индоевропейской семьи, в частности, германских и романских.

Ключевые слова: русский язык, славянские языки, синтаксис, полипредикация, семантика, причина, типология.

IMPERATIVE AND INTERROGATIVE CAUSAL CONSTRUCTIONS AT THE SPEECH ACT LEVEL IN THE SLAVIC LANGUAGES

Zaika N. M.

Institute for Linguistic Studies
Saint Petersburg, Russia

Abstract. The paper considers causal constructions at the speech act level in eight Slavic languages: Russian, Ukrainian, Belarusian, Polish, Slovak, Bulgarian, Macedonian, and Serbian. It discusses different subtypes of these constructions, paying special attention to causal clauses with imperative and interrogative main clauses (cf. examples from papers by J. Colson and E. Sweetser *Lis le mode d'emploi, parce que c'est la seule façon de ne pas faire de bêtises* 'Read the manual, because it's the only way not to do anything stupid' and *What are you doing tonight, because there's a good movie on*). The paper demonstrates the correlations between the use of causal marker in these two subtypes, still there are quite a number of markers which can be used only in the former subtype. It seems that causal constructions with interrogative main clauses are not typical of Slavic languages, unlike a number of other groups of the Indo-European family, in particular, Germanic and Romance.

Key words: Russian language, Slavic languages, syntax, polyprediction, semantics, cause, typology.

1. Введение

В последние десятилетия внимание исследователей привлекают причинные клаузы в несобственно-причинном значении, в частности, инферентивном и иллокутивном употреблении, ср. высокоцитируемую работу [9], а также более поздние [4; 5] и. а. В первой из упомянутых работ автор приводит следующие примеры:

(1a) *John came back **because** he loved her¹.*

¹ Во всех примерах мы выделяем полужирным шрифтом причинные показатели.

(1б) *John loved her, **because** he came back.*

(1в) *What are you doing tonight, **because** there's a good movie on.*
[9: 77]

Пример (1а) демонстрирует причинные отношения в реальном мире (любовь Джона является причиной его возвращения), тогда как в (1б) речь идет об эпистемических (инферентивных) причинных отношениях (знание говорящего о том, что Джон вернулся, позволяет ему сделать вывод о его любви), а (1в) иллюстрирует иллокутивное употребление причинных конструкций (клауза, вводимая союзом *because*, является причиной речевого акта, выраженного в главной клаузе) [9: 77]¹. Известно, что между употреблением причинных показателей в тех или иных функциях существует определенная корреляция. Так, причинные показатели, способные употребляться инферентивно, часто могут употребляться и иллокутивно [2].

Предметом нашей работы будет иллокутивное употребление причинных клауз в славянских языках. Рассматриваемые иллокутивные употребления делятся на несколько подтипов [1: 19], среди которых можно выделить конструкции с невербализованной вопросительной (1в), императивной (2) или утвердительной (3) модальностью:

(2) *Говори быстрее, потому что я уезжаю.* [4: 55]

(3) *"Since you mention it," Andrew said, "that's a reason why some doctors won't see drug detail men".*

Во многих лингвистических работах рассматриваются лишь два из приведенных подтипов, а в некоторых и вообще один. Так, в [4–6] анализируются императивные и вопросительные иллокутивные причинные клаузы, а в [9], рассматривается лишь предложения с вопросительной иллокутивной модальностью (1в).

¹ Сами термины «эпистемический», «инферентивный» и «иллокутивный» в этой работе не употребляются.

При этом часто исследователи не разграничивают вышеупомянутые подтипы¹, описывая их в терминах «speech act level» хотя причинный показатель, употребляющийся в конструкции с невербализованной императивной модальностью, вообще говоря, может не употребляться в конструкциях с невербализованной вопросительной модальностью. Русский союз с такими свойствами *потому что* описан, например, в работе [8]²:

(4) ^{OK} *Берите меню и заказывайте, **потому что** я умираю с голоду.* [3], цит. по [8: 1431]

(5) * *Иван ушел, **потому что** ты все знаешь?* [8: 1431]

Еще одной методологической проблемой при изучении собственно-причинных значений показателей является то, что некоторые из них способны выступать в одних вопросительных иллокутивных контекстах, но не способны в других, ср. возможное употребление союза *поскольку* в (6) и невозможное в (7):

(6) *Но поскольку зашла речь, знаешь ли ты, ведьма, почему у драмы мужская маска, а у комедии — женская?* [3], цит. по [8: 1411]

(7): * *Сколько стоят огурцы, **поскольку** я хочу купить килограмм?*

Однако логическая независимость признаков (в данном случае способность употребления показателя в вопросительных и в императивных иллокутивных причинных конструкциях) не отменяет потенциальной возможности их корреляции, что косвенным образом демонстрирует уже упомянутое их объединение во многих работах. Например, употребление в обоих из анализируемых контекстов характерно для баскских показателей *bait-* и *eta*, болгарского *тъй като*, каталанского *perquè*, датского *for*, новогреческого *γιατί* и многих других [10]. Задачей нашей

¹ Ср. описание причинных показателей в терминах «la proposition de cause peut être interrogative ou imperative» («причинное предложение может вопросительным или императивным») [6: 59].

² Мы приводим пример без глоссирования.

работы будет анализ того, насколько тесна взаимозависимость этих признаков на материале славянских языков.

2. Материал исследования

Нами были рассмотрены полипредикативные причинные конструкции (и соответствующие причинные клаузы, вводимые союзами) в следующих восьми славянских языках: русском (союзы *потому что, оттого что, поскольку, из-за того что, ибо*), украинского (*бо, через те що, тому що, оскільки, від того що*), белорусского (*бо, таму што, ад таго што, з-за таго што*), польского (*bo, dlatego że, ponieważ*), словацкого (*lebo, pretože, keďže*), болгарского (*защото, понеже, тъй като*), македонского (*бидејќи, затоа што, зашто*), сербского (*јер, зато што, с обзиром (на то) да*). Всего в выборку вошло 29 союзов; для каждого языка мы выбрали от трех до пяти наиболее употребительных и полно описанных показателей. Все рассматриваемые союзы способны употребляться в конструкциях с собственно-причинном значением типа (1а).

В нашем исследовании использовались как корпусные данные (поиск по корпусам и с помощью поисковых систем), так и метод элицитации; кроме того, мы учитывали некоторые лингвистические работы, в которых описании отражены релевантные свойства показателей ([8] для русского, [7] для словацкого). Корпусные данные были релевантны для получения положительных данных (возможности употребления в исследуемой конструкции), элицитация — для получения отрицательных данных (невозможности такого употребления). Возможность употребления в рассматриваемых двух типах конструкций кодировалась в виде единиц и нулей (для возможности и невозможности соответственно). При этом параметру приписывается значение единицы, если удастся обнаружить хотя бы один контекст, в котором рассматриваемый показатель способен выступать в интересующем нас значении. Далее мы рассмотрели корреляцию исследуемыми параметрами и пространство типологических возможностей значений этих параметров.

3. Результаты исследования

Между возможностью причинных союзов в императивных и вопросительных конструкциях в нашей выборке обнаружилась средняя (но не высокая) положительная корреляция (0,52). Логически возможными являются четыре комбинации параметров варьирования, представленные в Таблице 1, из которых в нашей выборке реализуются только три.

Таблица 1

Соотношение между употреблением причинных союзов в императивных и вопросительных конструкциях в славянских языках

	возможно употребление в императивных конструкциях	невозможно употребление в императивных конструкциях
возможно употребление в вопросительных конструкциях	12/29	0/29
невозможно употребление в вопросительных конструкциях	9/29	8/20

Судя по результатам исследований причинных конструкций, наиболее естественными представляются случаи, когда оба параметра способны принимать либо положительное, либо отрицательное значение одновременно. Так, словацкий причинный союз *lebo* может употребляться в обоих рассматриваемых типах конструкций, в русский союз *из-за* ни в одной из них:

(8) *Prestaň sa už chystať, lebo nestihneš vlak.* 'Перестань собираться, а то (букв. потому что) ты опоздаешь на поезд' [10]

(9) *Zostalo niečo z obeda? Lebo sa mi chce opäť jesť.* 'Что-нибудь осталось от обеда? А то (букв. потому что) я снова хочу есть. [10]

(10) *Ne napivaj sa, pretože <??из-за того что> в таком состоянии ты беззащитна.* [4: 120]

(11) *Сколько стоят огурцы, из-за того что я хочу купить килограмм?

Логически возможным представляются еще два варианта: когда показатель способен выступать только в императивных иллокутивных конструкциях или только в вопросительных иллокутивных конструкциях. Примером первого, кроме уже упомянутого в [8] *потому что* (а также украинского *тому що* и белорусского *таму што*), являются словацкие союзы *pretože* и *kedže* и сербские *jer* и *зато што*, ср. сербские примеры:

(12) *Престани да се спремаш jer ћеш закаснити на воз.* 'Перестань собираться, а то (букв. потому что) ты опоздаешь на поезд' [10]

(13) **Кад ће се завршити представа, jer она дуго траје?* 'Когда закончится спектакль, а то (букв. потому что) он долго идет?' [10]

Таким образом, союзы с такими свойствами имеются в восточнославянских, западнославянских и южнославянских языках.

Примеров показателей, способных употребляться в вопросительных, но не императивных иллокутивных конструкциях на материале нашей выборки найти не удалось, что может быть связано как с недостаточностью выборки, так и с тем, что союзы с собственно-причинным значением чаще выступают в конструкциях с императивной, чем с вопросительной модальностью. Данные полученного распределения по сути описывают языковую универсалию (на крайне ограниченной выборке), которая может быть сформулирована следующим образом: если причинный показатель может употребляться в вопросительных иллокутивных конструкциях, то он может употребляться и в императивных иллокутивных конструкциях.

4. Обсуждение результатов и перспективы исследования

Как было показано, между способностью употребления причинных показателей в императивных и вопросительных иллокутивных контекстах в славянских языках наблюдается средняя положительная корреляция. Разумеется, абсолютное значе-

ние этой корреляции нельзя считать статистически значимым, поскольку, во-первых, в выборку не попал ряд славянских языков, а во-вторых, в каждом из этих языков имеется множество не попавших в выборку причинных показателей (количество таких показателей в ряде языков Европы может достигать до нескольких десятков).

Кроме того, в выборку вошли прежде всего распространенные (и сильно грамматикализованные) показатели, при этом менее употребительные слабо грамматикализованные показатели, как правило не способны вводить ни императивных, ни вопросительных иллокутивных причинных клауз. Таким образом, есть основание предположить, что при добавлении таких показателей в выборку корреляция между исследуемыми параметрами бы даже увеличилась.

С другой стороны, в выборку входят полные или неполные когнаты, которые в отношении рассматриваемых параметров могут вести себя одинаково, что может быть обусловлено их общим происхождением. Так, украинский союз *бо*, белорусский *бо* и польский *bo* способны употребляться и в императивных, и в вопросительных иллокутивных причинных контекстах, русский *оттого что*, украинский *від того що* и белорусский *ад таго што* не могут употребляться ни в одном из этих контекстов, а русский *потому что*, украинский *тому що* и белорусский *таму што* употребляются лишь в первом из двух контекстов. При исключении из выборки когнативных из первого или второго ряда значение корреляции бы уменьшилось, а при исключении когнативных из третьего ряда — увеличилось. Однако само наличие положительной корреляции оправдывает объединение двух рассматриваемых подтипов в один тип в работах многих исследователей.

В дальнейшем соотношение возможности употребления причинных показателей в иллокутивных употреблениях разных подтипов можно проверить на материале других языков Европы. По предварительным данным, по крайней мере, в романских и германских языках вопросительное иллокутивное

употребление причинных показателей представляется более естественным, чем в славянских, ср. пример (1в) из английского, (14) из датского, (15) из испанского, (16) из итальянского, (17) из французского.

(14) *Hvor meget koster denne bog, **for** jeg vil gerne købe den?* Сколько стоит эта книга, а то (букв. потому что) я хочу ее купить? [10]

(15) *¿Cuánto cuestan los tomates?, **porque** quisiera comprar un kilo.* 'Сколько стоят эти помидоры, а то (букв. потому что) я бы хотел купить килограмм' [10]

(16) *...perché non ci vai tu, **già che** ci tieni tanto?* '...почему бы тебе не пойти туда, раз (букв. потому что) тебя это так волнует?' [<https://www.treccani.it/vocabolario/giacche/>]

(17) *Qu'est-ce qu'il vaut ce bouquin, **parce que** je voudrais l'acheter ?* 'Сколько стоит эта книжка, а то (букв. потому что) я ее хочу купить' [6: 57].

Таким образом, наличие причинных показателей, которые могут употребляться в императивных, но не вопросительных иллокутивных причинных конструкциях (и вообще нетипичность употребления причинных союзов во втором подтипе), скорее всего, является особенностью славянских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Заика, Н. М. Полипредикативные причинные конструкции в языках мира: пространство типологических возможностей / Н. М. Заика // Вопросы языкознания. — 2019. — № 4. — С. 7–32.

2. Заика, Н. М. Инферентивные и иллокутивные причинные конструкции в языках Евразии / Н. М. Заика // *Verus convictor, verus academicus*. К 70-летию Николая Николаевича Казанского / под ред. М. Л. Кисилиера [и др.]. — Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2022. — С. 294–302.

3. НКРЯ (Национальный корпус русского языка). — [Электронный ресурс.] — URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.07.2023).

4. Пекелис, О. Е. Причинные придаточные / О. Е. Пекелис // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Вып. II : Синтаксиче-

ские конструкции и грамматические категории / под ред. В. А. Плунгян [и др.]. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — С. 55–131.

5. Charnavel, I. Perspectives in causal clauses / I. Charnavel // *Natural language and linguistic theory*. — 2019. — № 37(2). — P. 389–424.

6. Colson Jacques. Bonnes raisons et causes douteuses : les propositions de cause en anglais et en français / Jacques Colson // *Palimpsestes*. — 1993. — № 7. — P. 55–71.

7. Kesselová, J. Korpusová sonda do operátorov príčinného vzťahu v slovenčine / J. Kesselová // *Сучасні тенденції славістики*. — Ужгород : Вид-во Олександрії Гаркуші, 2013. — P. 41–53.

8. Pekelis, O. On the oppositions that underlie the distinctions displayed by Russian causal clauses / O. Pekelis // *Linguistics*. — 2022. — № 60(5). — P. 1399–1449.

9. Sweetser, E. From etymology to pragmatics : The mind-body metaphor in semantic structure and semantic change / E. Sweetser. — Cambridge : Cambridge University Press, 1990. — P. xi+174.

10. Zaika, N. M. 2022: Clausal Causal Markers in the Languages of Europe : A Database. [Электронный ресурс.] — URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.7434757> (дата обращения: 15.07.2023).

НЕПРЕДИКАТИВНЫЕ МОДИФИКАЦИИ СКРЕПЫ «ТЕПЕРЬ О N₆»: ЕЕ ТИПЫ И ФУНКЦИИ

Ван Ц.

Харбинский университет
Харбин, Китай

Аннотация. Текстовая скрепа в качестве средства связи обеспечивает последовательность изложения в тексте. Актуальность исследования заключается в том, расширение состава текстовых скреп является активным процессом в русском языке, требующим специального внимания. Изучение отдельных непредикативных единиц текстовой связи являются одним из перспективных направлений выявления текстовой категории связности.

Основная цель нашего исследования — описать функции непредикативных модификаций скрепы «Теперь о N₆». В данной статье представлен анализ функций непредикативных скреп «Теперь насчет N₂», «Теперь по поводу N₂», «Теперь про N₄». В качестве материала исследования использовались тексты, полученные при помощи Национального корпуса русского языка. По результатам исследования сделаны следующие выводы: текстовые скрепы с непредикативной структурой так же, как и скрепа «Теперь о N₆», выполняют проспективную и проспективно-ретроспективную функцию. Проспективные отношения формируются с помощью семантики компонента «Теперь про», «Теперь по поводу» и «Теперь насчет», ретроспективные отношения осуществляются через свободно повторяющийся компонент скрепы, который заполняет позицию N₂ / N₄.

Ключевые слова: синтаксис, текстовая скрепа, связность, непредикативные модификации, текстовые функции, проспекция, ретроспекция.

Abstract. Textual staple as a means of communication ensures the consistency of the presentation in the text. The relevance of the study lies in the fact that the expansion of the composition of textual staples is an active process in the Russian language, which requires special attention. The study

of individual non-predicate units of textual communication is one of the promising directions of revealing the textual category of cohesion.

The main purpose of our study is to describe the functions of the non-predicate modifications of the “Now about N_6 ” staple. This article presents an analysis of the functions of the non-predicate clauses “Now about N_2 ”, “Now about N_2 ”, “Now about N_4 ”. The texts obtained with the help of the National Corpus of the Russian language were used as the research material. According to the results of the study the following conclusions were made: textual staples with non-predicative structure as well as the staple “Now about N_6 ” perform a prospective and prospective-retrospective function. Prospective relations are formed through the semantics of the component “Now about”, retrospective relations are carried out through the freely repeated component of the scrapbook, which fills the position N_2 / N_4 .

Key words: syntax, text clip, connectivity, non-predicate modifications, text function, prospection, retrospection.

Термин «текстовая скрепа» сформировался в русистике как специальное средство для обозначения связи в тексте [5; 6; 7; 9; 11]. Этот термин А. Ф. Прияткина предложила применять к служебным единицам, которые «не совпадают ни с союзами, ни с модальными словами, ни с дискурсивными словами» [8: 335], поскольку, по ее мнению, что в русском языке формируется новый класс «выразителей разного рода отношений и связей между компонентами текста, стандартизованных показателей этих отношений» [5: 24]. О понятии «текстовая скрепа» ставит вопрос О. Ю. Инькова [3]. О. Ю. Инькова пользуется термином «коннектор» для обозначения тех средств, по отношению к которым А. Ф. Прияткина предложила термин «текстовая скрепа». Она полагает, что необходимо различать типы связности частей текста, и в соответствии с этими типами предлагает различать логико-семантические коннекторы и текстовые коннекторы, которые маркируют тематическую организацию текста [3: 19].

Текстовые скрепы являются особым классом единиц, для которых юнкционная функция первична. Понимают под текстовой скрепой «слово или фразеологизм, находящийся, как прави-

ло, в начале высказывания, создающий связь высказываний и обозначающий определенный тип отношения» [9: 135]. Текстовая скрепа в качестве средства связи обеспечивает последовательность изложения в тексте, связность и цельность — это две основополагающие признаки текста.

Понятия «ретроспекция» и «проспекция» непосредственно взаимодействуют с понятием «связность». Н.П. Харченко определяет их как субкатегории, в которых осуществляется категория последовательности, «обеспечивающая семантическую и синтаксическую связность единиц текста» [10: 179]. По мнению Н. П. Перфильевой, «ретроспекция — это конструктивно-деструктивные отношения сегментов текста, которые обеспечивают динамику развертывания содержания текста посредством отсылки назад, к предшествующему контексту, к введенной ранее информации, являющейся актуальной для развертывания авторской мысли и дистантно расположенной по отношению к месту отсылки» [4: 171]. Соответственно, проспекция «отражает коммуникативную стратегию. Говорящего в плане перспективы развертывания высказывания» [4: 174]. Кроме того, Н. П. Перфильева вводит понятие «ретроспективно-проспективные отношения» [4: 176].

Объект нашего исследования в данной статье — непредикативные модификации скрепы «Теперь о N_6 ». Основная цель исследования — описать функции непредикативных модификаций скрепы «Теперь о N_6 ». Источник материала – тексты, собранные с помощью Национального корпуса русского языка, поисковой системы Яндекс.

Поскольку в настоящей работе мы будем рассматривать типы и функции непредикативных модификаций текстовой скрепы «Теперь о N_6 », обратимся сначала к вопросу о скрепе «Теперь о N_6 ».

Главный компонент в текстовой скрепе «Теперь о N_6 » — это слово «теперь». С точки зрения частеречной принадлежности, это слово является наречием временной семантики, то есть зна-

чит «в настоящее время», «сейчас». Именно такая семантика позволила этой текстовой скрепе стать показателем последовательности при изложении мысли. Предлог в составе скрепы формирует семантику изъяснения.

В настоящем исследовании мы будем опираться на работу Ван Цяоши [1], рассматривая скрепу «Теперь о N_6 » как основной вариант. Был установлен ряд единиц, которые аналогичны по семантике текстовой скрепе «Теперь о N_6 ». Среди них выделяются две группы – непредикативные и предикативные модификации. К первой группе относятся скрепы «Теперь насчет N_2 », «Теперь по поводу N_2 », «Теперь про N_4 ». Вторая группа: «Теперь поговорим о N_6 »/«Поговорим теперь о N_6 »; «Теперь обратимся к N_3 »/«Обратимся теперь к N_3 »; «Теперь перейдем к N_3 »/«Перейдем теперь к N_3 »; «Теперь посмотрим на N_4 »/«Посмотрим теперь на N_4 »; «Теперь рассмотрим N_4 »/«рассмотрим теперь N_4 » [1: 60].

Мы рассматриваем первые три скрепы, названные выше, как непредикативные структуры, потому что в них уже не входит глагольный компонент. Признаком модификации является тот факт, что вместо предлога «о» в них входят другие предлоги, которые являются синонимами при выражении объектных отношений.

Мы можем предположить, что непредикативные модификации скрепы, так же, как и скрепа «Теперь о N_6 », выполняют проспективную и проспективно-ретроспективную функцию.

В первую очередь, рассмотрим проспективную функцию на нескольких примерах.

Пример (1). Тема публикации: «Борозды не испортит». Текст состоит из 9 абзацев. В несколько абзацах рассказывают некоторые стороны машины, которые очень автору понравились: *«Интерьер спокойный, но назвать его скучным решатся немногие. <...>. Вообще, очень мне понравилась эта система. <...>. Есть еще один пленивший меня момент. <...>. Короче, с точки зрения комфорта минусов немного. <...>»*. Следующий абзац начинается непредикативной скрепой: **«Теперь про собственно ходовые ка-**

чества. <...>». (Дмитрий Великовский. Борозды не испортит // «Русский репортер», 2014) [2]. В данном примере непредикативная скрепа «Теперь про N₄» вводит новую микротему: «ходовое качество». Этот тема не обозначается в предшествующем контексте, она выполняет только проспективную функцию.

Пример (2). В данном примере в ответе координатора «Движения «Сорок Сороков»» (ДСС) Андрея Кормухина используются скрепы «Во-первых», «Затем», «Теперь по поводу» для объяснения деятельности и источники финансирования Движения «Сорок Сороков»: *«Во-первых, наше Движение никогда не использовало в своей аббревиатуре две буквы «СС», если мы и сокращали наше название, то это всегда была аббревиатура «ДСС». <...>»* «Затем, депутат Рашкин, ссылаясь на какие-то фото и видеоматериалы, <...>». Следующий абзац: **«Теперь по поводу погромов.** <...>» («Сорок сороков» прокомментировали инициативу депутата Валерия Рашкина // Парламентская газета, 2015.08) [2]. Микротема «погром» никак не обозначена в предшествующем контексте, в этом абзаце непредикативная скрепа «Теперь по поводу N₂» выполняет проспективную функцию.

Пример (3). Макротема статьи: «нужно убрать из школьной программы глубокие философские произведения». Со самого начала текста автор выражает наименее важную точку об удалении сложных произведений. Затем следует новый абзац, начинающийся непредикативной скрепой «Теперь насчет N₂»: **«Теперь насчет философичности.** <...>». (Писатели и дети // Ведомости, 2016.10) [2]. Здесь скрепа вводит новую микротему «философичность», развитие которой занимает только одно предложение. Скрепа выполняет проспективную функцию в этом примере.

Теперь обратимся к проспективно-ретроспективной функции. Валентность предлога заполняется существительным, которое так или иначе возвращает к микротеме или одной из микротем в предшествующей части текста. В таких случаях скрепы всегда выполняют проспективно-ретроспективную функцию.

Пример (4). Макротема статьи «успехи и неудачи А. Курниковой». В первом абзаце говорится о текущем положении Анны Курниковой — русской теннисистки: *... теперь в мировом женском рейтинге Аня — впервые за последние шесть лет — за пределами сотни ведущих теннисисток.* Далее идут два абзаца, которые являются двумя новыми микротемами — «злорадство по поводу неудач теннисистки» и «прошлые достижения теннисистки». Абзац заканчивается предложениями: *Да, у нее нет турнирных побед в «одиночке», но в парном разряде Анна Курникова становилась лучшей на планете. К сожалению, факт этот как-то прошел незамеченным.* После этих двух абзацев вводится новый абзац с помощью скрепы: **Теперь насчет чемпионских титулов в индивидуальной игре.** (Ерастов Александр. Нельзя быть на корте красивой такой? // Труд-7, 2002.01.24) [2].

Из приведенного примера видно, что скрепа «Теперь насчет N₂» вводит новую микротему, которая обозначена в предшествующем абзаце. Скрепа выполняет проспективно-ретроспективную функцию.

Пример (5). Этот пример из части интервью между журналистом и первым вице-премьером правительства Москвы Людмилой Швецовой.

— *Два горячих вопроса: **безопасность праздника и его бюджет.***

— *Мы многое делаем для того, чтобы День города (впрочем, как и любой другой день) не был омрачен происшествиями. Но правда и то, что люди в большом городе всегда заложники многомиллионного общежития, неразумный поступок одного человека может осложнить жизнь тысяч других.*

Теперь про бюджет. *Во-первых, День города поддержали многие спонсоры. Во-вторых, сэкономленные бюджетные деньги в связи с сокращением программы пойдут на социальные нужды москвичей и на встречу третьего тысячелетия, до которого мы, надеюсь, доживем.* (Юферова Ядвига участник парламентских слушаний. Людмила Швецова, первый вице-премьер правительства Москвы: «День рождения не отменяется» // Труд-7, 2000.09.02) [2].

В этом примере ретроспективные отношения осуществляются в структуре вопросно-ответного единства. В вопросе появилось слово «бюджет», в ответе при помощи скрепы «Теперь про N_4 » происходит переход к новой микротеме. Скрепа имеет прямую связь с вопросом. Функция скрепы – проспективно-ретроспективная.

На основе проведенного анализа текстов можно прийти к следующим выводам. Во-первых, наречие «теперь» в скрепе «Теперь о N_6 » уже развило новое значение. И это новое значение возникло в связи с особыми синтаксическими функциями скрепы «Теперь о N_6 ». Оно указывает на последовательность в развитии мысли говорящего, на последовательность рассуждения. Во-вторых, текстовые скрепы непредикативной структуры выполняют проспективную и проспективно-ретроспективную функцию. Проспективные отношения формируются с помощью семантики компонента «Теперь про», «Теперь по поводу» и «Теперь насчет», ретроспективные отношения осуществляются через свободно повторяющийся компонент скрепы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Цяоши. Функционирование текстовых скреп «Теперь о N_6 » и «И последнее» в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук / Цяоши Ван. — Владивосток, 2022. — 211 с.
2. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.05.2023)
3. Инькова, О. Ю. О понятии «текстовая скрепа» / О. Ю. Инькова // Русский синтаксис : от конструкций к функционированию : сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Федоровны Прияткиной. — Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2021. — С. 13–20.
4. Перфильева, Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий: монография / Н. П. Перфильева. — Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2006. — 284 с.
5. Прияткина, А. Ф. Скрепа-фраза (К изучению текстовых коннекторов) / А. Ф. Прияткина // Дни славянской письменности и культу-

ры : материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Ч. 2. — Владивосток : Изд-во ДВГТУ, 1998. — С. 24–27.

6. Прияткина, А. Ф. Скрепа-фраза (о новой модели организаторов текста) / А. Ф. Прияткина // Прияткина А. Ф. Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции) : избранные труды. — Владивосток : Изд-во ДВГТУ, 2007. — С. 326–334.

7. Прияткина, А. Ф. Текстовая скрепа : функция или класс языковых единиц? / А. Ф. Прияткина // Дни славянской письменности и культуры : материалы и тезисы докладов научно-практической конференции. — Владивосток, 1997. — С. 75–77.

8. Прияткина, А. Ф. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) / А. Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции) : избранные труды. — Владивосток : Изд-во ДВГТУ, 2007. — С. 334–344.

9. Прияткина, А. Ф. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» / А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 2. — С. 134–141.

10. Харченко, Н. П. Ретроспекция текста и лексико-грамматические средства обратнонаправленной межфразовой связи в языке науки (к проблеме категорий текста) / Н. П. Харченко // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе / под ред. Н. А. Лукьяновой. — Новосибирск : Издательство Новосибирского университета, 1991. — С. 179–185.

11. Черемисина, М. И. Очерки по теории сложного предложения / М. И. Черемисина, Т. А. Колосова. — Новосибирск : Наука, 1987. — 197 с.

ОБОСОБЛЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННОЙ КОНСТРУКЦИИ «ПОСЛЕ NG»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Попова Т. И.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей употребления конструкции «*после N_c*» в препозиции к сказуемому в составе высказывания. обстоятельный характер предложно-падежной формы позволяет интерпретировать явление как детерминацию или соотносительность с речевыми коннекторами. Однако корпусный подход и анализ специфики расшифровки звучащей речи позволяют по-новому взглянуть на проблему.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, аннотирование, синтаксис, обстоятельные детерминанты, речевые коннекторы.

THE ADVERBIAL CONSTRUCTION «POSLE N_c» AS UNATTACHED PHRASE: TO THE PROBLEM STATEMENT

Popova T. I.

HSE University
Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the features of the use of the construction “*posle N_c*” as part of the statement in the preposition to the predicate. As adverbial features allows us to interpret the phenomenon as a determination or as speech connectors. However, the corpus-based approach and analysis of the specifics of decoding the sounding speech allow us to see the problem in different at the problem.

Key words: corpus linguistics, annotation, syntax, circumstantial determinants, speech connectors.

Конструкции, в состав которых входят производные предлоги, часто вызывают трудности из-за сомнений в необходимости постановки запятой после предложно-падежной формы (*благодаря тебе, вопреки всему* и др.). Об этих случаях можно найти информацию в справочниках в разделе «Обстоятельственные члены предложения, имеющие в своем составе производные предлоги и предложные сочетания» [9]. Но в интернет-запросах периодически появляется следующий вопрос: «Запятая после слова «*после*» нужна или нет?».

В сочинениях выпускников 2023 года по тексту М. Казиника о посещении преподавателя со своими студентами концерта Рихтера не единожды встречались обособление конструкции «*после концерта*», которое по методическим рекомендациям и по нормам языка нужно относить к пунктуационным ошибкам.

Но есть несколько причин, которые могут объяснить трудности и сомнения, которые испытывают носители языка при использовании исследуемой конструкции «*после N_с*» — это ее обстоятельственная природа. Например, «*после N_с*» можно воспринимать как обстоятельственный детерминант.

Обстоятельственные детерминанты — это слова или словосочетания, которые указывают на причину, цель, время, место, способ, условие, меру и другие обстоятельства, связанные с действием или состоянием. Они могут быть выражены как в устной, так и в письменной речи, и используются для уточнения, расширения или пояснения информации, передаваемой в предложении. Обстоятельственные детерминанты могут использоваться в различных контекстах, таких как описания, объяснения, аргументации, повествования и т. д. Они помогают сделать текст более ясным, точным и понятным, а также подчеркивают важность определенных обстоятельств для выполнения действия или достижения цели.

В «Русской грамматике» подробно описано понятие детерминации, включая предложения с локальными (пространственными) синтаксемами [10]. Но есть исследования, которые свидетельствуют о том, что «некоторые примеры, приведенные в качестве обстоятельственных детерминантов, вызывают сомнения» [1: 106].

Например, некоторые исследователи предлагают признать только те случаи синтаксем локальными или темпоральными детерминантами, «которые настолько утратили связь с предикатом, что полностью вышли из его «валентной зоны» и как следствие обрели более высокий синтаксический статус в предложении, став его синкретичным предикативно-обстоятельственным распространителем, реализуя связь предложенческого уровня — связь, очень удачно названную свободным присоединением» [8: 73].

Обстоятельственный элемент со значением времени можно считать сирконстантом глагола-сказуемого: «локальные, и темпоральные обстоятельственные распространители могут быть как присловными, так и неприсловными членами предложения. В зависимости от этого они в первом случае входят в валентную зону глагола и реализуют его валентностный потенциал на основе сильной или слабой подчинительной связи, являясь типичными обстоятельствами места или времени. <...> Неприсловные распространители находятся за ее пределами, и в нашем понимании именно они являются сирконстантами места и времени — детерминантами в теории членов предложения» [1: 108]: *после армии сразу же устроился в магазин Семья\$ / просто вот работать там //* (ОРД).

Если понимать обстоятельство времени таким образом, то трудно обосновать обособление данной предложно-падежной конструкции.

Второй аспект, который мог бы объяснить трудности в пунктуационном оформлении конструкции «*после N_с*» на письме – активное развитие и расширение класса речевых коннекторов.

Речевые коннекторы — это слова или фразы, которые используются для соединения двух предложений или фраз в тексте. «Понимание термина «коннектор» в лингвистике, в отличие от литературы, музыки, риторики, предписывает вербальным знакам со связующей функцией набор четких критериев, согласно которым коннекторы отличаются от других слов одноименных частей речи и реализуют внутреннюю и внешнюю коннексию текста» [3: 28].

Коннекторы помогают сделать текст более связным и логичным, а также усилить его эмоциональную окраску. Существует множество речевых коннекторов, но наиболее распространенными являются следующие: *и, но, также, кроме*.

Речевые коннекторы можно определить как «функциональный класс слов, которые выражают дискурсивные, логикосемантические отношения между единицами, выделяемыми на разных уровнях членения дискурса, от элементарных дискурсивных единиц (клауз) до сложных (реплик, абзацев, пассажей, периодов)» [5: 51]¹. О терминологическом разнообразии в описании данного языкового явления на материале русского языка упоминается в работе Баженовой А. Г. «Пути развития речевых коннекторов: методика веерного шкалирования» [2].

Исследователи упоминают «принципиальную возможность наличия у языковой единицы связующей функции без обязательного перехода в морфологический класс союзов, что позволяет описать реальная многообразия средства связи современного русского языка» [6: 6].

Поскольку темпоральное значение конструкции «*после N_G*» позволяет соотносить и с обстоятельственным детерминантом

¹ Иное понимание единиц, которые сигнализируют о переходе от одной мысли к другой, можно прочесть в цикле работ научного коллектива Санкт-Петербургского государственного университета [14–16], а также познакомиться с примерами их использования с помощью «Мультимедийного словаря прагматических маркеров» (<https://www.ord-multimedia-dict.com/>)

и с речевыми коннекторами, то это может объяснить растущую тенденцию к с тому, чтобы обособлять конструкцию на письме. Но стоит обратить внимание на то, что тенденции устной речи могут значительно влиять на письменную, особенно в речи молодого поколения. Даже студенты-филологи могут не отметить «как отклонение от нормы» ошибочное построение и оформленные высказывания [7: 43].

Фиксировать особенности устной речи позволяют корпусы. Например, корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день», ставший источником материала для настоящего исследования, является уникальным во многих отношениях.

Корпусным материалом в данном случае служит речь информантов, записанная ими на диктофон в течение целого дня. Полученный звуковой материал становится объектом многоуровневого исследования, что позволяет получать качественно новые результаты. Максимальная близость к естественной повседневной речи определяет специфику содержания этого корпуса. ОРД — это около 1450 часов звукозаписей речи, 128 информантов, мужчин и женщин, в возрасте от 17 до 83 лет, и более 1000 их коммуникантов (см. об ОРД подробнее: [4; 11; 13]).

В качестве материала для настоящей работы был использован пользовательский подкорпус из текстовых расшифровок, общим объемом более 600 тыс. словоупотреблений. Всего в корпусе встретилось 200 контекстов с конструкцией «*после Ng*»¹. Объектом исследования стали 14 контекстов (5 % относитель-

¹ В подкорпус входили примеры, где второй компонент конструкции был выражен формой указательного местоимения этот (например, после этого). Однако примеры, в которых конструкция выделялась интонационно, а на письме действительно бы требовала обособления по правилам (обороты или уточняющие конструкции), в данном исследовании не учитывались. Ср.: и после этого / после того как ты зарегистрирован (ИЗ8, ОРД), мы с Ирккой Ершовой / *П после тяжёлого трудового дня / *П намаявшись с изобретателями / вы-

но всего подкорпуса), в которых конструкция находится в позиции относительно сказуемого в предложении.

Интонация позволяет воспринимать некоторые фрагменты высказывания как значимые конструкции, которые затем интуитивно соотносятся с составляющими в синтаксической структуре предложения [12: 62]. При расшифровке звуковых файлов ОРД и создании текстовых файлов использовали особую систему аннотирования, в которой одиночный знак «/» обозначал паузу, которая не соотносится с окончанием синтагмы (точкой), а скорее соотносится с местом для запятой (акустическая «запятая»)¹ или же говорящий делает значимую паузу между единицами речи, но явного хезитирования не происходит.

Если используемый расшифровщиками знак отчасти соотносится с запятой, то отдельного внимания заслуживают 4 контекста из пользовательского подкорпуса, в которых после анализируемой конструкции поставлен знак «/»:

(1) *и в период уже () после смерти Екатерины / были подделаны документы //* (И45)²;

(2) *у меня папа / после инсульта / говорит только одно слово / дэ-дэ //* *П ещё матом ругается // (И26);

(3) *будет какая-то там ночь / после жарких боёв / броненосец сгорит / и под воду уйдёт //* (И30);

(4) *после родов / все мышцы рас... расслабляются / там всё () всё растягивается //* (Ж1 (И63)).

Можно обратить внимание на то, что именной компонент исследуемой предложно-падежной конструкции в (2)-(4) контекстах имеет событийное, процессуальное значение (инсульт,

ходили в мороженицу / и бутылку на двоих спокойно / *П шампанского // (Ж1, ОРД)

¹ Напомним, что подробно все знаки дискурсивной транскрипции ОРД представлены в книге: [11: 242-243].

² В атрибуции к данному контексту указано, что это говорит информант45, если указано «Ж2 (И45)» (женщина), то это обозначение коммуниканта из записи «речевого дня» информанта И45.

бой, роды). В примере (1) именной компонент *смерть* тоже отчасти обозначает состояние. Может ли эта особенность повлиять на потенциальную возможность постановки знака акустической «запятой», а затем и запятой на письме в таких случаях?

Рассмотрим именной компонент (подчеркнут) в контекстах, где расшифровщики не использовали символ «/» после исследуемой конструкции:

(5) *после работы заберите* (Ж4 (И83));

(6) *и там значит после остановки вдруг останавливается огромный золотой пяти бас(?) //* (Ж1 (И95));

(7) *после армии сразу же устроился в магазин Семья\$ / просто вот работать там //* (И104);

(8) *только после арбуза бывает такое чувство / ох //* (И104);

(9) *ну если окажется мало им / () после отпуска допишу* (И43);

(10) *мы уже погуляли / после этого ходили в магазин / купили обои / пришли туда //* (Ж1(И04));

(11) *после заседания суда он говорит / так / ребята / едем со мной / говорит //* (И06);

(12) *мы идем гулять ! и после творога я буду пить водку !* (Ж1 (И27));

(13) *(а) и причём мы с ним / а потом он меня добавил и в Фэйсбуке после этой нашей встречи *С он мне там пописывает иногда //* (И95).

Стоит обратить внимание, что в (9) примере трудно однозначно определить принадлежность предложно-падежной конструкции к левой или правой части высказывания. Итак, событийную составляющую можно отметить в примерах (7) — *заседание* и, возможно, в примере (5) — *отпуск*. Однако в расшифровке отсутствует знак акустической «запятой».

Таким образом, предположение о том, что событийное (предикативное) значение именной части конструкции влияет на ее обособление в речи, трудно подтвердить на таком ограниченном количестве материала.

Но к перспективам исследования корпусного материала можно отнести фонетический анализ. Аудиофайлы «речевых» дней говорящих в ОРД позволяют прослушать выбранные для анализа фрагменты и оценить качественную и количественную разницу в паузах между единицами высказывания. Так, можно будет увидеть иные закономерности и объяснить разницу в аннотации расшифровок, что, в свою очередь, позволит оценить потенциал необходимости обособления анализируемой конструкции «*после N_c*».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексанова, С. А. Обстоятельство или обстоятельственный детерминант : к проблеме разграничения / С. А. Алексанова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2008. — № 1. — С. 104–108.
2. Баженова, А. Г. Пути развития речевых коннекторов: методика веерного шкалирования / А. Г. Баженова // Социо- и психолингвистические исследования. — 2022. — № 10. — С. 52–59.
3. Голубева, Н. А. К понятию коннектора в лингвистике / Н. А. Голубева, Е. В. Зуева // Язык и культура. — 2017. — № 40. — С. 20–32.
4. Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1 : Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 532 с.
5. Иванова, О. О. Отсубстантивные коннекторы в русском языке / О. О. Иванова // Русский синтаксис : от конструкций к функционированию: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международной участием, посвященной 95-летию д-ра филол. наук, проф. А. Ф. Прияткиной. — Владивосток : Издательство Дальневосточного федерального ун-та, 2021. — С. 51–56.
6. Инькова, О. Ю. Структура коннекторов и методы ее описания : монография / О. Ю. Инькова. — Москва : Торус Пресс, 2019. — 316 с.
7. Кувшинская, Ю. М. Парцелляция в сложноподчиненных предложениях со значением причины и уступки : тенденции развития и функции / Ю. М. Кувшинская // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов / отв. ред. Е. С. Шереметьева, Е. А. Стародумова, А. А. Анисова. — Владивосток : Издательство Дальневосточного федерального университета, 2022. — С. 43–49.

8. Малащенко, В. П. Свободное присоединение предложно-падежных форм имени существительного в современном русском языке / В. П. Малащенко. — Ростов : Издательство Ростовского университета, 1972. — 172 с.
9. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина [Электронный ресурс]. — URL: http://orthographia.ru/punctum_uk.php?rid=192 (дата обращения: 15.06.2023).
10. Русская грамматика : в 2 т. — Москва, 1980. — Т. 2.
11. Русский язык повседневного общения : особенности функционирования в разных социальных группах : коллективная монография / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. — Санкт-Петербург : ЛАЙКА, 2016. — 244 с.
12. Тестелец, Я. Г. Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. — Москва : Российский государственный университет, 2001. — 805 с.
13. Asinovsky, A. The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication «One Speaker's Day» : Creation Principles and Annotation / A. Asinovsky, N. Bogdanova, M. Rusakova (eds.) // Matoušek V., Mautner P. (eds.). — TSD. — 2009. — LNAI, vol. 5729. — Springer, Berlin-Heidelberg, 2009. — P. 250-257.
14. Bogdanova-Beglarian, N. Pragmatic Markers in Russian Spoken Speech : an Experience of Systematization and Annotation for the Improvement of NLP Tasks / N. Bogdanova-Beglarian, O. Blinova, T. Sherstinova [et al.] // Proceeding of the 23rd Conference of FRUCT Association (Bologna, Italy, 13-16 November 2018) / S. Balandin (eds.) [et al.]. — Finland : FRUCT Oy, 2018. — P. 69-77.
15. Bogdanova-Beglarian, N. Pragmatic Markers Distribution in Russian Everyday Speech : Frequency Lists and Other Statistics for Discourse Modeling / N. Bogdanova-Beglarian, T. Sherstinova, O. Martynenko, G. Blinova // SPECOM 2019. Lecture Notes in Artificial Intelligence, LNAI, vol. 11658. — Springer, Switzerland, 2019. — P. 433-443.
16. Bogdanova-Beglarian, N. Pragmatic Markers in Dialogue and Monologue : Difficulties of Identification and Typical Formation Models / N. Bogdanova-Beglarian, T. Sherstinova, O. Blinova (eds.) // SPECOM 2020. Lecture Notes in Artificial Intelligence. — LNAI, vol. 12335. — Springer, Switzerland, 2020. — P. 68-78.

**СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
В. П. КРАПИВИНА
(К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ)**

Родионова И. Г.

Пензенский государственный университет
Пенза, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологизмы в автобиографических произведениях современного детского писателя В. П. Крапивина с точки зрения их синтаксической функции в предложении. Обосновывается низкая частотность фразеологизмов в роли подлежащего, несогласованного определения и приложения. Делается вывод о том, что фразеологизмы, благодаря наличию оценочного компонента в структуре значения, наиболее активно используются в роли сказуемого как главного члена предложения, выражающего предикативный признак, и обстоятельства, которое часто входит в структурную схему предложения. Обращается внимание на то, что задания, направленные на выявление школьниками синтаксической роли фразеологизмов, будут способствовать обогащению их словарного запаса, развитию логического мышления и совершенствованию коммуникативной компетентности. Использование в качестве дидактического материала предложений, взятых из автобиографических произведений В. П. Крапивина, при должном комментарии педагога, может служить для обучающихся стимулом к ознакомлению с творчеством писателя.

Ключевые слова: фразеологизм, синтаксическая функция, сказуемое, обстоятельство, В. П. Крапивин, автобиографическая проза.

THE SYNTACTIC FUNCTION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE AUTOBIOGRAPHICAL WORKS OF V. P. KRAPIVIN (TO THE 85TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF THE WRITER)

Rodionova I. G.
Penza State University
Penza, Russia

Abstract. The article deals with phraseological units in the autobiographical works of the contemporary children's writer V. P. Krapivin in terms of their syntactic function in a sentence. The low frequency of phraseological units in the role of the subject, inconsistent definition and application is substantiated. It is concluded that phraseological units, due to the presence of an evaluative component in the meaning structure, are most actively used in the role of a predicate as the main member of a sentence expressing a predicative feature, and a circumstance that is often included in the structural scheme of the sentence. Attention is drawn to the fact that tasks aimed at identifying the syntactic role of phraseological units by schoolchildren will contribute to the enrichment of their vocabulary, the development of logical thinking and the improvement of communicative competence. The use of sentences taken from the autobiographical works of V.P. Krapivin, with proper commentary from the teacher, can serve as an incentive for students to get acquainted with the work of the writer.

Key words: phraseological unit, syntactic function, predicate, circumstance, V. P. Krapivin, autobiographical prose.

1. Введение. К постановке проблемы

Важнейшим видом языкового разбора в школе является синтаксический анализ простого предложения. Практика показывает, что зачастую квалификация тех или иных словоформ как членов предложения вызывает у обучающихся трудности. ««Как подчеркнуть?» — едва ли не единственный вопрос, волнующий умы школьников (да и студентов), занимающихся синтаксическим разбором простого предложения», — отмечает А. В. Пряников [10:

412]. Трудности могут быть обусловлены как экстралингвистическими, так и собственно лингвистическими факторами. К экстралингвистическим факторам относятся когнитивные личностные навыки обучающегося, прежде всего его способность к логическому обобщению и абстрагированию, а также уровень развития у него языкового чутья и языковой интуиции. По утверждению Е. Н. Лагузовой и Е. М. Мельниковой, синтаксис «как высший, самый сложный уровень языковой системы требует определённого развития абстрактного мышления, способности анализировать и обобщать информацию» [7: 283]. Собственно лингвистическим фактором, обуславливающим трудности синтаксического анализа предложения, является существование в языке фактов, не имеющих в научной литературе однозначной оценки, квалифицируемых учёными как переходные (В. В. Бабайцева), гибридные (В. В. Виноградов), неоднозначные, синкретичные.

В этом плане трудность представляет синтаксический разбор простого предложения, в составе которого имеется фразеологизм. Заметим, что если вопросам происхождения, семантики и употребления фразеологизмов в школьном курсе русского языка уделяется значительное внимание, то роль этих единиц в структуре предложения остаётся за пределами школьного изучения. «Неоднословному выражению членов предложения не уделяется должного внимания, что влечёт за собой множество ошибок при практическом разборе», — отмечают Е. И. Литневская и В. А. Багрянцева [9: 430]. Фразеологизмы активно используются в художественных и публицистических текстах и, будучи экспрессивно окрашенными аналитическими единицами, зачастую не только являются смысловым центром предложения, но и определяют его структуру. Поэтому выявление синтаксического статуса фразеологизмов является важной составляющей синтаксического разбора простого предложения. Кроме того, обращение обучающихся к данным аналитическим образованиям не только на лексическо-семантическом, но и на синтаксическом уровне будет способствовать расширению их лингвисти-

ческого кругозора, формированию лингвистического мышления и упрочению представления о русском языке как социокультурном феномене. Этим и обусловлена **актуальность** настоящей статьи.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей синтаксической функции фразеологизмов в простых предложениях, взятых из автобиографических произведений В. П. Крапивина.

В качестве **материала** исследования выступают фразеологизмы, включённые в автобиографические произведения современного детского писателя Владислава Петровича Крапивина, такие как «Славка с улицы Герцена», «Однажды играли...», «Под созвездием Ориона», «Пять скачков до горизонта», «Ржавчина от старых якорей», «Мраморный Кролик», «Непроливашка», «След ребячьих сандалий». Полагаем, что выделенные предложения вполне могут быть использованы в качестве дидактического материала в школьной практике преподавания синтаксиса, поскольку в них, с одной стороны, отражена взаимосвязь двух уровней современного русского языка — лексико-фразеологического и грамматического, с другой — показано мастерство писателя в использовании фразеологизмов, обладающих высоким экспрессивно-оценочным потенциалом. Кроме того, обращение к автобиографическим текстам В. П. Крапивина может служить для обучающихся стимулом к ознакомлению с его творчеством, пропагандирующим такие нравственные ценности, как дружба, честь, справедливость, взаимовыручка и др.

2. Особенности определения синтаксической функции фразеологизмов

«По функционированию в предложении слова и фразеологизмы в общем не различаются: те и другие выполняют одинаковую совокупность членов предложения. Различия носят частный характер и объясняются семантическими причинами», — считает А. М. Чепасова [14: 39]. При определении синтаксической функции фразеологизма в предложении необходимо учитывать, во-первых, его соответствие той или иной части речи,

во-вторых, его семантику, которая подкрепляется смысловым вопросом.

Говоря о соответствии фразеологизма той или иной части речи, лингвисты выделяют именные, глагольные, наречные единицы и фразеологизмы, соответствующие словам категории состояния: «фразеологизмы, как правило, соотносятся с какой-либо, частью речи (существительным, прилагательным, глаголом, наречием и т. д.)» [6: 40]. Однако такое соответствие весьма условно. Применённый В. П. Жуковым и А. В. Жуковым метод развёрнутых неизбыточных толкований, «с помощью которых определяется мера сближения фразеологизма с той или иной частью речи» [4: 263], позволил им сделать вывод о существовании явления категориальной полисемии. Так, рассматривая фразеологизм глагольного происхождения *зубы съел* (*в чём, на чём*), учёные отмечают: «Значение анализируемого фразеологизма может быть передано такими словами и словосочетаниями оценочного употребления, как: 1) 'хорошо разбирается'; 2) 'искусен, сведущ в чём-либо'; 3) 'мастер на что-либо'. Слова, приравняемые по смыслу к этому фразеологизму, восходят к трём частям речи – соответственно глаголу, прилагательному и существительному» [4: 264]. Следовательно, определить грамматический статус фразеологизма (как морфологический, так и синтаксический) возможно только в контексте, учитывая его развёрнутое неизбыточное толкование и смысловой вопрос.

3. Фразеологизмы в функции главных членов предложения

Анализ языкового материала показал, что фразеологизмы довольно редко выступают в роли подлежащего. В нашей картотеке имеется единичный пример такого употребления: *В этом равнодушии созрела **здравая мысль**: если не будет исчерканных тетрадок, не будет и никакой беды* («Мраморный Кролик»). Данный факт можно объяснить тем, что фразеологизмы, являясь в большинстве своём экспрессивно окрашенными, способны выражать оценку предмета, явления, действия. Основная же функция подлежащего — назвать предмет речи. Оценка подле-

жащего, называющего предмет речи, как правило, выражается сказуемым. Ср.: «Подлежащее обозначает предмет — носитель признака. Сказуемое выражает предикативный признак» [8: 39]. Поэтому вполне естественно, что фразеологизмы активно используются в роли сказуемого.

В автобиографических произведениях В. П. Крапивина фразеологизмы выполняют функцию **простого глагольного сказуемого в двусоставном предложении**. Как правило, в этой роли выступают глагольные фразеологизмы, выражающие действие, процесс или состояние в виде действия. «Стержневым, грамматически господствующим элементом таких устойчивых словосочетаний выступает глагол», — отмечает В. П. Жуков [5: 3]: *Пираты пришли в себя на белом песчаном пляже...* («Славка с улицы Герцена»); *Что ты мне голову морочишь! Дай тетрадь...* («Славка с улицы Герцена»); *А однажды, уже в пожилом возрасте мне в голову пришли сразу две догадки* («Однажды играли...»); *В другое время я, скорее всего, дал бы дёру* («Славка с улицы Герцена»); *Родители всегда еле сводили концы с концами* («Однажды играли...»); *Плохо другое. Я увидела, что он отбивается от рук* («Однажды играли...»); *Я, когда был у друзей в гостях, как говорится, положил глаз на эту находку* («Непроливашка»); *У Пашки и у других ребят из старших классов такие чернилки мне, конечно, попадались на глаза, но об их чудесных свойствах я до сей поры не догадывался* («Непроливашка»). По замечанию Е. И. Литневской и В. А. Багрянцевой, глагольный фразеологизм в большинстве случаев «синонимичен одной глагольной форме и может быть ею заменён» [9: 434]. Приём замены глагольных фразеологизмов полнозначными глаголами позволит учащимся обосновать синтаксическую функцию устойчивых единиц; ср.: *пришли в себя = успокоились; голову морочишь = дурачишь, пристаёшь; в голову приходит = возникает, представляется; дал бы дёру = убежал; еле сводили концы с концами = бедствовали; отбивается от рук = не подчиняется; положил глаз = заинтересовался; попадались на глаза = встречались.*

Особого внимания заслуживают случаи синтаксического разбора предложений, в которых при фразеологизмах имеются так называемые «слова-сопроводители» [3: 103], или слова «обязательного окружения» [13: 23]. В их роли часто выступают глаголы, которые «обнаруживают семантическую и грамматическую самостоятельность, т. е. номинативно значимы. По этой причине они употребляются в качестве отдельных членов предложения» [3: 103], а фразеологизмы в подобных случаях имеют не глагольное, а наречное значение и выполняют функцию обстоятельства: *Зинаиду мы боялись, она знала нас как свои пять пальцев* («Славка с улицы Герцена»).

Глагольные фразеологизмы активно используются в качестве основной (инфинитивной) части **составного глагольного сказуемого в двусоставном предложении**: *После уроков Зинаида напомнила Форику, чтобы он не вздумал смазать пятки, а то хуже будет* («Славка с улицы Герцена»); *Дело в том, что к старости многие начинают впадать в детство* («След ребячьих сандалий»), в том числе в его аналитических неспециализированных формах (по классификации П.А. Леканта, см. [8: 81]): *В таких случаях я готов на стенку лезть, хотя стараюсь сохранять спокойный вид* («Мраморный Кролик»).

Наличие у фразеологизмов оценочного компонента значения обуславливает их активное употребление в функции **именной части составного именного сказуемого в двусоставном предложении** при подлежащем-имени. А.В. Жуков полагает, что «дело не только в самой оценочности фразеологизма, но также и в специфических условиях его функционирования, в которых оценочное значение раскрывается наиболее полно и ярко. Важнейшим из этих условий является позиция сказуемого» [2: 52]. Наиболее часто фразеологизмы с оценочным значением используются при характеристике лица: *Перчатки получили неплохие, Валерий был мастер на все руки* («Славка с улицы Герцена»); *Да, незнакомый Тёма выглядел чересчур воспитанным маминим сыночком* («Однажды играли...») – в при-

ведённом предложении употреблён трансформированный фразеологизм *маменькин сынок*; а также при описании неодушевлённых предметов: *Эти строчки тоже так себе* («След ревячих сандалий»). В подобных случаях фразеологизмы квалифицируются нами как присвязочные предикативные [11: 63], поскольку их употребление возможно только со связками разных видов (в том числе в нулевой форме), которые выражают грамматическое значение фразеологизмов. На этот аспект характеристики устойчивых сочетаний необходимо обращать внимание обучающихся: *Нынешние школьники не лыком шиты!* («Славка с улицы Герцена»); *Но я был не лыком шит и сразу нашёл оправдание* («Непроливашка»); *Ты, главное, не наливай чересчур, и всё будет как в аптеке!* («Непроливашка»).

Фразеологизмы могут использоваться в составе несвободных словосочетаний, являющихся именной частью составного именного сказуемого: *Мои подчинённые тоже были вояки так себе* («Однажды играли...»). В приведённом предложении существительное *вояки* имеет ослабленную семантику и смысловой центр высказывания смещён на фразеологизм *так себе*: именно это устойчивое сочетание служит основной характеристикой субъекта, названного подлежащим, поэтому его необходимо включить в состав сказуемого.

Присвязочные предикативные фразеологизмы употребляются при подлежащем-инфинитиве, обозначающем «независимый признак (действие), характеристика которого заключена в сказуемом» [8: 36]: *Делиться такими мыслями и чувствами с нашей компанией было себе дороже* («Однажды играли...»); *Таскать чернила в пузырьке – дохлое дело* («Непроливашка»).

Анализ исследованного языкового материала показал, что фразеологизмы активно используются в роли глагольного и именного сказуемого в односоставном безличном предложении.

Так, фразеологизмы-простые глагольные сказуемые в предложении названного типа передают эмоционально-психическое состояние субъекта: *Глянешь в стёкла – снимки сливаются*

в один, и аж дух захватывает: такое там настоящее, объёмное («Славка с улицы Герцена») или отражают его мыслительные способности: Мне тут же пришло в голову, что именно здесь в старину стояла татарская крепость, на месте которой казаки потом построили наш город («Пять скачков до горизонта»); То, что один из нас их соотечественник, им в голову не приходило («Ржавчина от старых якорей»).

В односоставных безличных предложениях фразеологизмы употребляются в роли основной (инфинитивной) части составного глагольного сказуемого: Но очень скоро кто-то бдительный (с перепугу мы не поняли кто) заорал на нас, пришлось уносить ноги («Ржавчина от старых якорей»); Из Лёшкиных рассказов следовало, что в школе надо держать ухо востро и соблюдать массу правил («Славка с улицы Герцена»); а также как вспомогательный компонент составного глагольного сказуемого: Здесь могли отобрать или даже стащить самодельный пистолет или рогатку, но никому бы в голову не пришло отнимать копейки или купленную игрушку («Славка с улицы Герцена»); Почему-то никому не приходило в голову попытаться убежать, спрятаться, никто не сопротивлялся («Однажды играли...»).

Безличные фразеологизмы активно функционируют в роли именной части составного именного сказуемого в односоставном безличном предложении, сближаясь со словами категории состояния. При этом устойчивые единицы употребляются со связками и называют состояние субъекта, представленного дополнением-дативом: В любом подземном помещении мне становилось не по себе от мысли, что надо мной нависает каменная или глиняная толща («Мраморный Кролик») или не названного в предложении, но воспроизводимого из контекста: Не по себе было от мысли, что придётся вручить свою жизнь вот этому, лениво-дурашливому субъекту, с которым я не так давно сидел за одной партией («Славка с улицы Герцена»); А сейчас я увидел и удивительную похожесть лиц. На минуту даже не по себе стало («Ржавчина от старых якорей»).

Безличная семантика может быть передана составным именным сказуемым с именной частью, представленной инфинитивным по форме фразеологизмом, который употребляется со связкой (в том числе и в нулевой форме): *Дорога теперь была известная: до центра, потом вдоль по всей улице Орджоникидзе, а дальше до сада рукой подать* («Пять скачков до горизонта»); *От моста через лог до нашей квартиры на Смоленской было рукой подать* («Мраморный Кролик»).

4. Фразеологизмы в функции второстепенных членов предложения

Оценочный характер фразеологизмов обуславливает их сближение с наречиями и активное функционирование в роли обстоятельств разных семантических видов в автобиографических произведениях В. П. Крапивина. В. В. Бабайцева считает целесообразным начинать описание обстоятельства как члена предложения «с характеристики обстоятельств места и времени, поскольку они не только служат основными маркерами языковой картины мира, но и могут входить в структурную схему предложения, могут выражать тему актуального членения» [1: 277]. Полагаем, что данной рекомендации выдающегося учёного-методиста следует придерживаться и при рассмотрении обстоятельств-фразеологизмов, среди которых выделяются следующие семантические группы:

— обстоятельства места: *Это была добрая (хотя, возможно, и чуть насмешливая) прихоть судьбы: два уральца, много лет жившие бок о бок, познакомились вдали от дома, на палубе гигантского парусника* («Славка с улицы Герцена») — в приведённом предложении обстоятельство места включено в обособленное определение, выраженное причастным оборотом; *Я выбрался через дыру в заборе и побрёл куда глаза глядят* («Мраморный Кролик»); *И наша маленькая, в полтора этажа, школа номер девятнадцать — вот она, в двух шагах* («След ребячьих сандалий»);

— обстоятельства времени: *Я прошу этому миру все слёзы и обиды, все несправедливые двойки, томительные часы «после*

уроков», красные записи в дневниках, тяжёлую одурь недосыпаний, когда надо вскакивать **ни свет ни заря** и по морозным улицам топтать на первый урок («Славка с улицы Герцена»); Только Дымок **время от времени** подходил и трогал то одного, то другого лапой за колено – просился на руки («След ребячьих сандалий»); Я пришёл **из минуты в минуту**, но в приёмной сказали, что Стругацкий на совещании у редактора и «будет через полчаса» («След ребячьих сандалий»);

— обстоятельства образа действия: *И я честно предупредил, что трещотка в автомате работает **так себе*** («Пять скачков до горизонта»); *Вообще-то гильзы после стрельбы полагается подбирать и сдавать, но, видимо, делалось это **через пень-колоду*** («Ржавчина от старых якорей»); *Кончики лапок теперь отбиты, и я жалею Кролика, когда беру его в ладони. Но он смотрит **как ни в чём не бывало**...* («Мраморный Кролик»); *Теперь я обращался с непроливашкой аккуратно, и она вела себя **как по-добаёт*** («Непроливашка»);

— обстоятельства меры и степени: *Форик в то время уже **от корки до корки** прочитал «Занимательную физику» Перельмана и знал о чудесных свойствах рычагов* («Славка с улицы Герцена»); *И я **всей душой** стремился вверх: не из каких-то возвышенных чувств, а потому, что дощатая площадка казалась мне гораздо надёжнее лесенки* («Славка с улицы Герцена»);

— обстоятельства условия: *Роськина мама — человек настроения, **под горячую руку** может попасть и мне* («Славка с улицы Герцена»).

Значительно реже в автобиографических произведениях В. П. Крапивина фразеологизмы выполняют функцию несогласованного определения и приложения, поскольку они, как правило, не входят в структурную схему предложения. В нашей картотеке имеются единичные примеры фразеологизмов-определений и фразеологизмов-приложений: *Одна лишь надежда, что в сентябре, может быть, выдастся несколько дней **бабьего лета*** («Ржавчина от старых якорей») — несогласованное опре-

деление; *Я тогда не знал выражения «Сизифов труд», но это был именно он* («Ржавчина от старых якорей») — приложение.

Фразеологизмы, функционирующие в роли дополнения, не выявлены.

5. Фразеологизмы в структуре вставных конструкций

Считаем необходимым обратить внимание обучающихся на использование фразеологизмов в структуре вставных конструкций — включённых в предложение предикативных единиц, слов или словосочетаний, «которые прерывают начатое предложение добавочными пояснениями, возникшими у говорящего в процессе высказывания» [12: 279]. Фразеологизм может быть частью вставной конструкции: *Но дело в том, что... где-то внутри себя я и сам был таким. И лишь упорными тренировками характера и приспособлением к «образу жизни» мог подтянуть себя до общего уровня. До того, который позволял мне (иногда с горем пополам) быть своим в компании родного квартала* («Однажды играли...»); *Игра могла быть долгой – пока не продую все до последнего пятака (насчёт выигрыша я не питал иллюзий, важен был интерес)* («Пять скачков до горизонта»); *Оба часовых в будёновках перепуганно вытягиваются (хотя и до того стояли по струнке)* («Непроливашка»), а может полностью представлять собой вставную конструкцию: *Я не пошёл ни в «Пионер», ни в кассу за билетом. Постоял, подумал и (была ни была!) зашагал в Малый Черкасский переулок, где располагалась «святая святых» — «Детская литература»* («Под созвездием Ориона»); *Взрослые шагали неторопливо: то ли понимали, что мне трудно поспевать за ними, то ли просто незачем было спешить (работа — не волк...)* («Пять скачков до горизонта»).

6. Выводы

Таким образом, фразеологизмы, благодаря наличию оценочного компонента в структуре значения, в автобиографических произведениях В. П. Крапивина активно используются в роли сказуемого как главного члена предложения, выражающего предикативный признак, и обстоятельства, которое часто входит в структурную схему предложения.

В курсе изучения синтаксиса в школе необходимо анализировать фразеологизмы не только с точки зрения их семантики, но и в аспекте их роли в структуре предложения, что будет способствовать обогащению словарного запаса обучающихся, развитию у них логического мышления и совершенствованию коммуникативной компетентности.

Использование в качестве дидактического материала предложений, взятых из автобиографических произведений В. П. Крапивина, при должном комментарии педагога, может служить для школьников стимулом к ознакомлению с творчеством писателя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабайцева, В. В. Синтаксис русского языка / В. В. Бабайцева. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2015. — 576 с.
2. Жуков, А. В. Категориальный синкретизм фразеологических единиц / А. В. Жуков // Филологические науки. — 1987. — № 2. — С. 48–53.
3. Жуков, В. П. О несоизмеримости компонентов фразеологизма со словом / В. П. Жуков // Русский язык в школе. — 1969. — № 3. — С. 97–104.
4. Жуков, В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков, А. В. Жуков. — Москва : Высшая школа, 2006. — 408 с.
5. Жуков, В. П. Особенности синтаксического употребления устойчивых словосочетаний, выступающих в роли сказуемого / В. П. Жуков // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме (Четвёртые Жуковские чтения). — Великий Новгород, 2009. — С. 3–8.
6. Картавенко, Н. Д. Работа над устойчивыми глагольными словосочетаниями в школе / Н. Д. Картавенко // Русский язык в школе. — 1968. — № 4. — С. 40–45.
7. Лагузова, Е. Н. Изучение активных процессов в синтаксисе в школьном курсе русского языка / Е. Н. Лагузова, Е. М. Мельникова // Филологический класс. — 2021. — Т. 26, № 1. — С. 281–292.
8. Лекант, П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке / П. А. Лекант. — Москва : Высшая школа, 2004. — 247 с.
9. Литневская, Е. И. Методика преподавания русского языка в средней школе / Е. И. Литневская, В. А. Багрянцева. — Москва : Академический проект, 2006. — 590 с.

10. Пряников, А. В. О превратностях синтаксического анализа простого предложения / А. В. Пряников // С любовью к Слову. — Арзамас, 2021. — С. 412–415.
11. Родионова, И. Г. Аналитические образования в грамматическом строе современного русского языка / И. Г. Родионова ; науч. ред. П. А. Лекант. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2018. — 224 с.
12. Скобликова, Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения (теоретический курс) / Е. С. Скобликова. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 320 с.
13. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова [и др.] ; под ред. и с послесл. А. И. Молоткова. — Москва : АСТ : Астрель, 2006. — 524 с.
14. Чепасова, А. М. Слово и фразеологизм в системе парадигматических и синтагматических отношений / А. М. Чепасова // Избранные труды : в 2 т. Т. 2 : Фразеология в контексте современных лингвистических исследований. — Челябинск, 2016. — С. 35–40.

ОБ ОСЛОЖНЕНИИ И ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ ФОРМ СКАЗУЕМОГО

Южакова Ю. А.

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
Рязань, Россия

Аннотация. В художественной литературе и разговорной речи употребимы конструкции простых предложений с подчинительными союзами, утратившими своё значение и вносящими в предложение модальную семантику. Эти средства используются автором высказывания для расчленения структуры простого предложения, усиления актуального членения и акцентирования внимания на действии или признаке, названном смысловой частью сказуемого. Традиционно такие предложения трактуют как сложные на основании наличия подчинительного союза и двухчастной формы. Автор утверждает, что в языке сложились устойчивые модели простых предложений, где в предикативную основу входят союзы и союзные сочетания, которые предопределяют структуру всего предложения. Союз позволяет усложнить актуальное членение предложения, сделать ремой и подлежащее, и смысловую часть сказуемого, для этого он включается в состав сказуемого и отделяет связку и вспомогательный глагол, выполняющие служебную грамматическую функцию, от смысловой части. В статье рассмотрены модели предложений с расчленённым сказуемым, описана их структура, грамматические и служебные средства, задающие модель, а также особенности семантики и актуального членения.

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, простое предложение, сказуемое, союзный оборот, осложнённое сказуемое, фразеологизированное предложение.

ON THE COMPLICATION AND PHRASEOLOGIZATION OF PREDICATE FORMS

Yuzhakova Yu. A.

Ryazan State University named after S. A. Yesenin
Ryazan, Russia

Abstract. In fiction and colloquial speech, constructions of simple sentences with subordinate conjunctions that have lost their meaning and introduce modal semantics into the sentence are used. These means are used by the author of the statement to dissect the structure of a simple sentence, strengthen the actual division and focus on the action or feature called the semantic part of the predicate. Traditionally, such sentences are interpreted as complex on the basis of the presence of a subordinate union and a two-part form. The author claims that stable models of simple sentences have developed in the language, where the predicative basis includes conjunctions and conjunctive combinations that predetermine the structure of the entire sentence. The union makes it possible to complicate the actual division of the sentence, to make both the subject and the semantic part of the predicate a rhyme, for this it is included in the predicate and separates the copula and the auxiliary verb performing the service grammatical function from the semantic part. The article considers models of sentences with a dissected predicate, describes their structure, grammatical and service tools that define the model, as well as features of semantics and actual partitioning.

Key words: Russian language, syntax, simple sentence, predicate, union phrase, complicated predicate, phraseologized sentence.

Современные исследования грамматики русского языка решают задачу определения средств выражения новых значений, объединяя для этого структурно-семантический и коммуникативно-прагматический подходы. В этой связи развитие форм выражения разных членов предложения становится актуальным предметом изучения. Наше внимание обращено к сказуемым, выполняющим в предложении грамматическую функцию выражения соотношения с реальной действительностью, се-

мантическую функцию отображения действия или признака и модальную — акцентирования предикативного признака. Причем совмещение в сказуемом объективной и субъективной модальности достигается как синтаксической позицией главного члена предложения, так и дополнительными синтаксическими и морфологическими средствами.

В развитии форм сказуемого исследователи отмечают тенденции к аналитизму и расширению употребительности именных форм [3: 219]. Мы бы отметили еще две тенденции, не столь массовые, но уже достаточно заметные. Это, во-первых, осложнение всех форм сказуемого модальными частицами (было, бывало, да, давай, давайте, едва ли, чуть не, пусть, пускай, будто, как будто, как бы, словно, точно, только что и др.) и, во-вторых, расчленение составного сказуемого: нарушение порядка следования его частей, разрыв второстепенными членами и осложняющими компонентами.

Разговорная практика и художественная литература, передающая формы обиходного общения, часто нарушают классические схемы и создают конструкции, не имеющие однозначного толкования в грамматике.

Включение союзов в состав предикативной группы рассматривалось в лингвистической литературе, в частности, описаны конструкции с как перед именной частью сказуемого, типа: Она была им как чужая. Союз при таком употреблении утрачивает свои свойства, становится модальной частицей и осложняет составное именное сказуемое.

В ряду осложнённых форм простого глагольного сказуемого рассматриваются глагольные повторы, которые могут сопровождаться союзом или частицей для еще большего акцентирования внимания на действии, например: Сам работать не работает, да и другим мешает; Говорить, так говорите; Если идти, так идите. Первый глагол как бы представляет действие в общем плане, а второй — в связи с конкретным субъектом. Одновременно инфинитив выполняет акцентирующую функцию.

Другим вариантом конструкций с акцентуемым сказуемым являются предложения, в которых для выделения использовано слово со служебным значением — «метаслово» — или «глагольное местоимение» [2], подобное местоимению в предложениях с акцентированным субъектом, объектом, обстоятельством. В предложениях с акцентуемым сказуемым в служебном значении употребляется глагол *делать*, *знать* или *заниматься* для обозначения интенсивности действия. Например: *Тем только всю жизнь и занимаются, что обманывают* (А. Н. Островский); *Только и делает, что на шею бросается* (А. Н. Островский); *Только и знаешь, что ходишь с места на место...* (А. П. Чехов).

Предложения с оборотами *только и делает*, *только и знает*, *только тем и занимается*, что представляют собой фразеологизированные построения. Н. Ю. Шведова отмечает, что лексически ограниченные сочетания с союзом *что* представляют собой устойчивую двуглагольную конструкцию, первая часть которой включает сложную частицу *только и* и глагол *делать*, *знать*, *заниматься* в форме настоящего или прошедшего времени, вторая часть (после союза) — лексически свободна. Значение таких конструкций — единственность и исключительность признака [7: 209–210].

Примечательно, что данная модель является продуктивной и имеет варианты:

Н только и делал, что V.

И при этом только и делал, что возлежал на лоне у начальника края... (М. Е. Салтыков-Щедрин); *Александр только и делал, что говорил, перебивая других...* (И. С. Тургенев); *С девяти утра до шести вечера только и знаешь, что торчишь здесь* (А. И. Куприн).

Обязательным элементом данной конструкции является ограничительно-выделительная частица *только и*. Смысловой глагол, выделенный второй частью союза, употреблен в той же форме, что и первый, «указательный», не называющий действие, и согласуется с подлежащим. В качестве соотносительно-

го слова может употребляться не только глагол, но и другая часть речи со значением указания на действие. Активной является модель с устойчивым сочетанием *только и дела* в первой части: *Неужели нам только и дела, что выпытывать друг у друга наши мнения?* (И. С. Тургенев).

Конструкции с этим сочетанием могут быть как двусоставными, так и односоставными безличными с указанием на субъект действия в форме родительного или дательного падежа. В сочетании с отрицанием может быть использована синонимичная модель *нет дела, как только*: *Стало быть, нет и хозяйства, нет и дела, как только угождать на Ивана Яковлевича* (В. И. Даль).

Если N что делал, то (так) V.

Если Василий Харитонович что и делал там, в горах, то только смотрел на звезды. (К. Коровин); *Если что делать, так веселиться от души* (Разг.); *Чего мы давно не делали, так это не смеялись, все приуныли что-то* (А. Н. Островский).

Смысловый глагол употребляется в той же форме, что и указательный: возможны глаголы в неопределенной форме, без отнесения с конкретным лицом, числом, временем и наклоном, или в личной форме — 3 лица прошедшего времени. Союз *если... то (так)* утрачивает условную семантику и вносит значение абсолютного предпочтения какого-либо действия. Усиливать это значение могут ограничительные частицы *только, и*. Положение частей данных конструкций фиксировано. Семантика условности и уступительности, вносимая союзом, ограничивает лексически выбор второго глагола. Действие оценивается говорящим как малозначительное.

Что делать, как не Inf.

Что ж делать, как не печалиться! (А. Н. Островский); *До чего, думаю, я себя довел, и что мне теперь больше делать, как не руки на тебя наложить?* (Н. С. Лесков); *Вам скучно без скандалов, больше вам делать-то нечего, как подкапываться друг под друга* (А. Н. Островский).

Данные конструкции имеют значение единственно возможного, неизбежного действия. Это значение обусловлено тем, что указательный и смысловой глагол могут быть употреблены только в форме инфинитива. Семантика единственности возможного действия вносится союзом *как не* в сочетании с относительным местоимением *что* или *как* с отрицательным местоимением *ничего*. Частица *не* не меняет семантику предложения на отрицательную и синонимична ограничительной частице *только*. Наречие *больше* в основной части предложения усиливает выделительно-ограничительное значение конструкции.

Ничего не остается делать, как Inf.

Ничего больше не остается делать, как идти на соль! (А. М. Горький); *Ничего больше не оставалось, как только рассказывать и слушать* (Разг.); *Нам ничего не остается как вспомнить классику* (Из газет).

Эта модель синонимична предыдущей, но выражает неизбежность в еще более категоричной форме. Это достигается употреблением глагола *оставаться* в личной форме в значении «делать что-либо единственно возможное». Указательный глагол *делать* может быть опущен. Двойное отрицание усиливает значение категоричного утверждения. Значение единственности усиливается сочетанием отрицательного местоимения с союзом *как*, а также употреблением наречия *больше*.

Вариантом данной модели является схема: ***Только и остается, что Inf:*** *Не явись на выручку воблушка, только бы и осталось, что пропасть* (М. Е. Салтыков-Щедрин); *И вам только и остается, что идти в тюрьму* (А. Н. Островский). Сочетание ограничительных частиц *только и* усиливает как выделительное значение, так и семантику неизбежности.

Выделяться союзом может модальная частица как часть простого глагольного сказуемого: *Я, говорю, мой друг, никогда обманщицей не была, а если нами пренебрегают, так пусть, ничего тебе беспокоиться* (А. Н. Островский).

Во всех этих случаях форма сказуемого меняется автором намеренно, чтобы разорвать традиционную интонацию повество-

вательного неосложнённого предложения и выделить смысловую часть сказуемого как наиболее значимую для автора высказывания часть ремы. Кроме того, союз, вводимый в составное сказуемое, вносит дополнительное модальное значение.

Подобные конструкции частотны в речевой практике, они активно используются для расчленения высказывания, усиления квалифицирующей семантики предиката. Однако в специальной литературе они получили неоднозначное толкование [4–6]. Чаще всего такие предложения трактуют как сложные на основании наличия подчинительного союза и двухчастной формы. Считаем необходимым отметить [8], что в сложном предложении должны быть хотя бы две грамматические основы с выстроенной как внутри них, так и между ними и второстепенными членами системой грамматических связей и отношений. Мы же наблюдаем связи внутри одной предикативной единицы: *Пусть нами пренебрегают...* — разорванные подчинительным союзом. Союз не способен к продуцированию новых грамматических связей, он может вносить коррективы в отношения между компонентами структуры, что мы и наблюдаем. Результатом введения подчинительного союза в структуру простого предложения может стать осложняющий союзный оборот: *пришёл, чтобы пообедать; забегу, если на минутку; сегментирование структуры простого предложения с целью усиления актуального членения и выделения ремы высказывания: Чего бы **лучше**, коли **женить!*** (А. Н. Островский); *или осложнение сказуемого.*

Мы полагаем, что сложились устойчивые модели простых предложений, где в предикативную основу входят союзы и союзные сочетания, которые предопределяют структуру предложения. Союз позволяет усложнить актуальное членение предложения, сделать ремой и подлежащее, и смысловую часть сказуемого, для этого он включается в состав сказуемого и отделяет связку и вспомогательный глагол, выполняющие служебную грамматическую функцию, от смысловой части. Такие конструкции не были предметом детального изучения, обычно предло-

жения относили к фразеологизированным и не вдавались в детали их структурной организации.

Рассмотрим некоторые модели таких конструкций.

Только и Adj, что N1: *Во всем ее лице только и было хороше-го, что глаза* (И. С. Тургенев).

Предложения, построенные по данной модели, имеют строго фиксированный порядок следования частей. Расположение подлежащего после сказуемого играет выделительную роль. Конструкции с союзным сочетанием *только и... что* являются устойчивыми. Позиция подлежащего по своему лексическому наполнению относительно свободна. В качестве связки чаще употребляются глаголы *быть, оставаться*:

Как за папеньку-то я шла, у него только и оставалось хороше-го, что Головлево, сто одна душа. (М. Е. Салтыков-Щедрин); *Только и осталось в нем живого, что смутное ощущение этой бесформенной серебряной дали, но никакого определенно-го очертания, ни одного живого образа...* (М. Е. Салтыков-Щедрин).

Модель характеризуется нарушением координационных связей между подлежащим и связочным глаголом: связка в форме единственного числа прошедшего времени среднего рода не обязательно предполагает подлежащее в форме среднего рода единственного числа. Семантика данных конструкций — указание на то, что нет такого явления или предмета, кроме названного подлежащим, к которому бы относился признак, названный сказуемым. Семантику единственности усиливают частицы *только, и*. Они находятся перед сказуемым, но относятся к подлежащему. Ограничительное значение и формальная грамматическая связь со сказуемым могут быть внесены в предложение словом *один*, близким к частице.

Только одно и есть для меня утешение, что это (выписывать переводные романы) (А. Н. Островский); *А кругом по всем деревням только и был один печник, что этот Бендерин* (М. Зощенко).

Следует отличать служебное слово одно в ограничительно-усилительной функции от самостоятельного слова в роли подлежащего:

Что мне обидно, так только одно: что вы меня унижаете, ставите хуже какого-нибудь Мерича (А. Н. Островский).

Вариантом данной модели можно считать **Только и N2, что N1**.

*А то всех стыдимся, от людей прячемся; только и свету в глазах, что **Вадим Григорьич*** (А. Н. Островский); *У тебя ведь только и родни, что я* (И. А. Гончаров); *Только и приправы к еде, что рыба* (Л. Н. Толстой); *Только и родни, что лапти одни* (Посл.).

Отличает эти конструкции от рассмотренных выше то, что в их состав входит сказуемое, выраженного именем существительным в форме родительного падежа, с нулевой формой связки. В роли именной части сказуемого употребляются вещественные или отвлеченные существительные, не имеющие соотносительных форм числа. Грамматическая связь номинатива в функции подлежащего и генитива в функции именной части сказуемого невозможна. Связующим является союзное сочетание. Генитив, усиленный частицами только и, вносит значение ограниченного количества. Семантически конструкции данной модели синонимичны предложениям типа: *Я — единственная твоя родня; Рыба — единственная приправа к еде*.

Структура данной модели позволяет создавать конструкции со связкой быть: *Жил старик со старушкой, и у них только и было имения, что один боров* (А. Н. Афанасьев). Данная модель является продуктивной.

Еще один вариант составного именного сказуемого — сочетание **это (вот) и есть N** при подлежащем **я**, где указательное местоимение или частица соотносит находящееся в препозиции наименование, идентифицирующее характеризуемое лицо (Я) с мифическим прототипом, а специфическая связка **есть** выполняет двоякую функцию — вспомогательного глагола, который может быть представлен в нулевой форме (Я есть N1),

и смыслового глагола со значением бытийности, существования (на самостоятельную роль глагола указывает наличие связки *это*). Своеобразный синкретизм дает основание предположить появление устойчивой модели на основе сочетания **Я и есть N**: *Кто же выиграл? Один горбун, именно потому, что брал не акции, а наличные луидоры. Ну-с, я вот и есть тот самый горбун* (Ф. М. Достоевский); *А я, коли видели: висит человек снаружи дома в ящике на веревке и стену краской мажет, или по крыше, словно муха ходит — это он самый я и есть* (М. Е. Салтыков-Щедрин).

В ряду конструкций с осложнённым союзом составным глагольным сказуемым наиболее известна модель **V чтобы Inf**.

Известное дело-с, стараюсь, чтобы все в порядке держать-с (А. Н. Островский); *Подтрунить люблю, и чтобы стеснять себя в разговоре с тобой, так я не желаю* (А. Н. Островский); *Впрочем, сколько я заметил, уж не может русский народ, чтобы не потчевать* (А. Н. Островский).

В специальной литературе остается дискуссионным вопрос о месте конструкций с целевым инфинитивом, вводимым союзом *чтобы* [6: 148]. В рассматриваемых нами конструкциях союз полностью утрачивает целевое значение. Первый глагол является модальным и выражает возможность-невозможность, желательность или неизбежность действия. Таким образом, создается подобие составного глагольного сказуемого, разделенного союзом *чтобы*. Союз является вторичным, добавочным средством связи, причем средством необязательным: без союза остается связь между глаголом и инфинитивом: *стараюсь держать, не желаю стеснять*.

Возможно употребление наречий, устойчивых глагольных сочетаний или описательных глагольно-именных оборотов с модальным значением, выражающих способность — неспособность: *Ах, не смотри на меня, я, право, такая глупая, я думала, что у меня **достанет твердости, чтобы скрыть** мою любовь* (А. Н. Островский);

возможность: *Как же это **можно**, Самсон Силыч, **чтобы** сноровки **не знать**?* (А. Н. Островский);

невозможность: *Нет, никак моего **согласия не может быть, чтобы** Пиратку **продавать*** (А. И. Куприн);

необходимость совершения действия:

*Уж, конечно, что вам за **крайность, чтобы** на дурной **жениться**, сами-то вы ишь какой **молодец!*** (А. Н. Островский).

Инфинитив, примыкающий к модальному слову, является субъектным. Вспомогательный глагол выражает отношение субъекта к действию, названному инфинитивом смыслового глагола. Субъект не всегда выражается в форме подлежащего. Будучи отделенным от инфинитива союзом, смысловой глагол выделяется, акцентируется, его отвлеченное значение становится более самостоятельным, чем в составе глагольного сказуемого простого неосложненного предложения, и несколько приближается к значению процесса, что, однако, не дает права считать такие предложения сложными.

Нет чтобы Inf.

*Так и пошло у них, **нет, чтобы сказать** жениху «милый» или «душечка», — «уморительный», и больше ничего* (М. Е. Салтыков-Щедрин); *Сидят, по уши в деньгах зарымились, а **нет, чтобы** бедной девушке **помочь*** (А. Н. Островский); *А она **нет чтобы помолчать** — взяла да и рассказала обо всем* (Разг.).

Общее значение конструкций, построенных по данной модели — «осуждение по поводу того, что делается нечто, противоположное необходимому и естественно ожидаемому» [7: 273]. Отрицательное слово *нет* в рассматриваемых конструкциях заменяет модальный глагол и выражает невозможность действия. Союз *чтобы* разделяет безлично-предикативное слово *нет* с модальным значением и смысловой глагол, выраженный инфинитивом, и вносит в предложение значение желательности действия за счет входящей в состав союза условной частицы *бы*. Эти образования восходят к построениям типа:

*Нет того, чтобы извиниться — **грубый такой!*** (Л. Н. Толстой).

Союз может быть опущен, его функцию выполняет условная частица. При этом общее значение конструкции остается неизменным.

Ваня, где ты раньше был? Нет бы летом появиться — хоть бы плавать научил (В. Шугаев); *На потолке кончит свой ряд — нет сесть, отдохнуть: кинется помогать тому, кто послабее, отстал* (Из газет).

В современном русском языке сочетание *нет чтобы + инфинитив* выступает как нерасчленяемый формант предложения, а само предложение — как фразеологизированное.

Составное глагольное сказуемое с модальным вспомогательным глаголом может расчленяться союзом *если... то (так)* или *что*.

Только и V, что Inf.

Только и нужно, что молиться хорошенько, — вот и будет (А. Н. Островский); *А всего-то и нужно было, что побывать на встрече с Ажажа...* (Из газет); *Только и умеет, что спорить* (Разг.).

Содержание данных конструкций — необходимость или возможность осуществления в определенных условиях только одного действия, названного инфинитивом. Глагол или наречие с модальным значением отделены от смыслового союзом *что*, утратившим изъяснительное значение. Усилительно-ограничительные частицы занимают позицию в начале предложения перед вспомогательным глаголом, но относятся к инфинитиву, подчеркивая значение единственности возможного действия.

Если Inf., то (так) V.

Нам ежели бога забыть, творца нашего милосердного, нельзя, сударыня (А. Н. Островский); *Ежели против наших идти, так это еще, брат, погодить надоть* (А. И. Куприн).

Конструкции, построенные по данной модели, следует квалифицировать как односоставные безличные, ср.: *Нельзя забыть творца нашего милосердного; Надо погодить против наших идти...* Союз разделяет части главного члена односо-

ставного предложения, по форме соответствующего составному глагольному сказуемому. Союз находится перед смысловым глаголом, то есть сомнению подвергается не возможность или необходимость осуществления действия, а само действие. Помещение инфинитива в начале предложения выполняет задачу выделения, акцентирования внимания на действии. Однако возможна и другая транспозиция с одночастной формой союза: *И рада б, если б выкинуть, да нейдет из головы* (А. Н. Островский).

«Грамматика русского языка» [1: 670] отмечает, что «помещение инфинитива перед спрягаемой формой глагола встречается значительно реже и является инверсией, которая ведет к подчеркиванию, логическому выделению инфинитива».

Действие, оформленное неопределенной формой глагола как возможное, выделяется союзом *если* и приобретает семантику исключительного. Конструкция делится союзом на две части: первая часть союза вводит предположение возможного действия, вторая оформляет отношение к нему автора. Таким образом, по союзному разделителю происходит актуальное членение предложения. Союз *если* вводит тему высказывания, его коррелят *то (так)* — рему. Поскольку конструкции, построенные по данной модели, являются односоставными, тему высказывания составляет не подлежащее, а часть сказуемого, то есть действие известно из предыдущего контекста, задачу же говорящего составляет не указание на это действие, а его оценка.

Если N чего хотел (о чем мечтал), то (так) Inf.

После куполов, крыш, окон и московских людей, которые стали мне ненавистны, если я чего и хотел, так только жить в своей собственной комнате (М. А. Булгаков); *Если я о чем и мечтал, то только видеть Вас* (А. И. Куприн).

Акцентированный союзом модальный глагол со значением желания в сочетании с инфинитивом соответствует составному глагольному сказуемому. Союз *если... то (так)* вносит семантику выделения одного детерминирующего желания, названного

неопределенной формой глагола. Значение единственности создается употреблением ограничительной частицы *только*. Актуализаторами ремы в первой части предложения являются относительные местоимения *чего, о чем*. Ограничительная семантика усиливается за счет употребления частицы *и*.

Таким образом, нами выявлено и описано достаточное количество продуктивных моделей предложений с расчленённым, осложнённым союзом сказуемым. Разнообразие форм выражения составного сказуемого создаёт возможности для выражения различных оттенков значения, стилистической и эмоционально-экспрессивной окрашенности, а также расширяет перспективы дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грамматика русского языка. — Москва : АН СССР, 1954. — Т. 2, ч. 1. — 704 с.
2. Краткий справочник по современному русскому языку / Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков, П. А. Лекант ; под ред. П. А. Леканта. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : Высшая школа, 1995. — 382 с.
3. Лекант, П. А. Развитие форм сказуемого / П. А. Лекант // Очерки по грамматике русского языка. — Москва : Издательство МГОУ, 2002. — С. 217–234.
4. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — Москва : Учпедгиз, 1956. — 511 с.
5. Прияткина, А. Ф. Русский язык : Синтаксис осложненного предложения : учебное пособие / А. Ф. Прияткина. — Москва : Высшая школа, 1990. — 176 с.
6. Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Наука, 1980. — Т. II : Синтаксис. — 780 с.
7. Шведова, Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи / Н. Ю. Шведова. — Москва : АН СССР, 1960. — 178 с.
8. Южакова, Ю. А. Псевдосложное предложение в современном русском языке / Ю. А. Южакова. — Германия : Lambert, 2014. — 172 с.

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
ЕДИНИЦЫ «КОГДА»
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ)**

Попова Т. И., Воробьева Е. Ю.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей единицы «когда» в русском языке с точки зрения грамматики и семантики. Рассмотрено функционирование единицы в составе предложения в интернет-мемах, которые являются одним из основных видов интернет-коммуникации. Всего в работе были проанализированы 15 примеров, отобранных из разных источников. В результате анализа было выявлено, что рассмотренная единица утрачивает прежние функции союза и становится самостоятельной, подвергаясь процессу грамматикализации.

Служебные части речи в русском языке полифункциональны и имеют широкое употребление. Их грамматические и семантические свойства варьируются в зависимости от контекста. Эта многофункциональность обуславливается обилием смысловых значений, которым обладают предлоги, союзы и частицы.

В современном мире особую роль в развитии языка играет интернет-коммуникация. Следовательно, общение в сети оказывает большое влияние на язык в целом и на употребление отдельных единиц языка, в том числе служебных частей речи. Так как развитие языка посредством интернет-общения происходит слишком стремительно, зачастую мы не успеваем отследить изменения свойств некоторых единиц. На сегодняшний день большинство служебных частей речи не имеют полного и точного описания в академических источниках. Так, единица

«когда» имеет широкий спектр употреблений, который расширился посредством уже устоявшейся в интернет-коммуникации конструкции мемов. Однако изменения, произошедшие с рассмотренной единицей, нигде не описаны.

Изменение грамматических и синтаксических характеристик единиц языка может быть описано только после полного и всестороннего анализа, а до этого новые явления должны быть зафиксированы. Источником примеров таких изменений становится живое повседневное общение, к которому относится язык интернет-коммуникации.

Настоящее исследование посвящено выявлению грамматических и семантических изменений единицы «когда». Источником материала стали мемы из социальных сетей.

Мемы представляют собой изображения лиц, реакций, эмоций, которые сопровождаются уточняющей фразой, описывающей ту или иную ситуацию. Мемы нацелены на то, чтобы рассмотреть определенные ситуации с комичной точки зрения. Источниками при выборе мемов послужили наиболее популярные и часто используемые в России интернет-платформы — социальная сеть ВКонтакте (по данным Brand Analytics, ежедневно площадку посещает 47 % российских интернет-пользователей [8]) и мессенджер Telegram, предоставляющий возможность не только создавать чаты, но и вести группы и размещать контент на большую публику. Мной были отобраны группы и паблики, специализирующиеся на юморе и мемах, с наибольшим количеством подписчиков, а именно — «МЕМЫ» (5.200.000 подписчиков), «Мемы» (2.200.000 подписчиков), «Добрые мемы» (1.100.000 подписчиков), «Мемы про студентов» (84.000 подписчиков), «1111» (200.000 подписчиков), «Memes» (115.000 подписчиков). Всего в работе рассмотрено 18 языковых примеров.

Единица «когда» может функционировать как вопросительное наречие («*Когда ты придешь?*», «*Когда начинается фильм?*») [6: 713].

В качестве союзного слова «когда» выступает как местоименное наречие вопросительного типа («*Подскажите, когда начнется представление*»). В таком случае слово замещает имя

с временным значением («*О милый сын, ты входишь в те лета, / Когда нам кровь волнует женский лик.*» Пушкин. — в данном случае союз заменяет существительное «лета»).

Союз «когда» является подчинительным, и в сложных предложениях связывает главную часть с придаточной. Чаще всего этот союз присоединяет придаточное времени. В конструкциях со значением одновременности может передаваться информация двух типов:

1) информация типа «в тот момент когда»: процессуальный признак в сказуемых при этом не осложнён значением повторяемости: *Когда я был гимназистом, фамилия «Маяковский» была мне уже известна* (Олеша);

2) та же информация, осложненная значением (всякий раз когда): соотносимые ситуации представлены как повторяющиеся: *Когда кто-нибудь заслонял лампочку и большая тень падала на окно, то виден был яркий лунный свет* (Чех.).

Действие придаточной части представлено как период или процесс, на фоне которого осуществляется единичное действие (или единичные действия) главной части: *Уже когда он [Репин] был стариком, доктора запретили ему работать без отдыха.* (К. Чук.);

Действие главной части представляет собой временной фон, с одним из моментов которого совпадает единичное действие придаточной части: *Когда Иван Ильич на цыпочках зашел потушить у него лампу, Роцин спал на спине.* (А. Н. Толст.)

Особенно важную роль контекст играет в тех случаях, когда речь идёт о совершенной одновременности действий, о полном совпадении их границ. Такого рода одновременность, переходящая в целостность, передаётся, например, предложениями, в которых придаточная часть называет чье-либо действие, а главная часть дает этому действию дополнительную характеристику: *Когда она улыбалась, два ряда белых зубов так и сверкали* (М.-Сиб.); *Щетина вокруг его загоревшего лица топорщилась, когда он начинал торопиться говорить* (Фед.); *Когда Павел говорит с Наташей, его строгие глаза глядят мягче* (Горьк.) [6: 550].

Именно такие по смыслу и структуре предложения становятся основой для мемов, которые рассмотрены в данной статье.

В БАСе («Словаре современного русского литературного языка») также выделяется употребление единицы *когда* в качестве союза в придаточном предложении со значением условия. Например, *Я буду счастлив, когда выполю свою мечту*. В этом случае *когда* выступает в роли союза и показывает, что действие первой части будет выполнено только в ситуации, описываемой во второй части [2: 182].

Мы видим, что основная грамматическая функция слова «*когда*» как служебной части речи – связывать главную часть предложения с придаточной. Однако если проанализировать текстовую часть отобранных для анализа мемов, то мы увидим, что главная часть в предложениях вообще отсутствует.

Ср., например:

— *«когда идешь на вечеринку, где никого не знаешь»* (ВКонтакте, Мемы про студентов);

— *«когда пытаешься разглядеть свои перспективы в жизни»* (Telegram, 1111).

Если анализировать единицу «*когда*» в выше приведенных предложениях с точки зрения семантики, мы видим, что она не изменила свою смысловую роль. Единица «*когда*» является звеном для связи двух смысловых частей, в которых переданы одновременные, наслаивающиеся друг на друга действия, как это описано в «Русской грамматике» (1980). Только в случае с мемами одна из частей предложения, которая и является главной клаузой, трансформируется и обретает визуальную форму – изображение (иногда фрагмент видео).

Следовательно, слово «*когда*» сохранило прежнее значение, но утратило первоначальную функцию — связь частей предложения или же в языке в данном формате представления сообщения возникла возможность значительно видоизменить исходную конструкцию сложного предложения. Возможно, это связано с некоторыми тенденциями использования единицы «*когда*» в повседневной устной и письменной речи.

Мемы с фразой, начинающейся со слова «когда», восходят к мему «mfw» «my face when...» (рис. 1).

Mfw I purposely spread
misinformation.

Рис. 1. Mfw I purposely spread misinformation

Urban Dictionary, словарь интернет-сленга, описывает «mfw» следующим образом: «Мем позволяет описывать то, как будет выглядеть ваше лицо в конкретной ситуации. Обычно размещается с подписью и изображением нужного лица» [4].

Следовательно, первоначальная формулировка мема «*Мое лицо, когда*» была более полной, и предложение имело две части. Главная часть отсылала к картинке (выражению лица), а придаточная часть описывала ту или иную ситуацию (в примерах подчеркнуты):

— «*Мое лицо, когда кто-то меня пытается учить жизни*» (ВКонтакте, Мемы) «*Мое лицо, когда просят настроить принтер*» (ВКонтакте, МЕМЫ);

— «*Мое лицо, когда мне напоминают про написание диплома*» (ВКонтакте, Мемы про студентов) (см. рис. 2);

Рис. 2. Мое лицо, когда мне напоминают про написание диплома

В дальнейшем мемы с фразой «мое лицо, когда ...» были немало видоизменены, и приоритет лиц-реакций постепенно снижался. Но смысл большинства мемов остался тем же.

Например, это может быть мем с картинкой, отражающей перевыполнение плана и соответствующая подпись, выражающая ситуацию, когда сделал что-то с перебором: «*Когда захотел прогулять пару, а в итоге прогулял два семестра*» (ВКонтакте, Мемы про студентов). Главное, чтобы была зафиксирована некая ситуация, а картинка (с выражением лица или без) юмористически подчеркивала ее комичность [4].

Отобранный материал (мемы с использованием конструкции «когда...») можно классифицировать не только по картинке, но и по текстовой части мема, выделив особенности построения предложения.

По аналогии с первоначальной формулировкой мема («мое лицо, когда...») выделяются мемы, в которых слово «лицо» в главной части предложения заменяется другими объектами (подчеркнуты), которые также отображены на картинке (метафорически):

— «*Душнила внутри меня, когда кто-то неправильно поставил ударение в слове*» (Telegram, 1111);

— «*Мое ледяное сердце, когда он написал первым*» (Telegram, 1111).

Но в большинстве случаев предложения строятся с эллипсисом главной части. Оставшаяся вторая часть предложения с точки зрения грамматики — односоставное предложение со сказуемым, выраженным глаголом второго лица. По значению все примеры можно отнести к обобщенно-личным предложениям:

— «*Когда пытаешься разглядеть свои перспективы в жизни*» (Telegram, 1111);

— «*Когда при родителях делаешь вид, что пьешь алкоголь первый раз*» (Telegram, 1111);

— «*Когда ждешь конца его душной болтовни*» (Telegram, 1111).

Следовательно, ситуация, комично описанная в меме, является универсальной для всех, не имеет конкретного исполнителя. В «Русской грамматике» (1980) такой тип предложения не выделяется: предложения с главным членом в форме 2 лица единственного числа без подлежащего рассматриваются как неполные двусоставные предложения. Отличие обобщенно-личных предложений от неполных двусоставных состоит в том, что обобщенность субъекта создаётся именно формой глагола, обозначающей неадресатное действие. [7: 8]

Также встречаются конструкции с двусоставным предложением, в котором подлежащее выражено местоимением третьего лица:

— «*Когда она так опоздала на свидание, что ты постарел*» (Telegram, 1111);

— «*Когда он рассказывает очередную увлекательную историю*» (Telegram, 1111).

В этих случаях также нет привязки к конкретной личности, и описанные ситуации являются актуальными для широкого круга лиц. В таких мемах описываются ситуации, главным действующим лицом которых выступает собирательный образ возлюбленной/возлюбленного. Следовательно, местоимение тре-

тьего лица называет партнера («Он» — молодой человек, «Она» — девушка).

В неполных предложениях с отсутствующей главной частью, предполагается *«мое лицо»/ «я» / «мое состояние/настроение»* в ситуации, *«когда...»*. Эта опущенная часть фразы возмещается визуальным сопровождением мема — изображением. Таким образом, несмотря на неполноту высказывания, пользователи сети без затруднений могут восстановить фразу и понять смысл мема.

Однако есть и такие мемы, в которых сложно «достроить» текстовый элемент мема и восстановить опущенную часть. В содержание подобных мемов заложена целая ситуация, которую невозможно передать вербально:

— *«Когда попросил подровнять кончики»* (ВКонтакте, Мемы про студентов);

— *«Когда захотел прогулять пару, а в итоге прогулял два семестра»* (ВКонтакте, Мемы про студентов);

— *«Когда идешь на вечеринку, где никого не знаешь»* (ВКонтакте, Мемы про студентов);

— *«Когда незаметно от мамы положил что-то в тележку и надеешься, что она не заметит»* (ВКонтакте, Мемы про студентов);

— *«Когда говоришь отцу, что яблоки, которые он купил, очень вкусные»* (ВКонтакте, Мемы про студентов).

Как правило, ситуации, описанные в таких мемах, типичны и широко распространены. В таких мемах зачастую описаны бытовые случаи, с которыми сталкивается широкий круг людей в повседневной жизни.

Как мы видим, в большинстве рассмотренных мемов отсутствует главная часть предложения. Единица *«когда»* в таких примерах не может являться союзом, так как синтаксическая структура предложения не предполагает связи двух клаузов. Можно говорить о том, что исследуемая единица в определенных языковых ситуациях утрачивает прежнюю функцию союза

и подвергается процессу грамматикализации¹, становится самостоятельной единицей, не согласующейся с другими компонентами предложения.

Вероятно, единица «*когда*» в этих случаях является прагматическим маркером старта, главная роль которого — дать сигнал о том, что далее последует фраза, комично описывающая происходящее на изображении, представленном ниже. При этом само слово «*когда*» не содержит в себе никаких смыслов, важных для понимания мема.

Лингвисты по-разному определяют единицы, которые маркируют намерения говорящего и способствуют наиболее эффективному достижению коммуникативных целей. Часто такие единицы относят к *дискурсивным маркерам* [10], дискурсивным связкам [9], дискурсивным операторам [11]. Предложенный Н. В. Богдановой-Бегларян подход отличается четким определением исследуемых единиц — прагматических маркеров — и их отличий от иных дискурсивных единиц.

Прагматические маркеры вербализуют отношение говорящего к самому процессу речепорождения, включая все затруднения и колебания в ходе этого процесса [1: 97].

Хотя интернет-коммуникация относится к письменному типу, за счет свободы выражения и отсутствия каких-либо ограничений и рецензии общение в сети по своему характеру больше близко к устной речи, нежели к письменной.

Результаты анализа языкового материала подтверждают необходимость дальнейшего расширения материала и более детального изучения поведения единицы «*когда*» в устном дискурсе в коммуникативно-прагматическом аспекте.

¹ Грамматикализация — процесс, в результате которого языковые структуры, которые представляются нарушением грамматических правил, в силу своего систематического употребления со временем входят в грамматику. [3: 199]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданова-Бегларян, Н. В. О возможных коммуникативных помехах в межкультурной устной коммуникации / Н. В. Богданова-Бегларян // Мир русского слова. — 2018. — № 3. — С. 93–99.
2. Большой академический словарь русского языка. Т. 8 / ред. Л. И. Балахонова. — Москва : Наука ; Санкт-Петербург : Наука, 2004.
3. Всеволодова, М. В. Некоторые проблемы современной русской грамматики и категория грамматикализации / М. В. Всеволодова // Вестник Московского университета. — Сер. 9, Филология. — 2018. — № 5. — С. 194–229.
4. Мое лицо / Memepedia, 2018. — URL: <https://memepedia.ru/mfw> (дата обращения: 15.03.23)
5. Русская грамматика. Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980.
6. Русская грамматика. Т. 2 : Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1980.
7. Стародумова, Е. А. Синтаксис современного русского языка / Е. А. Стародумова // Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 2005.
8. Чёрный В. Социальные сети в России : цифры и тренды, осень 2022 / В. Чёрный. — URL: <https://br-analytics.ru/blog/social-media-russia-2022> (дата обращения: 20.03.23)
9. Blakemore, D. Relevance and Linguistic Meaning: The Semantics and Pragmatics of Discourse Markers / D. Blakemore. — Cambridge : Cambridge University Press, 2002. — 212 p.
10. Fraser, B. Pragmatic markers / B. Fraser // Pragmatics. — 1996. — Т. 6. — P. 167–190.
11. Redeker, G. Ideational and Pragmatic Markers of Discourse Dstructure / G. Redeker // Journal of Pragmatics. — 1991. — Vol. 14 (3). — P. 367–381.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕКСТА, КОММУНИКАЦИИ, КУЛЬТУРЫ

УДК 811.161.1, 821.161.1

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МИКРОСЮЖЕТА В КОНТЕКСТЕ ТЕКСТОВОЙ КАТЕГОРИИ ИНФОРМАТИВНОСТИ В КНИГЕ А. П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»

Ким А. В.

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. В работе рассматривается структура книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» с точки зрения его формирования на основе вкраплений — «анекдотов» (микросюжетов). Предлагается анализ структуры повествования в аспекте текстовой категории информативности И. Р. Гальперина. В статье подчеркивается значимость категории информативности в изучении произведений типа «путешествие».

Ключевые слова: текст, категория информативности, И. Р. Гальперин, структура повествования, микросюжет, А. П. Чехов, «Остров Сахалин».

GRAMMATICAL STRUCTURE OF A MICRO-PLOT IN THE CONTEXT OF THE TEXTUAL CATEGORY OF INFORMATIVENESS IN THE A. P. CHEKHOV 'S BOOK “SAKHALIN ISLAND”

Kim A. V.

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

Abstract. The article considers the structure of A. P. Chekhov's book "Sakhalin Island" from the point of view of its formation on the basis of inclusions — "anecdotes" (micro-plots). An analysis of the structure of the narrative in the aspect of the textual category of informativeness by I. R. Galperin is proposed. The article emphasizes the importance of the category of informativeness in the study of works such as "journey".

Key words: text, the textual category of informativeness, I. R. Galperin, structure of narrative, micro-plot, A. P. Chekhov, "Sakhalin Island".

Особенности жанровой структуры книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» (далее — ОС) остаются проблемным вопросом в определении границ художественного мира путевых записок, что во многом нарушает представление о целостности поэтики писателя и исключает возможность рассматривать и анализировать ОС в контексте всего его творчества.

На данный момент мы обладаем большим корпусом исследований, посвященных жанровому описанию чеховских путевых записок, однако большая часть таких исследований остаются в рамках литературоведения, не уделяя тем самым достаточного внимания структурным особенностям ОС, в частности — функционированию «анекдотов» (микросюжетов), исследование которых ограничивается, по всех видимости, лишь работой И. Н. Сухих и которые, на наш взгляд, являются ключом к пониманию жанровой природы книги. Тем не менее не вызывает сомнений, что ОС входит в группу «путешествий», объединяющую

формы «заметок, записок, дневников, журналов, очерков, мемуаров» [2: 313].

Литература «путешествий», жанр «путешествия» — это особая форма, в основе которой лежит описание достоверных, но не всегда фактически точных наблюдений, сведений о неизвестных или малоизвестных (в отдельных случаях вымышленных) пространствах (в том числе и людях, населяющих это пространство, и т. п.), характеризующаяся особой жанровой свободой, которая обуславливается стечением документальных, художественных и фольклорных форм и установкой, задачами автора-путешественника (научными, эстетическими, просветительскими и т. п.).

Рассматривая эту жанровую группу с точки зрения текстовой категории информативности И. Р. Гальперина, следует отметить одну важную жанровую деталь — установку на достоверность:

«В тексте путешествия всегда подчеркивается роль факта, документа: автор стремится убедить читателя в достоверности описываемого» [11: 280].

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что основу таких произведений составляет содержательно-фактуальная информация (СФИ), которая в зависимости от установки автора и категории произведения может использоваться в качестве механизма влияния на читателя. Поскольку факты и документы «сами по себе так поразительны, что, поставленные в определенный смысловой ряд, они создают эмоциональное впечатление, никаким искусством, „беллетристической“ недостижимые», в рамках произведения группы «путешествие» они могут совмещать позиции содержательно-фактуальной и содержательно-подтекстовой информации (СПИ). Особую роль в структуре таких произведений играют «носители» содержательно-концептуальной информации — разные в зависимости от задач автора. Так, например, в ОС, на наш взгляд, роль такого «носителя» играют «анекдоты», или микросюжеты.

Что же понимается под «анекдотом» и «микросюжетом»? Чехов в письме от 16 марта 1895 А. Суворину писал: «Итак, «Сахалин» мы выпускаем, не дожидаясь разрешения. Книга выходит толстая, с массою примечаний, анекдотов, цифр... Авось пройдет. А не пройдет, то так тому и быть — всё равно умирать» [9: 37].

Анекдот в своем генезисе корнями уходит к античности, это слово «у древних служило для обозначения произведений, не получивших огласки» [3: 161]. «Неизданность», скрытность материала анекдота в последствии обусловили его занимательных характер, большой интерес к нему публики. В своем же завершенном характере современный Чехову анекдот являлся, по всей видимости, «малой повествовательной формой, в основе которой лежит выразительно и остро очерченное положение, стремящееся к разрешению и находящее его в замкнутой строго концовке» [3: 161], и во многом этот анекдот был близок к фольклору, ввиду его способности органично вплестаться, например, в разговор или ораторскую речь.

Анекдот может быть отнесен, с одной стороны, к самостоятельному жанру, с другой — к некоторой форме, материалу или содержанию. Важно отметить, что сахалинский анекдот не существует сам по себе, он реализуется на магистрали путешествия, которая разворачивается в рамках хронотопа дороги и хронотопа встречи, но разительно выделяется на фоне всего повествования (от содержания до формы), и, следовательно, может рассматриваться и как отдельный жанр, отдельное произведение (см. глава «Рассказ Егора»), так и как некоторое несамостоятельное включение. Это важная особенность ОС — наличие текста в тексте.

И. Н. Сухих в своей монографии «Проблемы поэтики Чехова» определил чеховский анекдот как форму, родственную микросюжету или записи в записной книжке, микропроизведению, обещающему и поясняющему главный сюжет, иллюстрирующему ту или иную тему [7: 84]. На наш взгляд, такое определение

наиболее удачно репрезентирует природу вставных текстов в ОС, поэтому вслед за И. Н. Сухих мы будем использовать термин «микросюжет».

Итак, предметом нашего рассмотрения является структура формы жанра ОС с точки зрения его формирования на основе вкраплений — «анекдотов» (микросюжетов).

Цель работы — описать категорию информативности как структурирующую жанр путешествия и микросюжет.

В ходе работы мы выделили несколько типов микросюжетов, разделив их на две группы в соответствии с их субъектной организацией — монологические и диалогические. Монологические в свою очередь делятся на по типу содержания на описательно-пейзажные, описательно-рефлексивные.

Критериями выделения микросюжета в таком случае мы считаем стилистическое несоответствие общему ходу повествования, образность, «экзистенциальность» содержания, субъектная организация и, главное — доминирующий тип информации по классификации И. Р. Гальперина.

Опишем характерные для ОС структуры повествования с точки зрения текстовой категории информативности с привлечением следующей символики:

- Фактологические повествование (ФП);
- Под фактологическим повествованием понимается:
 - а) описание путешествия героя;
 - б) документы, факты, исследования.
- Микросюжеты монологические (описательно-пейзажные (МОП), описательно-рефлексивные (МОР));
- Микросюжеты диалогические (МД).

ФП в своем общем виде представляет собой содержательно-фактуальную информацию (СФИ), «содержащую сообщения о фактах, событиях, процессах, происходящих, происходивших, которые будут происходить в окружающем нас мире, действительном или воображаемом» [1: 30]. Это та часть повествования, из-за которой во многом М. П. Неведомский обвинял

Чехова в том, что из страны «бесконечных мук», из последних пределов «человеческого унижения и поругания», из фантастического Дантового ада «в реальной обстановке русского быта и русского администрирования» он сделал «деловой доклад» [6: 30]. Тем не менее следует отметить, этот «деловой доклад» зачастую несет в себе и содержательно-подтекстовую информацию (СПИ), кроме того, требуется отдельное описание ФП типа описание путешествия и типа документ, факт, исследование.

Микросюжеты в независимости от типа, как правило, несут содержательно-концептуальную информацию (СКИ). Это «истинно чеховские по красоте и силе, места» [6: 33].

На данном этапе исследования мы выделили два типа структуры — «ФП + МОР» и «МД + ФП».

В первом типе ФП (как правило, описание путешествия героя) пропозиционно по отношению к МОР, МОР — суждение, несущее СКИ в виде суждений, умозаключений. Микросюжет может быть связан с предтекстовым пространством напрямую (для такой вариации МОР имеет место последовательное развертывание темы) или дистантно (для такой вариации первого типа микросюжета характерна гипертема на уровне главы).

С послетекстовым пространством, которое часто представляет собой ФП типа документ, факт, исследование, микросюжет может не иметь связи вообще, ср.:

МОР: «Была очень тихая, звездная ночь. Стучал сторож, где-то вблизи журчал ручей. Я долго стоял и смотрел то на небо, то на избы, и мне казалось каким-то чудом, что я нахожусь за десять тысяч верст от дому, где-то в Палеве, в этом конце света, где не помнят дней недели, да и едва ли нужно помнить, так как здесь решительно все равно — среда сегодня или четверг...» [8: 163].

Послетекст: «Еще южнее, по линии проектированного почтового тракта, есть селение *Вальзы*, основанное в 1889 г. Тут 40 мужчин и ни одной женщины» [8: 163].

В структуре типа «МД + ФП» МД представляет собой введение новой темы, проблемы, ФП — официально зафиксированный повествователем/ услышанный факт, документ, иллюстрирующий тему и являющийся дескриптивным развертыванием темы. Такая структура особенно репрезентативна в XXI главе путевых записок, посвященной преступности, наказаниям и смертной казни.

Таким образом, для МОР характерна в основном связь с ФП типа описание путешествия, а для МД — связь с ФП типа документ, факт, исследование, хотя в целом этот вид микросюжета в этом отношении универсален.

Следует еще отметить, что микросюжеты, в частности МД, иллюстрируют зарождающиеся черты поздней поэтики (повествование 1895–1904 гг. по классификации А. П. Чудакова) А. П. Чехова: если во второй период сюжет повествования объединялся вокруг центрального героя и звучал один его голос, то в третьем «с господством в сюжете одного героя свободно впитывает голоса других лиц, в том числе второстепенных и эпизодических» [10: 95].

Повествование в ОС объединяется вокруг героя-путешественника (ФП), он «может быть слушателем или собеседником, участником событий или сторонним наблюдателем» [10: 92], но в МД его голос звучит наравне с голосами каторжных, детей, вольных поселенцев и т. д. Наиболее ярким примером в таком случае будет глава «Рассказ Егора», не вошедшая ни в первый, ни во второй структурные типы, поскольку вообще не имеет ФП и представляет собой «рассказ в рассказе».

Подробное изучение структур, позволит по-новому взглянуть на динамику поэтики творчества А. П. Чехова. Уже на данном этапе исследования мы можем говорить о том, что структура повествования в ОС отражает во многом отражает черты поэтики как раннего, так и позднего Чехова: от яркой оценочности в монологических микросубтекстах до типа повествователя в диалогических.

Чередование СФИ и СКИ, реализующееся посредством вкраплений в ФП микросюжетов, является одним из доказательств высказанной нами ранее гипотезы о диалогическом построении путевых записок, обуславливающей структурно-смысловую общность документального и художественного материала [5].

В связи с этим мы можем говорить о значимости изучения микросюжета как важного и структурно значимого компонента сахалинского текста. Актуализируя в своем содержании те или иные мотивы и темы, являясь носителем СКИ, микросюжет наполняет хронотоп книги бытийной семантикой, а чередование разных типов информации, нанизанность друг на друга обеспечивает идейное единство книги и ее целостность при внешней разнородности.

Таким образом, изучение текстовой категории информативности является перспективным методом для анализа жанровой структуры произведений типа «путешествие».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин ; под ред. Г. В. Степанова. — Москва : КомКнига, 2007. — 144 с.
2. Гуминский, В. М. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь / В. М. Гуминский ; под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — С. 314–315.
3. Зунделович, Я. О. Анекдот / Я. О. Зунделович // Литературная энциклопедия : в 11 т. / ред. коллегия : П. И. Лебедев-Полянский [и др.]. — Москва, 1929–1939. — Т. 1. — С. 161–164.
4. Ким, А. В. Проблема изучения художественности произведения А. П. Чехова «Остров Сахалин» / А. В. Ким // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2020». — URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2020/data/section_35_19519.htm (дата обращения: 10.07.2023).
5. Ким, А. В. Пространственно-временная организация путевых записок как отражение диалогической природы книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» / А. В. Ким // Материалы Международного молодеж-

ного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2021». — URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/section_35_21980.htm (дата обращения: 10.07.2023).

6. Неведомский, М. Н. Без крыльев / М. Н. Неведомский // А. П. Чехов : pro et contra : Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX — начала XX в. : антология / сост. предисл., общ. ред. И. Н. Сухих. — Санкт-Петербург : РХГИ, 2002. — Т. 1. — 45 с.

7. Сухих, И. Н. Проблемы поэтики А. П. Чехова / И. Н. Сухих ; под ред. И. А. Богданова. — Ленинград : Изд-во Ленинградского государственного ун-та, 1987. — 180 с.

8. Чехов, А. П. Остров Сахалин (из путевых записок) // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов ; АН СССР ; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1978. — Т. 14/15. — С. 40–372.

9. Чехов, А. П. Письмо Суворину А. С., 16 марта 1895 г. Мелихово / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / АН СССР ; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1978. — Т. 6. — С. 36–37.

10. Чудаков, А. П. Поэтика Чехова / А. П. Чудаков ; под ред. В. В. Виноградова. — Москва : Наука, 1971. — 291 с.

11. Шачкова, В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы : вопросы теории / В. А. Шачкова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2008. — № 3. — С. 277–281.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ «РАЗГРОМ»

Юань С.

Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена грамматическим средствам выражения категории времени в романе «Разгром». Показывается, что художественное и грамматическое время взаимодействуют, грамматическое время как средство выражения художественного времени. Выявляется творческая особенность А. А. Фадеева, что художественное время в произведении постоянно расширяется использованием грамматических средств выражения категории времени. Отмечается, что основными средствами реализации темпорального аспекта в романе «Разгром» выступают видо-временные формы глагола. При этом приведенный анализ понятия «грамматическое время» дополнен примерами из книги. В статье представлены характеристики употребления автором прошедшего, настоящего и будущего времени и их назначения. Особое внимание обращается на то, что выбор тех или иных видо-временных форм глагола определяется авторским замыслом. Констатируется, что время персонажей напрямую связано с развитием сюжета; оно является основой их существования, развития и отношений с окружающим миром. Полученные в ходе анализа материала результаты подчеркиваются, что категории времени как особая категория мышления является важнейшим фактором отражения художественного мира.

Ключевые слова: категория времени, темпоральность, художественный текст, художественное время, грамматическое время, время глагола, видо-временные формы.

GRAMMATICAL WAYS OF FORMING THE CATEGORY OF TIME IN THE NOVEL “THE ROUT”

Yuan X.

Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

Annotation. This article focuses on the grammatical means of expressing the category of time in the novel “The Rout”. It is shown that the literary and grammatical tenses interact, the grammatical tense as a means of expressing the literary tense. It reveals A. A. Fadeev’s creative peculiarity that the literary time in the work is constantly expanded by using grammatical means of expressing the category “time”. It is noted that the main means of realisation of the temporal aspect in the novel “The Rout” are the temporal forms of the verb. In this case, the above analysis of the concept of “grammatical tense” is supplemented with examples from the book. The article presents the author’s use of the past, present and future tenses and their purpose. Special attention is paid to the fact that the choice of different tenses is determined by the author’s intention. It is stated that the characters’ time is directly connected to the development of the plot; it is the basis of their existence, development and relations with the surrounding world. The results of the analysis of the material emphasise that categories of time, as a special category of thinking, are the most important factor in reflecting the literary world.

Key words: category of time, temporality, literary text, literary tense, grammatical tense, verb tense, species-temporal forms.

В динамичных или статичных формах искусства художественный образ часто наделяется временным и пространственным присутствием. Как целое он пространственен, а последовательное разворачивание от одного этапа к другому реализуется как процесс, действующий во времени.

По мнению Д. С. Лихачёва, «категория времени имеет всё большее и большее значение в современном понимании мира и в современном отражении этого мира в искусстве» [4: 209].

В современной лингвистике мы можем говорить о языковом выражении времени. Языковеды часто исследуют категорию «время» термином «темпоральность», которое означает «одно-временность (настоящее) — предшествование (прошлое) – следование (будущее)» [1: 273].

Для художественных текстов с одной стороны, характерна строго организованная система времени, с другой стороны, реальное время наделяется писателем новым атрибутом через художественное представление, что позволяет характеризовать его как художественное время, которое относится к временным рамкам событий, охватываемых сюжетом произведения. Продолжительность и объем времени изображаемых событий различны.

По мнению Д. С. Лихачева, художественное время это «явление самой художественной ткани литературного произведения, подчиняющее своим художественным задачам и грамматическое время и философское его понимание писателем» [3: 7].

Художественное время также включает в себя описание субъективного восприятия времени героем произведения. Поэтому восприятие художественного времени часто представляет собой сложное переплетение между автором, читателем и персонажем. Как указывает А. Дырдин, персонажи имеют свой «часовой механизм» [2: 186]. Персонажи каждого писателя обладают уникальным собственным представлением о времени, раскрывающимся через их поступки. В этом случае художественное время служит средством идеологической и эстетической оценки.

Время в литературе может смещаться и менять свой порядок, двигаться в противоположных направлениях, образуя разнонаправленность через воспоминания рассказчика, персонажей, ретроспективное изображение событий.

Поэтому художественное время — это сложнейшее сочетание и переплетение трех временных схем — персонажа, автора и читателя. Время персонажей напрямую связано с развитием

сюжета; оно является основой их существования, развития и отношений с окружающим миром. Время в художественном тексте характеризуется множественностью; оно представляет собой совокупность независимых времен и временных отношений, установленных между ними.

Художественные произведения традиционно рассматривались как темпоральное искусство, в отличие от живописи, она воспроизводит конкретный характер течения времени, это определяется составляющими его языковыми правилами: «грамматика определяет для каждого языка порядок, который распределяет... пространственность во времени» [7: 139]. Время считается грамматической категорией, значение которой характеризует временную обусловленность ситуации. Художественное время имеет системный характер, оно зависит от определенной системы языковых средств, «это прежде всего система видовременных форм глагола, их последовательность и противопоставления, транспозиция (переносное употребление) форм времени» [5: 80].

Таким образом, художественное и грамматическое время взаимодействуют. Грамматическое время как средство выражения художественного времени, при этом видо-временные формы глагола выполняет основополагающую роль в построении художественного времени. Категория времени как грамматическая категория включает в себе повествовательную функцию в художественном тексте, устанавливая объективное время событий или фактов в предложении или фрагменте текста.

В данном исследовании мы рассматриваем грамматические средства, используемые для создания художественного времени в романе «Разгром».

В художественном тексте, как правило, функционируют формы прошедшего времени глагола. А. А. Фадеев по привычке использует глаголы прошедшего времени в начале главы, тем самым подготавливая читателя к рассказу о прошлом, например: *«Дорога бежала навстречу, как бесконечная упругая лента, вет-*

ви больно хлестали Морозку по лицу, а он все гнал и гнал очумевшего жеребца, полный неистовой злобы, обиды, мщениа» [6: 58]; «Сташинский узнал о выступлении от помощника начхоза, прибывшего в лазарет заготавливать продовольствие» [6: 70].

Глаголы прошедшего времени несовершенного вида описывают отдельные ситуации, сюда входит изображение жизни шахтеров: *«На обратном пути «шахтерские» крали на баштанах арбузы, кругленькие муромские огурцы и купались в быстрой горной речушке. Их зычные, веселые голоса будоражили тайгу, ущербный месяц с завистью смотрел из-за утеса, над рекой плавала теплая ночная сырость» [6: 9], и сравнение различных личностей партизан: «Туман стлался от реки, было холодно. Пика ворочался и стонал во сне, под ногами часовых загадочно шуршали травы. Мечик лежал на спине, глазами нащупывая звезды» [6: 90].*

В романе «Разгром» преобладают формы глаголов прошедшего времени несовершенного вида, которыми описывается определенный длительный процесс: *«В этой жизни Морозка не искал новых дорог, а шел старыми, уже выверенными тропами» [6: 8]; «Однако он не был убит — несколько раз пытался подняться, ползти, протягивал руки, кричал что-то неслышное» [6: 11]; «Всю дорогу попадались разведчики и ввали по-прежнему» [6: 87].*

Глаголы прошедшего времени А. А. Фадеев также использует при описании природы. Как видно, красота пейзажа, описанного в отрывках прошедшего времени, передается через мгновенное восприятие зрительных и слуховых органов чувств: *«Залитые солнцем, стлались за рекой гречаные и пшеничные нивы. В теплой пелене качались синие шапки Сихотэ-Алинского хребта» [6: 7]; «Холодный ветер шевелил сено, стучал ветвями, шелестел листьями в саду...» [6: 167].*

Однако действия главных героев в «Разгроме» в основном описываются с помощью глаголов прошедшего совершенного времени, так как они являются основным способом создания

времени событий, используются для того, чтобы сфокусировать внимание читателя на самом незначительном моменте. Совершенное время создает определенную цепочку событий: *«Они побрали лошадей и во весь опор помчались к лесу, черневшему в низине. Очевидно, их заметили — пулеметы затрещали вслед, и сразу запели над головами ночные свинцовые шмели. Огненно дребезжащие рыбы вновь затрепетали в небе»* [6: 173].

В современной лингвистике категория времени понимается как отношение между действием, выраженным глагольной формой, и моментом речи: *«Восемьдесят играю, — сказал сидевший к Метелице спиной»* [6: 141]; *«Вставай, вставай, кобылка! Дашь деревню! — кричал дневальный, ногами расталкивая спящих»* [6: 144].

Настоящее время используется автором для осмысления изображаемого, служит для описания непосредственного восприятия героем происходящих с ним событий, и поскольку каждый персонаж не является всезнающим, в романе нет ни одного описания, позволяющего читателю предсказать события; намерение рассказчика — держать описываемые события на расстоянии от читателя. Рассматриваем примеры: *«Он думал еще о том, что жизнь становится хитрей, старые сучанские тропы зарастают, приходится самому выбирать дорогу»* [6: 20]; *«и какими-то неведомыми путями пришел вдруг к выводу, что в скором времени отряд разгонят японцы, если к этому не подготовиться заранее»* [6: 23].

Настоящее время используется для создания иллюзии прямого диалога между писателем и читателем. Наблюдается такой случай, единичное использование формы настоящего времени в цепи глаголов в прошедшем времени: *«Теперь половина ребят разбрелась по деревням, а Шалдыба сидит в корейском зимовье и жрет чумизу. Говорят, пьет здорово»* [6: 22]; *«Его люди несли караул за селом, помогли Левинсону запастись продовольствием. В этот день как-то сразу выяснилось то, что скрыто было раньше в общем подъеме, в равных для всех буднях, — что*

весь отряд держится главным образом на взводе Дубова» [6: 166]. Повествование, изложенное в прошедшем времени, также завершается в настоящем времени. Такое использование настоящего времени помогает читателю в какой-то степени соотнести себя с воображаемым собеседником рассказчика.

Использование настоящего времени в повествовании усиливает его ритм и обеспечивает динамику действия; кроме того, благодаря непрерывному характеру представления действия создается иллюзия присутствия читателя. В тексте преобладают простые короткие предложения, что придает тексту характер разговорной речи. Это позволяет противопоставить повествовательное время описательному, что придает повествованию ощущение прямого общения между читателем и рассказчиком. Намеренное смешение этих времен позволяет читателю почувствовать себя очевидцем происходящих событий, максимально приближая читателя к восприятию главного героя.

Использование автором будущего времени связано с предвкушением персонажами битвы: *«Врешь, не поймаешь... — торжественно сказал Метелица, до самой последней минуты действительно не веривший в то, что его смогут скрутить»* [6: 143]; *«По направлению стрельбы и по свисту пуль он понял, что неприятель обошел их с левого фланга, от реки, и, вероятно, вот-вот вступит в село с того конца»* [6: 173].

Будущее время может подчеркивать ожидаемый факт или ситуацию, а также показывать событие, которого главный герой опасается: *«Что ж лес? Век в лесу не просидишь. Да и болота там — не вылезешь — такое бучило...»* [6: 138].

Таким образом, видно, что в романе «Разгром» будущее время используется очень редко.

Сделав описание грамматических средств, используемых для выражения времени в художественном произведении, можно сделать вывод, что время в творчестве А. А. Фадеева играет большую роль, в том числе грамматическое время является основой для построения временной логики в тексте, которая по-

стоянно подкрепляется использованием видовременных форм средств, выражающих временные категории.

Исследование грамматических средств выражения темпоральности способствует более глубокому и выразительному изложению темпоральной системы в произведении А. А. Фадеева. Для создания временного образа произведения служит грамматическая форма времени в ее порядке и взаимосвязи.

Выбор тех или иных средств определяется авторскими мировоззренческими установками. Таким образом, мы можем обнаружить то, что произведение неравномерно во времени, это объясняется антиномией «время произведения — время читателя».

Изображаемое время сжато во времени за счет временных смещений и выделения событий, а с другой стороны, оно растянуто для параллельных событий. Разбор особенностей времени, как оно воплощено в художественном тексте, является необходимой частью анализа произведения. Игнорирование этого аспекта, без учета грамматического времени, сделало бы исследование художественных текстов неполным.

Категория времени определяет измерение изображаемого мира искусства. Эпизоды, описанные автором, могут разворачиваться в настоящем (как в горизонтальном направлении) или охватывать прошлое и будущее (т. е. вертикальное направление).

А. А. Фадееву блестяще удается построить особый художественный мир и сформировать временную структуру своего произведения, многократное значение временных форм определяет планы персонажей в подсистеме текста, в соответствии с этим, эти формы включаются в моделирование темпоральной системы отдельного персонажа. В художественной литературе порядок глагольных форм определяет переход от одной ситуации к другой, движение времени, ускорение и замедление, и особенно важен для темпа развития сюжета. Таким образом, время как особая категория мышления является важнейшим фактором отражения художественного мира, а также фундаментальной гарантией целостности художественного образа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко, А. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко. — Ленинград : Наука, 1990. — С. 473.
2. Дырдин, А. А. Диалектика памяти. (Человек и время в повести В. Распутина «Живи и помни») / А. А. Дырдин // Современный советский роман. Философские аспекты. — Ленинград : Наука, 1979. — С. 178–194.
3. Лихачев, Д. С. Историческая поэтика русской литературы / Д. С. Лихачев. — Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. — 508 с.
4. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — Москва : Наука, 1979. — 360 с.
5. Николина, Н. А. Филологический анализ текста: учебное пособие / Н. А. Николина. — Москва : Академия, 2003. — 256 с.
6. Фадеев, А. А. Разгром : роман / А. А. Фадеев. — Москва : АСТ, 2003. — 192 с.
7. Фуко, М. Слова и вещи : Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — Москва, 1977. — 407 с.

**КОМБИНАТОРНЫЕ МОДИФИКАЦИИ
В АДАПТИРОВАННОЙ АРМЯНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНОЙ АНТРОПОНИМИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Д. ДЕМИРЧЯНА
«ВАРДАНАНК» И Х. АБОВЯНА «РАНЫ АРМЕНИИ»)**

Оганнисян Г. А.

Армянский государственный экономический университет,
Ереван, Республика Армения

Аннотация. В статье рассматриваются комбинаторные изменения в адаптированной армянской литературной антропонимии. На материале исследуемых романов выявлены фонетические модификации антропонимов в процессе приспособления их к русской речевой среде. В результате исследования зафиксированы различные способы фонетических преобразований (всевозможные субституции, замещения двугласных сочетаний, усечения инициальных гласных, сокращения конечных элементов, вставки и наращения звуков), которые носят закономерный и регулярный характер в армянском языкознании.

Ключевые слова: антропоним, адаптация, вокализм, консонантизм, наращение, субституция, усечение.

**COMBINATORIAL MODIFICATIONS
IN THE ADAPTED LITERARY ARMENIAN
ANTHROPONYMY (BASED ON THE MATERIAL
OF D. DEMIRCHYAN'S NOVEL "VARDANANK"
AND H. ABOVYAN'S "WOUNDS OF ARMENIA")**

Hovhannisyan G. H.

Armenian State University of Economics
Yerevan, RA

The paper examines combinatorial changes in the adapted Armenian literary anthroponymy. Based on the material of the analyzed novels, phonetic modifications of Armenian anthroponyms in the process of their adaptation to the Russian speech environment have been identified. As a result of the study, various methods of phonetic transformations (various substitutions, substitution of diphthongs, truncation of initial vowels, reduction of final elements, insertion and augmentation of sounds) have been recorded, which have a systematic and regular nature in Armenian linguistics.

Key words: anthroponym, adaptation, vocalism, consonantism, extension/augmentation, substitution, truncation.

Заемствованные антропонимы, входя в именослов принимающего языка, подвергаются различным фонетическим процессам. В процессе фонетической трансформации происходит адаптация антропонимов к нормам заимствующего языка, что обусловлено не только особенностями звукового строя языка-источника и языка-преемника, но и влиянием живых диалектов. Наблюдаются вполне очевидные расхождения, связанные с развитием фонетических систем языков, поскольку отсутствие соответствующих фонем в языке-преемнике приводит либо к усечению иноязычных фонем либо к субституции их приблизительными вариантами. Существенные изменения в процессе их адаптации отмечаются в области вокализма и консонантизма. (При анализе антропонимов нами был применен вариант транслитерации армянских букв, предложенный Г. Гюбшманом [3: 160-167].)

Изменения в области вокализма

В числе распространенных особенностей в области вокализма отмечается варьирование армянской фонемы [ə]/[ɛ] в безударной позиции.

Фонема [ə] армянского языка принадлежит безударному вокализму и является одной из самых частых гласных, занимает третье место после гласных [a] и [o]. Самой распространенной функцией [ə] является слогаобразующая, когда она произносит-

ся в скоплениях согласных для облегчения произношения и образования слога, например, [təxur] «грустный» [8: 14, 15]. Этот гласный «нужен для артикуляции последовательностей согласных, которые без [ə] не могут быть реализованы. В этом высказывании заложены все предпосылки для заключения нефонематичности, «служебного» характера звука [ə]». При этом «несмотря на наличие в алфавите соответствующей буквы, в интерконсонантной позиции [ə] не имеет орфографического выражения» [7: 33, 36].

Отметим наиболее характерные субституции данной фонемы:

1) чередование нейтрального [ə] с [e]: *D[ə]strik – Дестрик*, *D[ə] šxo – Дешхо*. В русском языке данные антропонимы появляются со вставкой [e] в середине слова, что ведет к упрощению и удобству произношения;

2) переход [ə] - [и]: *Šaś[ə]nšah – Шахншах*, *At'[ə]l – Атцлла*;

3) мена [ə] посредством [ы] в середине слова: *Erz[ə]nkaci – Ерзынкаци*, *Sad[ə]k-xan – Садык-хан*;

4) замена [ə] в абсолютном начале слова на [э]: *[ə]нцайни – Энцайни*. Инициальный [ə] «обусловлен позицией перед т, п, γ+с (əmpel) и является средством реализации начальных стечений согласных.., определяется в основном невозможностью фонетической реализации без посредства препозитивного [ə] определенных сочетаний с гомогенными согласными, ср. пəkar – ənkar» [7: 38].

Наблюдается также группа изменений, связанных с взаимозаменами других гласных:

1) замена инициальных гласных [e] - [и], [ē] - [и]: *Eγia – Илья*, *Ērakli – Ираклий*;

2) [ə] на месте этимологического [e] как в середине, так и в конце слова: *Arten – Артэн*, *Luseres – Лусерэс*, *Maneç – Манэч*, *Nerses – Нерсэ* с сокращением конечного *s*, *Arak'el – Аракэл*, *Rip'sime – Рунсимэ*, *Samvel – Самэл*.

Следует отметить на вполне закономерное явление в армянском антропонимиконе – *афerezис*, утрату инициального [I]

в древнееврейских по происхождению именах, но сохранение данного гласного в русском переводе романа: *Iōhānān/Jōhannēs – Novhannes – Иоанн*.

В исследуемых текстах можно выделить замещения этимологических двугласных сочетаний с утратой или вставкой [y] в русском языке: [ie] - [ии]: *Gabriel - Гавриил*, [ae] – [au]: *Mik'ayel – Михаил*, [ia] – [ия]: *Dístría – Диштрия*, *Pulk'ería - Пульхерия*.

В числе распространенных фонетических преобразований в армянском именнике можно отметить аноконь, усечение *os/es* в древнегреческих по происхождению именах: *Agat'angeyos – Агафангел*, *Ak'iles – Ахилл*, *Homeros – Гомер*, *Kuuros – Куп*, *Markianos – Маркиан*, *Sofokles – Софокл*. В некоторых случаях они заменяются в русском языке на –ий: *Grigorios – Григорий*, *Elfarios – Элфарий*.

Изменения в области консонантизма

Консонантные изменения в процессе усвоения иноязычных имен приводят, прежде всего, к устранению или замене отдельных армянских согласных или групп согласных с целью упрощения их в русском языке, что объясняется специфическими фонетическими признаками языка-источника и языка-преемника.

Представим отдельные распространенные фонетические преобразования:

1) Закономерным явлением в консонантизме армянского языка является чередование *l//γ*, прообразом которого в древнеармянском служил звук, очень похожий на латинский, изображаемый буквой [γ]. В V в. в армянском языке были два вида [l]: один произносился на кончике языка, как сегодняшней армянский [l], а второй – более грубый и произносился задней частью языка. Такой звук был также в латинском и польском языках. В армянском языке он передавался буквой [γ]/ [η]. Постепенно, как отмечает Гр. Ачарян, этот звук становился грубее и стал современным армянским гортанным [γ] [Ачарян 1979: 648]. В заимствованных из греческого и древнееврейского языков словах, сонорный [l] заменяется звонким заднеязычным [γ] и передается на русский язык посредством [г] или [х]. Данное

явление наблюдается не только в армянской апеллятивной (лат. *titulus* – арм. тит[γ]ос, греч. *titlos*, рус. титул) [Ачарян 1979: 409], но и в антропонимической лексике: *Eḡisa* - *Едуса*, *Eḡua* - *Идья*, *Soḡotop* - *Содомон*.

2) Фонетические изменения наблюдаются в греческих по происхождению именах в результате отсутствия в армянском прошлом звука [f]. «В русском языке также не было звука для передачи греческого переднеязычного фрикативного, который обозначала буква (тэта). В русской передаче он слился с Ф. Он нашел свое место в системе славянского консонантизма» [5: 61]. Греческий [θ] заменяется в армянском языке глухим придыхательным согласным [tʰ], а в русском языке он передается через [ф]: *Agatʹangeḡos* – *Агафангел*, *Tʹeodos* - *Феодосий*.

«Греческий звук Ф был губным фрикативным (первоначально придыхательным – из ϕh). Ближайшим заменителем в древнерусском языке оказался губной, но взрывной и глухой звук П» [5: 60]. Греческий звук приравнивается к армянскому глухому придыхательному согласному [pʰ], тогда как в русском литературном языке он тождествен – [п] и [ф]: *Stepʹanos* – *Степан*, *Stepʹan*, *Epʹrem* – *Ефрем*. Такая же мена согласных отмечается в древнееврейском имени *Iōsēf* – *Новсеп* – *Осун*, *Иосиф*.

3) [b] – [в] в древнееврейских и греческих по происхождению антропонимах: *Tʹobi tʹ* - *Товий*, *Gabriel* - *Гавриил*, *Abraham* - *Авраам*, *Abel* - *Авель*.

4) [k] – [х] в древнееврейских и греческих именах: *Akʹilles* – *Ахилл*, *Mikʹayel* – *Михаил*, *Zakʹare* – *Захарий*, *Pulkʹeria* - *Пульхерия*.

Среди единичных случаев фонетических модификаций можно отметить следующие: [g] – [х]: *Nabugodonosor* – *Набуходоносор*; [br] - [мр]: *Nebrovṭ* – *Немрут*, где под влиянием сонорного [r] звонкий взрывной [b] меняется на сонорный [m]; [zd] – [ст]: *Azdahak* – *Ацмаг*.

Наблюдаются также случаи *эпентезы*. На стыке гласных в середине слова в греческих и древнееврейских по происхождению

именах в армянском языке вставляется фонема [v], а русский вариант в исследуемых текстах отмечается без эпентетического [в]. Например, *Gevorg* – *Георгий*, *Hoŭhannes* – *Иоаннес*, *Տաւրոն* – *Симон*, *Симеон*. В русском литературном языке, как отмечает В. А. Никонов, форма имени Иоанн почти полностью вытеснена формой Иван – с эпентетическим [в]. Добавление согласного между двумя гласными облегчало произношение в древнерусском языке, избегавшим соседства гласных [5: 65].

Консонантные изменения приводят также к устранению этимологических двойных согласных, например, [nn]-[н]: *Hovhannes* – *Оганес*, *Ованес*. В исследуемых романах, переведенных на русский язык, обратная мена наблюдается в следующих антропонимах: *At'ǰal* – *Атилда*, *Stepanos* – *Степаннос*.

Необходимо отметить, что часть фонетических закономерностей романа Х.Абовяна «Раны Армении» носит частный диалектно-разговорный характер. Можно предположить, что это характеризуется особенностями араратского диалекта, легшего в основу восточноармянского литературного языка. Л.К.Езекян отмечает, что «фонетическая система романа своими фонетико-артикуляционными и звукоизменительными особенностями, наряду с диалектно-разговорной, в равной мере является и литературной» [4: 27].

Диалектные вкрапления в антропонимике исследуемого романа можно проиллюстрировать следующими примерами:

1) Замена гласных: [o] - [a]: *Ermalov* – *Ермоллов*, *Napoleon* – *Наполеон*; 2) [o] - [e]: *Paskovič* – *Паскевич*; 3) утрата в середине слова гласных звуков (а, и, у): *Azdhak*, вместо *Azdahak*, *Shaki* вместо *Sahaki*, *Gagki* вместо *Gagiki*, *Gdovič* вместо *Gudovič*, *Nadr* вместо *Nadir*.

2) Оглушение и озвончение согласных: *Grasovski* – *Krasovski*, *Krešos* – *Крез*, *Ropenson* – *Робинзон*, *Mačatov* – *Мадамов*, *Taguhi* – *Тахуи*.

В романе «Раны Армении» отмечаются параллельные как литературные, так и диалектно-разговорные образования од-

ного и того же имени, а смешение этих форм «представляют собой прежде всего порождение данного этапа развития, когда новый язык еще находился в процессе разработки, и употребление отдельных языковых форм не было еще унифицировано» [4: 27]. В русский язык переводчик в основном вносит олитературенные формы.

Таким образом, можно отметить, что антропонимы репрезентируют вполне очевидные расхождения, связанные с развитием фонетических систем языков. При адаптации армянских антропонимов на русский язык происходят различные комбинаторные изменения, которые носят закономерный и регулярный характер в армянском языкознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ачарян, Гр. Этимологический коренной словарь армянского языка / Гр. Ачарян. — Ереван : ЕрГУ, 1979. — Т. IV. (на арм. яз.).
2. Ачарян, Гр. Словарь армянских личных имен : в 5 т. / Гр. Ачарян. — Ереван, 1942–1962. (на арм. яз.).
3. Гюбшман, Г. Арменоведческие исследования / Г. Гюбшман ; пер. с нем. М. Н. Арутюнян. — Ереван : ЕрГУ, 2004. — 520 с. (на арм. яз.).
4. Езекян, Л. К. Литературный ашхарабар и язык романа Х. Абовяна «Раны Армении» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. К. Езекян. — Ереван : ЕрГУ, 1990. — 51 с.
5. Никонов, В. А. Русская адаптация иноязычных личных имен / В. А. Никонов // Ономастика : сборник статей / отв. ред. В. А. Никонов, А. В. Суперанская. — Москва : Наука, 1969. — С. 54–77.
6. Сукиасян, А. М. Современный армянский язык : учебное пособие / А. М. Сукиасян. — Ереван : ЕрГУ, 2004. — 352 с. (на арм. яз.).
7. Тошьян, С. Б. Сопоставительная фонетика русского и армянского языков / С. Б. Тошьян. — Ереван : Луйс, 1988. — 92 с.
8. Хачатрян, А. А. Фонологическая система армянского языка и ее фонетическая реализация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. А. Хачатрян. — Ереван : Ин-т языка им. Гр. Ачаряна, 1987. — 39 с.

СТРУКТУРА ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ С ПОЗИЦИЙ ГРАММАТИКИ СЛУШАЮЩЕГО («ЧУВСТВЕННЫЙ» КОМПОНЕНТ)

Борисова Е. Г.

Московский городской педагогический университет,
Государственный академический университет гуманитарных наук
Москва, Россия

Аннотация. Работа посвящена анализу составляющих плана содержания грамматических единиц. Принимаются во внимание средства выражения категорий как в системных грамматиках, так и в описании языковых средств в рамках деятельностных описаний: функциональной грамматики и грамматики слушающего. В анализе содержания категорий выявляются как традиционные смыслы: номинативный (лексический), синтаксический, так и другие, реально отражаемые в ряде категорий, например, коммуникативные отношения. В статье обращается внимание на компоненты значения, заключающиеся в отражении внеязыковой реальности, однако непосредственно связанные с ощущениями участников общения. Таковым является зрительное представление, которое вводится при помощи ряда местоимений, в частности указательного местоимения *такой* и частицы *вот*, эмоциональное состояние.

Ключевые слова: грамматика слушающего, план содержания, коммуникативное значение, эмотивный компонент, образ.

1. Грамматика в деятельностном подходе к языку

Грамматические описания в последние полстолетия в первую очередь ориентированы на модели использования языка в действии. Потребности отражения активной речевой деятельности привели к созданию функциональной грамматики [3], получившую разработку в рамках нескольких научных школ. Фактически были сформулированы категории, нередко отличающиеся от грамматических, включающие лексические средства

выражения. Необходимость столь полных исследований была вызвана тем, что переход от смысла к тексту в активных формах речевой деятельности требовали информации, не сводимой к описаниям, даваемым в системных: академических и школьных — грамматиках.

Аналогичные проблемы, хотя и менее заметные, возникли и при описании поведения слушающего, что актуально в описаниях речевосприятия, речевого воздействия, понятности сообщения и ряде других проблемных сфер. В этом случае тоже приходится объединять средства передачи информации в категории по принципу схожести действий слушающего. Так нами была выделена категория ориентации, отражающая действия слушающего по привязке полученного сообщения к фрагментам реальности. В эту категорию попали средства референции: артикли, местоимения, а также некоторые другие средства. В частности, для русского языка таковым оказалась частица *вот*, маркирующая уже не отдельный объект, а целую ситуацию как известную слушателю, отождествимую с упомянутыми ранее [5].

Установление новых параллелей позволяет высветить те особенности языковых единиц, которые раньше не находились в поле зрения исследователей. Это касается и описания конкретных языковых единиц, и моделирования речевой деятельности в целом. Особого внимания заслуживает описание плана содержания, который играет важную роль и в активной деятельности, и в поведении адресата (слушающего).

2. Содержательная сторона категорий грамматики слушающего

При рассмотрении категорий мы обращаем внимание в первую очередь на параметры, определяемые назначением категории: основные цели и задачи, средства выражения. Эти факторы формируют итоговый результат — изменение в представлениях адресата. Обратим внимание на то, что эти представления не всегда сводятся к фрагменту смысла, вносимому значением слова (как в результате операции распознавания значения). В дело вступают и другие содержательные факторы, в частности,

референтная связь обозначаемых объектов и явлений, имплицитная информация, а также выявление связей между фрагментами последовательного сообщения.

Здесь можно провести параллель между типами значений грамматических категорий, выявляемых в системной грамматике. Обычно отмечается, что категория (точнее, граммема, ее образующие) может передавать информацию, в принципе соответствующую значению лексем — что использует функциональная грамматика, например, в описании средств значения множественности включающая и грамматическую категорию числа, и слова *много*, *несколько* и т.п. Такое наполнение содержания грамем принято называть номинативным, или лексическим значением [7]. В то же время грамматические категории часто связаны с передачей информации о связи слов, как род, число, падеж прилагательного, этот тип значения называется синтаксическим, нередко одни и те же категории способны передавать оба типа значения.

Обращение к речевой деятельности позволило учесть еще один тип значения: передача информации коммуникативного плана, т. е. сообщение о свойствах отношений между фрагментами коммуникации, например, маркировка известности, эмфазы и т. п. Причем это касается и единиц, обычно связываемых с грамматической структурой, например, союзов *А* и *ДА*, так называемых отглагольных междометий типа *прыг*, *шасть*, некоторых местоимений (*сам*). [4; 370]

В принципе коммуникативное значение наряду с синтаксическим относится к структурообразующим, или метаязыковым. Однако и в части номинативного значения обращение к деятельностному подходу заставило вносить некоторые дополнения. В качестве примера можно привести проблему коннотаций и в первую очередь, эмотивного компонента.

В современной лингвистике, в частности, русистике, довольно подробно описаны возможности передачи тех или иных оттенков чувств и переживаний. Однако для деятельностного подхода остается невыясненным важнейшее: насколько слушающий не просто узнает о чувствах говорящего, но и начинает их

переживать. В любом случае, для описания изменения эмоционального состояния слушающего необходимо разработать специальный метаязык, несводимый к имеющимся формам описания сигнификата значащих слов (толкований).

3. Средства активации зрительного образа

Воспроизведение эмоционального состояния выводит нас на еще один вид информации, связанный с психологическим состоянием слушающего: воспроизведение образа. Среди информации, влияющей на состояние адресата, особое место занимает чувственный (зрительный, возможно вкусовой, акустический) образ, который восстанавливается в результате всех действий распознавания [10]. Например, рассмотрим реплику из диалога:

(1) *Там дверь будет такая вращающаяся, вот туда и пойд.*

Целью этого сообщения является инструктирование слушающего, который должен найти некий объект — вращающуюся дверь в месте, где он не был. По значениям слов слушающий восстанавливает тип объекта, на основании референтных связей соотносит приблизительно представляемый объект с тем, где он находится и что с ним надо делать. Т. е. одним из результатов восприятия оказывается некий приблизительный образ, который должен возникнуть у адресата при получении сообщения.

С этой задачей связаны некоторые лексические средства. В частности, это могут быть междометия, обычно отражающие непосредственную эмоциональную реакцию и потому позволяющие представить ситуацию, где эта реакция уместна

(2) *Там дверь откроешь — фу, такая вонь,*

В какой-то мере этому способствуют некоторые усилительные указательные частицы:

(3) *А за поворотом дворик. В дворик вот въехали, остановились.*

Возможно, как-то с активизацией воображения связаны и некоторые темпорально-аспектуальные грамматические средства: Progressive в английском, актуально-длительное значение несовершенного вида в русском языке:

(4) *Когда ты пришел, я как раз додел борщ.*

(Заметим, что актуализация в примере 4 подчеркивается еще и частицей *как раз*).

Таким образом, мы можем считать, что в языке имеются специальные средства, которые уточняют результат восприятия. В частности, для активизации образа используется местоимение *такой*, привлекавшее внимание в связи с развитием новых значений.

4. Местоимение *такой*

Местоимение *такой* неоднократно описывалось и в словарях, и в отдельных работах [9; 84] [1], [2] [6], [8.] Наряду с очевидным значением «отождествления по свойствам»

(5) *Он тоже такой,*

отмечались и производные значения – интенсификации:

(6) *такой сильный!*

Неопределенности:

(7) *Ну такой компактный что ли.*

Отмечено и относительно недавнее, еще не вполне кодифицированное употребление для маркировки говорения как бы от чужого имени:

(8) *А я такая: не знаю я ничего.*

Интересующее нас употребление, когда *такой* используется для упоминания о свойствах, но их не называния, тоже присутствуют в описаниях :

(9) *Оно (эхо), отражаемое сводчатым потолком трактира, плавало в его пахучем воздухе и, густое такое, лезло в уши. (Максим Горький).*

В этом примере из словаря употребление слова *такое* связывается с усилительным значением. Однако постпозиция, не характерная для интенсификации, позволяет предположить, что здесь оно призвано заставить вспомнить или вообразить, как можно представить звук густым.

Как правило авторы отмечают, что употребление местоимения *такой* в устной речи гораздо шире, чем в письменной. Вне передачи чьих-то слов в письменной речи *такой* используется

для отождествления Он такой, как все, интенсификации. Возникают такие серьезные проблемы, что приходится отказываться. Гораздо реже встречается употребление, свойственное скорее для устной речи: интересующее нас побуждение к воображению какого-либо предмета. Однако есть и исключения, см. пример 9. Такая предпочтительность может быть связана с тем, что актуализация образа оказывается важна именно при непосредственном общении, когда это позволяет заменить более подробные описания.

Выводы

Обращение к плану содержания в деятельностном подходе к языку в целом и в грамматике в частности показывает, что использование представления содержания через обращение к сигнификатам не вполне удовлетворяет задачам описания восприятия сообщения слушателем. В частности, при таком описании не удастся отразить изменение его эмоционального состояния. Немало средств — междометия, частицы, местоимения, а возможно, и видовременные формы демонстрируют, что происходит и изменение когнитивного состояния, возникновение в воображении каких-либо образов. В частности, одним из маркеров апелляции к воображению, точнее — к возникающему в нем образу объекта описания можно считать местоимение *такой* — в одном из значений.

Наличие связи с воображением, особенности отражения в нем образом, соответствующих представлениям носителей языка следует проверять с использованием аппарата психологии. Тем не менее, устанавливаемая связь между образным отражением и специальными средствами языка, на это указывающими, показывает перспективность усилий по введению в рассмотрение такого способа структурирования содержания вербального сообщения. И следует отметить, что внимание к этой проблеме возникло благодаря обращению к грамматике слушающего: действиям адресата при восприятии текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Тождество и подобие / Н. Д. Арутюнова // Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. — Москва : Институт языкознания АН СССР, 1990. — С. 10–11, 13–14, 18–21, 32 (детальное описание).
2. Богуславская, О. Ю. Словарная статья местоимения *такой* / О. Ю. Богуславская // Апресян, Ю. Д. Семиотика и информатика. Вып. 32 : Материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка (образцы словарных статей). — Москва : ВИНТИ, 1991. — С. 42–54.
3. Бондарко, А. В. Функциональная грамматика / А. В. Бондарко. — Ленинград : Наука, 1984. — 136 с.
4. Борисова, Е. Г. Отражение коммуникативной организации высказывания в лексическом значении / Е. Г. Борисова // Вопросы языкознания. — 1990. — Т. 48, № 4. — С. 351–364.
5. Борисова, Е. Г. Грамматика слушающего : прогнозирование понимания связного текста и способы его коррекции / Е. Г. Борисова // Вестник МГПУ. Русистика и компаративистика. — 2021. — № 15. — С. 262–277. — URL: <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.15>.
6. Гришина, Е. А. О маркерах разговорной речи (предварительное исследование подкорпуса кино в Национальном корпусе русского языка) / Е. А. Гришина // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : труды Международной конференции «Диалог'2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2007 г.).
7. Зализняк, А. А. Русское именное словоизменение / А. А. Зализняк. — Москва : Наука, 1966.
8. Лауфер, Н. И. От образа к подобию / Н. И. Лауфер // Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка. Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. — Москва : Институт языкознания АН СССР, 1990. — С. 108.
9. Сатюкова, Д. Н. Особенности функционирования местоимения *такой* в устной разговорной речи / Д. Н. Сатюкова, М. Д. Воейкова // Труды ИЛИ РАН. — Санкт-Петербург, 2010. — Т. VI, ч. 2. — С. 184.
10. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 824 с.

ЖЕНЩИНА И ДАМА: СЛОВА ДВА, А КОНЦЕПТОВ?

Горбунова Л. И.

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

Аннотация. В статье исследуется соотношение синонимов, традиционно квалифицируемых как средство вербализации одного и того же концепта, с номинируемым ими ментальным образованием. Ставится под сомнение, что всегда и все члены синонимического ряда входят в номинативное поле одного концепта. Для доказательства гипотезы проанализированы реакции на стимулы *женщина* и *дама*, зафиксированные в «Русском ассоциативном словаре». Реакции сгруппированы в соответствии с типами информации, отраженными в них: понятийно-логическая, образная, аксиологическая. Доказано, что *женщина* и *дама* называют разные концепты, так как выявлены существенные различия в структуре концептов.

Концепт **женщина** структурно сбалансирован с некоторой доминанцией понятийно-логической составляющей. В структуре концепта **дама** выделяется образный компонент.

Отличия наблюдаются и в содержании всех составляющих концептов. Все составляющие концепта **женщина** подробно и амбивалентно характеризуют концептуализируемую область, включают разнообразные признаки, сформированные на основе чувственного и эмоционального восприятия. Понятийные, образные и ценностные характеристики отражены в повторяющихся реакциях, что говорит об общественном характере ядра концепта.

Понятийно-логическая и аксиологическая составляющие концепта **дама** бедны как в количественном, так и качественном отношении и представлены чаще индивидуальными реакциями. При этом образная составляющая концепта **дама** имеет два отчетливо выделяемых источника — прецедентные тексты и карточная игра — и базируется исключительно на перцептивных признаках.

Ключевые слова: концепт, синонимы, русский язык, женщина, дама, ассоциации, концептуальный анализ.

WOMAN AND LADY: TWO WORDS, BUT HOW MANY CONCEPTS?

Gorbunova L. I.
Irkutsk State University
Irkutsk, Russia

Abstract. The article examines the relationship between synonyms, traditionally qualified as a means of verbalization of the same concept, and a mental unit which is nominated by these synonyms. It is questioned that always and all members of the synonymic series are included in the nominative field of one concept. To prove the hypothesis, the reactions to the stimulus *woman* and *lady* recorded in the “Russian Associative Dictionary” are analyzed. Reactions are grouped according to the types of information reflected in them: conceptual-logical, figurative, axiological. It is proved that *woman* and *lady* call different concepts, because significant differences in the structure and in the content of concepts are revealed.

The concept **woman** is structurally balanced with some dominance of the conceptual-logical component. A figurative component stands out in the structure of concept **lady**.

Differences are also observed in the content of all components of the concepts. All components of the concept **woman** characterize the conceptualized area in detail and ambivalently, include various signs formed on the basis of sensory and emotional perception. Conceptual, figurative and value characteristics are reflected in repeated reactions, which indicates the nationwide nature of the core of the concept.

The conceptual-logical and axiological components of the concept **lady** are poor both in quantitative and qualitative terms and are more often represented by individual reactions. In addition, the figurative composition of the concept **lady** has two clearly distinguished sources – precedent texts and a card game — and is based solely on perceptual signs.

Key words: concept, synonyms, Russian, woman, lady, associations, conceptual analysis.

Введение

Концепт является одним из ключевых терминов антропоцентрической парадигмы в языкознании, а концептуальный

подход доказал продуктивность лингвистических исследований через выявление содержания концепта, вербализованного средствами конкретного языка. Количество работ, использующих данный вид анализа, продолжает расти.

Однако несмотря на такое огромное количество публикаций, целый ряд теоретических вопросов остается вне поля зрения когнитивистики. Например, практически нет работ, в которых бы не только решался, но и ставился вопрос о том, вербализуют ли синонимы один и тот же концепт. Результаты решения этого теоретического вопроса определяют несколько важных практических последствий: каково содержание определенного концепта, количество выявленных концептов, вербализуемых конкретным языком, и самое важное, характеристики всей концептуальной системы, на фоне которой интерпретируются языковые выражения.

Указанная проблема соотношения концепта и синонимического ряда обусловлена тем, что в ходе становления концептуального анализа была разработана методика экспликации содержания концепта, в которую наряду с другими видами исследовательских приемов включено изучение семантики синонимов основного имени концепта. Это априори подразумевает, что все члены синонимического ряда именуют один концепт. Количество исследований, использующих данный прием, труднообозримо. В качестве примера приведем авторитетную работу З. Д. Поповой И. А. Стернина «Когнитивная лингвистика», рекомендуемую в качестве учебника для вузов, где указываются некоторые синонимические ряды как средства вербализации одного и того же концепта, например, *метель, пурга, вьюга, поземка, буран; руководитель, босс, начальник, шеф; друг, приятель, товарищ, кореш, дружка, не разлей вода* [6].

В [6] также предлагается изучить как ядро номинативного поля концепта **женщина** ряд *женщина, лицо женского пола, баба, дама, телка, тетка, слабый пол, дочь дьявола* [6: 93]. Указанная теоретическая позиция реализована при подборе мате-

риала для анализа концепта **женщина**, например, [3; 8; 9]. Однако имеются крайне редкие работы типа [2], где реализован другой подход к соотношению синонимов и концептов. Здесь в результате направленного ассоциативного эксперимента автор приходит к выводу, что «**женщина** и **баба** являются близкими, но разными концептами [2: 13].

Методы. Решая подобную теоретическую проблему, выберем для анализа из синонимического ряда только два слова *женщина* и *дама*, т. к. они являются стилистически и эмоционально-экспрессивно нейтральными, что позволит не учитывать прагматическую специфику информации, закрепленной за каждым из слов. Для сопоставления информации, которую имеет в виду говорящий, употребляя слова *женщина* и *дама*, выберем анализ ассоциаций на эти слова-стимулы из «Русского ассоциативного словаря» [7]. Сгруппируем ассоциации, соотнеся их с тремя традиционно выделяемыми компонентами в структуре концепта: понятийно-логическим (информационно-фактуальный компонент), образным (перцептивные, метафорические характеристики, поддерживающие концепт в сознании) и аксиологическим (ценностные, значимостные, оценочные характеристики) [1; 4].

Результаты. Если рассматривать зафиксированные ассоциации со словами *женщина* и *дама* в аспекте соотношения с названными тремя составляющими концепта, то здесь наблюдается следующая картина.

Понятийно-логическая составляющая

Женщина. Все понятийно-логические компоненты, закрепленные семами лексического значения слова *женщина*, полно представлены достаточно частотными ассоциациями. Доминируют компоненты 'гендер' как 'совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола' и '**пол**' как 'совокупность признаков организма, обеспечивающих размножение, по которым различаются мужские и женские особи'. Именно эти признаки лежат в основе словарных дефиниций

значений слова 'лицо, противоположное по полу мужчине' и отражаются 16 % всех ассоциаций (мужчина 71¹ и мужчина 5, мужик 1, и любовь 5, обнаженная 2, трахаться 1, трахнуть 1) и 'лицо женского пола как воплощение определенных свойств, качеств' (мать 36, мама 3, с ребенком 5, ребенок 3, материнство 1, беременность 1, имеющая детей 1, девушка 4, баба 2, сестра 2, девочка 1, одинокая 1, всего около 12 %).

Только с женщиной ассоциируется род занятий, профессия (т. е. социальные роли): деловая 5, которая поет 4 + поет 2 + поющая 1, врач 3, гинеколог 1, следователь 1, работяга 1, труженица 1, учитель 1 — 3,8 %.

Еще один компонент, закрепленный в лексическом значении и отраженный ассоциативно 'состоящая или состоявшая в браке', оказался на периферии понятийных представлений о женщине (жена 6, замужем 1, кольцо 1 — около 1,5 %). Кроме того, реакции отражают и знания, закрепленные интегральной семьей значения слова *женщина* 'человек' (человек 4 + человек женского пола 1 — около 1 %).

Также количество ассоциаций отражает то, что понятийная составляющая включает значимый компонент 'возраст', не отраженный в словарях, но важный для опознавания концепта): молодая 11, старая 1+ старая 2, пожилая 5, возраст 1, в возрасте 1, все особи женского пола старше 25 — 4 %.

Таким образом, понятийно-логическая составляющая концепта отражена в примерно в 40 % всех реакций, что свидетельствует о существенной роли данной составляющей в структуре концепта.

Дама. Реакции на стимул *дама* также достаточно полно отражают содержание соответствующего понятия:

'лицо женского пола' — женщина 8 (вторая по частотности ассоциация),_лицо женского пола 6, голая 1, мужик 1 (15 %);

¹ Здесь и далее индекс возле слова означает количество данных реакций.

‘женщина или девушка по отношению к своему кавалеру’ – сердца 3, кавалер 1 (3,7 %);

‘женщина, принадлежащая к состоятельному или интеллигентному кругу’ — светская 2, джентельмен 1, из высшего общества 1, леди 1, мадам 1, мадемуазель 1 (6,5 %);

‘женщина, состоящая или состоявшая в браке, в отличие от девушки’ — девушка 1 (0,9 %);

‘возраст’ — возраст 1, молодая 1, старая 1 (2,8 %);

‘имеющая детей’ — мама 1 (0,9 %).

Всего около 30 % от всех ассоциаций.

Обращает на себя внимание количественный фактор: с компонентами понятийно-логической составляющей **дама** практически всегда за редким исключением связаны единичные ассоциации, что свидетельствует, с одной стороны, о периферийном статусе в структуре концепта понятийно-логической составляющей, а с другой, о достаточно индивидуализированном характере понятия **дама**. При этом самыми частотными являются ассоциации с компонентом ‘пол’. Реакции этого типа составляют около 15 % от всего количества реакций.

Образная составляющая концепта — это «доступная для восприятия метаморфоза первичной действительности, т. е. образ представляет собой целостность, состоящую из чувственно воспринимаемой, иконической или изобразительной оболочки и содержания, включающего идейный и эмоциональные аспекты» [Культурология 20 век, 1998, с. 322]. Реакции, эксплицирующие образную составляющую концепта, наиболее разнообразны.

Женщина. Широко представлены в реакциях следующие аспекты образа женщины:

Общее впечатление от восприятия женщины отражено в словах-реакциях, значение которых называет как перцептивное, так и эмоциональное впечатление: прекрасна 3+ прекрасная 3 (‘очень хороший’ и ‘очень красивый’), привлекательная 6 (‘привлекающий к себе какими-л. качествами, свойствами’ и ‘красивый, миловидный’), приятная 3, интересная 5, загадка 3

+ загадочная 2, очаровательная 1 + очарование1, усталая 2, ослепительная 1, цветок 1, кошка 1 — всего около 6 %.

Внешность представлена полно и разнообразно, но явно доминирует признак 'красота' (красивая 66 — вторая по частотности ассоциация + красота 10, + красавица 2, + красива 2), к которому примыкает признак 'элегантная' 4. Называются также конкретные признаки красивой женщины: длинноногая 1, ноги 1, длинные волосы 1. Однако есть и единственная реакция, в которой отражен противоположный образ — крокодил 1. Амбивалентно вербализован и признак 'комплексия': полная 3 + толстый 2 / стройная 1, хрупкая 1, высокая 1, модель 1 – всего около 19 %.

Представления о внутренних качествах не ограничиваются безусловно положительными (добрая 7 + доброта 1, обаятельная 4, нежность 2 + нежная 1, душа 2, ласковая 1, гордая 1, веселая 1) или безусловно отрицательными (вредная 1, легкомысленная 1, наездница 1, скандал 1, зверь 1, змея 1, потаскуха 1, проститутка 1, падшая 1). Имеются и следующие реакции: обольстительница 1, отчаянная 1, шипы 1, темпераментная 1, без комплексов 1, кокетка 1, болтовня 1, строгая 1. Всего около 7 %. Стоит отметить, что негативные качества отражены только в единичных реакциях.

Амбивалентно представление об интеллекте женщины: умная 8, мудрая 4 / глупая 2, дура 2, все глупы 1. Но все же признаки 'ум' и 'мудрость' доминируют (12 реакций против 5). Всего 3 %.

Реакции, отражающие одежду и аксессуары женщины, единичны и отсылают к бытовой жизни: сумки 1, магазин 1, с сумками 1, в голубом 1, в красном 1, в платке 1, платье 1, туфли 1, с цветами 1, с цветком 1. Выделяются реакции *в белом* 12 и в *черном* 2, которые, видимо, отражают стереотипные представления о женщине-невесте и женщине в трауре. Всего около 5 %.

Образ дамы отражен в реакциях следующих типов:

Общее впечатление (красивая 4, видная 1, модная 1, прекрасная 1, солидность 1, цивилизная 1), физический облик (толстая 1), внутренний качества (строгая 1), аксессуары (с собачкой 22 +

собака2 + собачка 2 + с собакой, в шляпе 3 + в шляпке 1+ шляпка 1, с камелиями 4, в черном 3, веер 1, перчатки 1, платье 1, с вуалью 1, с пером 1).

Кроме того, целостный образ дамы зафиксирован в ассоциациях, соотносимых с одним из словарных значений слова *дама* 'третья по старшинству игральная карта с изображением женщины': пик 4, буби 2, валет 2, карта 1, масть 1, карта 1, козырная масть1, козырная 1. Это самая частотная группа ассоциаций, отражающих образ **дамы**.

Сопоставление реакций, эксплицирующих образ **женщины** и **дамы**, позволяет сделать следующие выводы.

Образная составляющая **женщина** разнообразна, представлена широким спектром характеристик как внешности, так и внутренних качеств. Образ женщины следует квалифицировать как хорошо сформированный, полный, симметричный.

Данная квалификация получает особую значимость при сопоставлении с ассоциациями с образом **дамы**, который передан в основном единичными реакциями, отражающими общее положительное впечатление. Более конкретных представлений, связанных с душевными, психологическими, умственными и даже внешними характеристиками, практически не встречается. Отчетливо сформированной выглядит та часть образа, которая представлена не внешностью самой дамы, а предметами, принадлежащими ей. Именно эта часть образа отражена повторяющимися ассоциациями, причем отсылают они к представлению о женщине, не связанной с обыденной жизнью. Несомненен и культурный генезис образа, сформированного прежде всего произведениями искусства. Итак, образ **дамы** связывается только с внешними признаками, которые безусловно доминируют в структуре всей образной составляющей, несимметричность которой подчеркивается еще и значимостью атрибутивной стороны образа, которая настолько актуальна, что закреплена в одном из словарных значений существительного *дама*. Образная составляющая доминирует в структуре концепта: реакции такого рода составляют около 63 % от всех реакций на стимул *дама*.

Аксиологическая составляющая концепта включает информацию об отношении к концептуализируемому фрагменту действительности, о месте, отводимом последнему в жизни языкового коллектива.

На стимул женщина очень частотны реакции прямой оценки — 5 % от всех реакций: любимая 6, любовь 5, святость 2, хорошая 2, змея 1, исчадие 1, зло и счастье 1, стерва 1, тварь 1, великолепная 1, идеальная 1, изумительная 1, истина 1, каторга 1, моей мечты 1, жаль 1, это прекрасно 1. Среди них 21 положительная реакция, 6 отрицательных и 1 амбивалентная.

Ценностность можно усмотреть также и в реакциях, сочетающих в значении образные и ценностные характеристики, например, милый '1) Располагающий к себе; славный, хороший, симпатичный'; '2) Приятный на вид, доставляющий удовольствие'; '3) Близкий сердцу, любимый, дорогой (о человеке)'.

Такого рода реакции называют либо качества, считающиеся положительными (166), либо отрицательными (11), а также роли по отношению к опрашиваемому (друг 2, друг человека 1, моя 1), среди которых только положительно оцениваемые. Таким образом, к положительной зоне аксиологической шкалы концепт **женщина** относят 36 % от всех реакций, к отрицательному 3 %, амбивалентно оценен концепт в 0,2 % реакций, что позволяет говорить об амбивалентности ценностного компонента концепта **женщина** с существенной доминацией положительной зоны. Количественные и качественные характеристики позволяют квалифицировать аксиологическую составляющую **женщина** как хорошо сформированную.

Среди реакций на слово *дама* обнаружены всего 4 одиночных (любимая, милая, прекрасная, сердца) с общеоценочным смыслом. Ассоциации, эксплицирующие образ дамы, преимущественно одиночные и связаны исключительно с положительными смыслами (красивая 4, видная 1, модная 1, прекрасная 1, солидность 1, цивильная 1). Данные факты говорят о периферийности аксиологического компонента в структуре концепта

дама, несмотря на то, что семы, связанные с выражением отношения, входят в состав словарно зафиксированного значения слова *дама* 'женщина (обычно с оттенком почтительности)'

Выводы. Ментальные образования **женщина** и **дама** следует признать разными концептами.

1. В ходе анализа реакций на стимулы *женщина* и *дама* было обнаружено существенное расхождение в структуре концептов — симметричность концепта **женщина** и явная доминанция образного компонента концепта **дама** (см. табл. 1):

Таблица 1

Количество реакций, отражающих компоненты концепта ¹			
	понятийно-логическая составляющая	образная составляющая	аксиологическая составляющая
женщина	40 %	40 %	39 %
дама	30 %	63 %	12 %

Анализ семантики наиболее частотных ассоциаций также подтверждает этот вывод. Показательными представляются различия в **структуре ассоциативных полей**. В поле *женщина* центральные, наиболее частотные ассоциации отражают понятийно-логическую составляющую концепта: прямые отсылки к признаку 'пол' (мужчина 71 – самая частотная + и мужчина 5), и 'рождение и воспитание детей' (мать 36, мама 3, с ребенком 5, ребенок 3 материнство 1, беременность 1, имеющая детей 1). Кроме того, значимым является признак 'красивая', который можно отнести как к проявлению образной составляющей, так и аксиологической: красивая 66 (вторая по частотности) + красота 10 + красавица 2, красива 2. Частотные ассоциации к *дама* отсылают к образной составляющей, сформированной на осно-

¹ Общее количество процентов превышает 100 %, т. к. некоторые реакции следует признать отражающими несколько компонентов концепта.

ве литературы (с собачкой 22 + собачка 2+ собака 2; пиковая 6 + пик 4, с камелиями 4).

2. Содержание каждой из составляющих концептов существенно различается.

3. Женщина определяется по ее половым и гендерным признакам, представленным полно и в повторяющихся ассоциациях. Содержание понятия **дама** тоже включает признак 'пол', однако в самом общем виде, без отсылок к конкретным отличиям от мужчин. Признак 'гендер' представлен, но другими социальными ролями 'отношение к кавалеру' и 'принадлежность к высшим кругам'. Ассоциации, вербализующие признаки, частотные для понятия **женщина** ('возраст', 'материнство' 'замужество'), с понятием **дама** единичны. Таким образом, ядро понятийно-составляющей концепта **женщина** можно охарактеризовать как общенародное, а концепта **дама** — как индивидуальное.

4. Образная составляющая концепта **женщина** включает признаки, характеризующие его с разных сторон, причем это признаки как положительные, так и отрицательные, с явной доминацией положительных. Положительные черты образа являются общенародными, а отрицательные — индивидуальными. Образ включает как характеристики, опирающиеся на перцепцию, так и на эмоции опрашиваемого.

Образная составляющая концепта **дама** имеет два отчетливо выделяемых центра — прецедентные тексты и карточная игра — и базируется исключительно на перцептивных признаках.

5. Аксиологическая составляющая концепта **женщина** включает как общую оценку, так и широкий спектр конкретных признаков, указывающих на место женщины в картине мира носителя русского языка. Индивидуальные реакции соотносят концепт как с положительной, так и с отрицательной зоной аксиологической шкалы, а повторяющиеся реакции в основном с положительной зоной, что говорит о доминации в общенародной ценностной шкале положительной зоны.

Аксиология концепта **дама** бедна как в количественном, так и в качественном отношении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2004. — 192 с.
2. Досимова, М. С. Сравнительно-сопоставительный анализ концептов «женщина» и «баба» / М. С. Досимова // Гуманитарные исследования. — 2015. — № 2 (54). — С. 10–14.
3. Каминская, А. Ф. Концепт «женщина» в русских антипословицах / А. Ф. Каминская, А. В. Муvaraкова // Славянская фразеология и паремиология в языке и речи. — Гомель, 2020. — С. 99–104.
4. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва : Перемена, 2004. — 477 с.
5. Культурология. XX век. Энциклопедия. — Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. — URL: <http://yanko.lib.ru/books/encycl/cultXXall1&2volumes.htm> (дата обращения: 23.05.2023).
6. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ : Восток-Запад, 2007. — 314 с.
7. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка : в 3 ч., 6 кн. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов [и др.]. — URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 20.05.2023).
8. Соловьева, Н. С. Отражение гендерных стереотипов в словаре антипословиц русского народа / Н. С. Соловьева // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2009. — № 2(24). — С. 45–49.
9. Черкесова, З. В. Эволюция концепта «женщина» в паремиологии и фразеологии русского языка // Современные исследования социальных проблем. — 2017. — № 3. — С. 153–161.

СЛОВО ГОДА КАК ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Разумкова Н. В.

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
Цюйфуский педагогический университет, Цюйфу, Китай

Аннотация. Статья посвящена изучению роли проекта «Слово года» в картине мира современного общества. Рассматриваются теоретические вопросы, связанные с данной темой; указаны особенности семантики и функционирования «лексемы-победительницы» в современном русском языке. В качестве сопоставительного фона к анализу привлекались данные из английского, китайского, немецкого и французского языков. Цель — выявить сущность феномена «Слово года» с учетом социально-культурных факторов. Круг затронутых в статье проблем касается осознания конструктивной силы вербального символа года, обеспечивающего успешность в межкультурной коммуникации, понимаемой в антропологическом ключе как творческое отношение к языку. Материал, полученный из сопоставления языков, может быть использован в иностранной аудитории на практических занятиях по русскому языку.

Ключевые слова: вербальный символ, лингвистическая культура, международный проект «Слово года», русский язык, сопоставительный подход, социально-культурный феномен, языковая картина мира.

WORD OF THE YEAR AS A GLOBAL LANGUAGE CULTURAL PHENOMENON (COMPARATIVE ASPECT)

Razumkova N. V.

Tyumen State University, Tyumen, Russia
Qufu Normal University, Qufu, China

Abstract. The article is devoted to the study the role of the project «Word of the year» in the picture of the world in modern society. Theoretical issues related to this topic are considered; the features of the semantics and functioning of the «lexeme-champion» in the modern Russian language are indicated. Data from English, French, German, and Chinese languages used as a comparative material for the analysis. The purpose is to reveal the essence of the phenomenon, taking into account language social cultural factors. The range of problems raised in the article concerns the awareness of the constructive power of the year verbal symbol, which ensures success in intercultural communication, understood in an anthropological key as a creative attitude to language. The material obtained from the comparison of languages can be used in a foreign audience in practical classes in the Russian language.

Key words: verbal symbol, linguistic culture, international project «Word of the year», Russian language, comparative approach, social cultural phenomenon, language picture of the world.

Введение. С древнейших времен жизнь человека — это мир слов и текстов. Вера в СЛОВО (Книгу Бытия) остается непоколебимой и в эпоху информационных технологий. Подтверждением тому является ежегодно проводимая международная акция «Слово года». Выбор вербального символа проходит на всех континентах. Возникновение и развитие проекта, ставшего регулярным с 1977 г., связано с Германией, где в 1971 г. впервые было определено Слово года [2: 82].

Актуальность изучения «языковой хроники» очевидна, так как дает понятие о течении лингвистического времени. Подведение итогов календарного года имеет целью выявление самой популярной языковой единицы, волнующей общество в течение определенного срока. Приоритетное слово, используемое в разных дискурсах (политический, социальный, экономический), в зависимости от того, что привлекает наибольшее внимание людей в той или иной стране, предоставляет возможность определить направление социально-культурного развития общества. Слово года подобно «капсуле времени»: оно

оставляет печать на событиях, сохранившихся в памяти языкового коллектива в виде «кратчайшего итога» важнейших процессов, которые произошли за последние двенадцать месяцев.

В статье предпринята попытка рассмотреть Слово года в аспекте социально-культурных характеристик обозначенного периода на примере пяти языков (русский, английский, немецкий, французский, китайский). Считаем необходимым отметить, что заявленная тема обсуждалась с деканом факультета русского языка Цюйфуского университета — Тянем Шоусинем, который прояснил некоторые моменты в контексте выбора вербального символа 2022 года в китайском обществе.

Решались следующие задачи: проследить, каким образом номинированная единица языка отражает представления народа о прошедшем годе; определить, в какой степени эти представления зависят от самого народа и того исторического опыта, который вложили поколения в семантику данной лексемы (выражения). Содержательная категория сопоставления рассматривается в пределах лексического уровня в русле лингвокультурологии с позиций семасиологического направления. Для этой цели применялись описательный и этимологический методы обработки данных в сочетании с аналитическим реферированием работ филологов, философов, культурологов [11–13].

Методология исследования. Обращение к научным публикациям по заявленной теме позволило в полной мере оценить степень ее разработанности, а также выявить некоторые лакуны. Обозревая проблематику исследований в данной области, нельзя не заметить тех общих подходов и принципов, которые учитываются во многих работах. Закономерно, что Слово года, представляющее собой разноплановый «лексический объект» [3: 48], вызывает устойчивый интерес у лингвистов и представителей других направлений гуманитарной науки. Данный социально-культурный феномен рассматривается с различных позиций. Отчетливо прослеживаются линии пересечения феномена «Слово

года» с такими понятиями, как ключевые слова и приближающиеся к ним по своей сути концепты, а также неологизмы. Отмечается, что основное отличие Слова года от выше указанных понятий — его кратковременная популярность: ведь каждый новый год приносит другие события и проблемы, меняющие вектор общественного внимания. Допускается, что Слово года может стать концептом, «если обозначает важнейшие для конкретной страны изменения в системе ценностных ориентаций и морально-этических предпочтений» [7: 148]. В роли Слова года выступают единицы из разных речевых сфер и стилей. Заметно стремление лингвистов найти ответ на правомерный вопрос, по какой причине отдельные слова (выражения) ярко выделяются и становятся приоритетными на конкретном отрезке времени, по сравнению с другими отрезками времени. Утверждается, что история фиксации и описания Слова года имеет непосредственную связь с лексикологией, фразеологией, стилистикой, синтаксисом, психолингвистикой, текстологией, коммуникативной лингвистикой. Значение самой популярной лексемы года отличается от любой языковой единицы социально-культурным «довеском», который и придает ей особую привлекательность в информационном пространстве национального языкового коллектива [6]. Высказывается мысль о необходимости выделения опознавательных признаков Слова года. Лексика, повернутая внешней стороной к обществу, требует к себе особого внимания со стороны исследователей в плане обнаружения показателей ментальных предпочтений в зависимости от политической обстановки и культурно-исторической среды. В парадигму Слов года принимаются те лексемы, которые следует воспринимать как «смысловое образование», отражающее национальную культуру с ее системой морально-этических ценностей. Думается, большой интерес исследователей к акции «Слово года» тесно связан с проблемой использования языка как инструмента социального воздействия на индивида и на социум в целом, поэтому приобретает актуальное значение в период столкновения глобализационных

и национально-политических процессов. Ученые анализируют и сопоставляют слова в их взаимосвязи с историей, культурой, религиозными, национальными и политическими традициями народов. Характеристики титулованного слова года разрабатываются на материале языков, имеющих высокий коммуникативный ранг [4]. Усилия лингвистов концентрируются на описании факторов активизации слова-претендента на роль вербального символа в определенных геополитических условиях. Вопросы магии слова в рекламе и пропаганде, значимость лексики в создании стереотипов, используемых в борьбе оппозиционных сил внутри страны, политическая корректность и толерантность — это те основные линии, актуализирующие социально-культурные факторы индикации приоритетной лексики года [3].

Подводя итог проведенному обзору, хотелось бы ещё раз отметить ценность изученных материалов, которые вносят свои коррективы в трактовку проблем не только лингвистики, но и в методику преподавания русского языка, дают достаточно глубокое понимание общественно-политических и культурно-исторических процессов, происходящих в мире.

Обсуждение результатов исследования. Социально-культурный феномен «слово» имеет особое значение в картине мира русского человека. Русское слово совмещает в себе грамматическое и лексическое значения, осложненные дополнительно словообразовательным значением. Согласно справедливому утверждению А. Ф. Лосева, «слово – это орудие общения с предметами и арена интимной и сознательной встречи с их внутренней жизнью» [5: 642]; Кроме того, «слово поднимает умы и сердца, пробуждает сознание, волю, глубину чувств, делает слабого человека героем, нищенское существование — титаническим прорывом» [5: 746]. Оно является материально-духовной основой культурной среды, в которой формируется личность. В слове люди общаются между собою, независимо от профессий, взглядов и убеждений, выражают свои мысли и чувства.

Государственный институт русского языка имени им. А. С. Пушкина ежегодно подводит итоги исследования в рамках

проекта Слово года. Так, в 2021 году первое место по частоте употребления в русском языке принадлежало лексеме *спутник*. На год раньше, в 2020 г. лидерами были лексемы *самоизоляция* и *обнуление*. Однако, недавно господствующая тема пандемии (*антитела, антиваксеры, вакцинация, QR*) целиком ушла. Слово же 2022 года в России признано существительное *наследие*.

Эксперты Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина, изучив статистические данные поисковых сервисов Wordstat.yandex, «Медиалогии», «Интегрум», 21 декабря 2022 в 16:57 опубликовали рейтинг слов на странице вуза «ВКонтакте». По их мнению, слово, победившее в лингвокультурологическом конкурсе, обладает «позитивным звучанием» и «общественной поддержкой», а также привлекательной семантикой. В соответствии с поставленной целью, эксперты исключили слова-претенденты, связанные с политической и милитаристской тематикой. Релевантным в списке номинантов на вербальный символ года следует считать *наследие*. Лексема содержит существенные признаки, которые дифференцируются на фоне других лексических единиц, а именно – высокая степень повторяемости слова в тексте, частотность употребления; способность языкового знака конденсировать и свертывать информацию. По данным «Медиалогии», в 2022 году опубликовано более миллиона сообщений, в которых функционировало слово *наследие*. Содержательная лингвистическая экспертиза публикаций показала, что обращение к историческому и культурному наследию страны приобретает в минувшем году особую значимость и достигло пика употребления, в силу того, что это *наследие* неоднократно звучало в речи Президента РФ и других первых лиц государства на крупных мероприятиях.

Бесспорно, за каждой единицей языка стоит конкретный культурно-исторический фон, который позволяет соотнести языковую структуру с определенным смыслом, закодированным рядом способов (семантический, герменевтический, символический). В словарной статье *наследие* имеет помету “книж-

ное” [8: 403]. Как явление духовной жизни, быта, уклада, воспринятое от прежних поколений, *наследие* особенно показательно для русской культуры в настоящее, очень беспокойное время. Корень «след» в основе лексемы имеет этимологическую близость со словами «грань», «знак», «указание», которая прочитывается без особых сложностей [10: 174]. «Лицо» Слова года раскрывает глагол «наследовать», буквально означающий «идти следом». Содержание данного процесса удваивается, благодаря рефлексии и концептуализации за счет индивидуально-творческого видения человека. Прошлое продолжает длиться и поэтому не уступает по своей реальности настоящему. На этом представлении основан культ предков. Соблюдаемые обычаи и традиции увековечивают прошлое, господствующее в настоящем. Потомки, живущие после предков, получают материальные и духовные плоды своих предков по их стопам, по их следам. Традиционно люди предпочитают движение вслед за харизматичным предводителем (кто выдвинулся вперед). Ведь только смелым и благородным личностям свойственно оставить яркий след в жизни. Интересно, что в русском языке пространственный признак «впереди» связан также и с явлениями прошлого (предок, предшественник — идущий впереди шествующего, кто был раньше по времени). Поэтому и существует явление *наследие*.

Наследие образует устойчивые словосочетания, отображает ход истории и является важным репрезентантом социальных, политических, экономических и культурных событий современности. Максимально семантический и ассоциативный потенциал реализуется в словосочетании *культурное наследие* — часть материальной и духовной культуры, созданной прошлыми поколениями и передающаяся будущим поколениям как самое ценное и почитаемое. Частотность употребления словосочетания достигло пика за прошлый год и «работает» на такие концепты, как «историческая память», «народное достояние», «национальная идентичность», «преемственность поколений».

Обращение к духовному наследию представляется чрезвычайно необходимым в период, когда девальвируются нравственные ценности. Основополагающие константы русской духовной культуры — красота и польза. Постоянные эпитеты, воплощенные в текстах фольклора и классической литературы, сохраняют равенство предикатов для духовного мира русского человека (*добрый молодец, красная девица*). Духовность подразумевает стремление каждого человека стать более совершенной личностью. К *духовному наследию* относятся пословицы и поговорки о гарантах нравственной чистоты народа — стыде и совести (*В ком стыд, в том и совесть*). Ведь только в русских пословицах совести сопутствует стыд – внутреннее чувство, которое появляется вследствие оценки своих поступков и называется «суд совести». Уважение к *духовному наследию* является главным показателем жизнестойкости нации.

Зарубежные организации также занимались поиском слова 2022 года. Так, британский словарь английского языка CollinsEnglishDictionary символом года выбрал гибридное слово *permacrisis* «пермакризис», «склеенный» из греко-латинских элементов. Прилагательное *permanent* производно от латинского глагола *permaneo* («остаюсь», «продолжаю» [9: 463]). Греческое существительное *crisis* («разбирательство», «приговор», «решительный исход» [1: 732]) описывает сложную ситуацию, которая заставляет человека переосмыслить действительность в момент, после которого возможна либо победа, либо поражение. Данный неологизм, означающий «продолжительный период нестабильности и небезопасности» лаконично характеризует ушедший год, в котором сошлись вместе деструктивные тенденции (политическая напряженность, климатические проблемы, инфляция etc), провоцирующие беспрецедентные метания в обществе в ожидании губительной трансформации бытия. Лишенный опоры мир становится пугающе зыбким.

Примечательно, что Словом года в Китае признается *Wending* («стабильность»). В Поднебесной также ежегодно проводится лингвокультурологическое мероприятие, организованное со-

вместно Государственным центром по мониторингу и изучению языковых ресурсов и Коммерческим издательством «Шаньюиньшугуань». Проект «Отбор популярных словосочетаний года» имеет целью выяснить самое употребительное выражение. На одной из самых популярных видеоплатформ в Китае Билибили изучались самые популярные комментарии 2022 года. Для составления списков использовался алгоритм, основанный на корпусе китайских иероглифов, а окончательные результаты были подтверждены экспертами и исследователями. В перечень слов-претендентов вошли такие единицы, как «открытость», «бизнес» и «стена». Эксперты высказались за слова «налог», «5G», «парад», «модернизация», «цифровая экономика». Самым популярным словосочетанием стало выражение «XX съезд КПК» — выдающееся событие в жизни китайского общества, состоявшееся 16-22 октября 2022 г. Обладателем титула «Слово года» признано существительное *Wending* / «стабильность».

«Оксфордский словарь английского языка» выразил предпочтение сленговому выражению *goblin mode* («режим гоблина»), означающее «тип поведения, потворствующего собственным желаниям, лени, неопрятности и жадности», «с отказом следовать социальным нормам и ожиданиям». Эксперты Словаря отмечают, что выражение стало популярным в феврале 2022 года в социальных сетях после того, как во многих странах были ослаблены ограничения, введенные в связи с эпидемией COVID-19.

Американский электронный словарь *Dictionary.com* представил главным словом 2022 года общеупотребительное существительное *woman* («женщина»). Всплеск активности слова был зафиксирован в конце марта и начале апреля 2023 г., когда на должность судьи Верховного суда была утверждена сенатом США Кетанджи Браун Джексон (первая в истории страны афроамериканка на этом посту). Среди других политических событий, которые определяют выбор главной языковой единицы, следует указать отмену решения Верховного суда США по делу

«Роу против Уэйда», признававшего аборт в качестве конституционного права женщин. Кроме того, в списке наиболее значимых событий года отмечены смерть королевы Великобритании Елизаветы II и гибель 22-летней Махсы Амини в Иране после ее ареста за отказ носить хиджаб.

Лингвисты Общества немецкого языка пальму первенства отдали слову *Zeitenwende* («поворотный момент»). Это слово использовал канцлер Германии Олаф Шольц в своей речи, произнесенной 27 февраля перед бундестагом. Вторую строчку немецкоязычного рейтинга слов занимает выражение *Kriegum Freiden* («война вокруг мира»), а третью *Gaspresems* («тормоз цены на газ»). Семантика данных выражений отражает экономическую и энергетическую политику Германии: перестраиваются и кардинально изменяются отношения с международными партнерами, прежде всего, с Россией и Китаем. В умонастроении общественности произошел когнитивный переворот: усиливаются ощущения беспокойства и страха по поводу войны в Европе.

Во Франции на конкурсе Festival du Mot (Фестиваль Слова) главным Словом 2022 года объявлена лексема *guerre* («война»). 2022 год характеризуется не просто как кризисный, но сверхнапряженный в эмоциональном плане — боль, горе, чудовищное лицемерие, подлость. *Война*, по мнению французов, формирует крайне негативное ассоциативное пространство в мировосприятии человека (страдание, голод, ужас, катастрофа). Стоит заметить, что концептуальное поле войны в русской картине мира проявляется иначе. Это слово вскрывает глубочайшие смыслы в обиходном, гражданском, профессиональном сознании наших людей. Разумеется, ассоциативно-семантический ореол *войны* традиционно транслируется универсальными эмоциями «боль», «ужас», «скорбь», однако в сознании русского народа запускается понимание войны как «наитруднейшее подчинение свободы человека законам Бога» (Л.Н. Толстой «Война и мир», т. 3, ч. 3). Традиционная тема в произведениях русских писате-

лей — нравственный выбор между подвигом и трусостью, раскрывающий ценностную сторону концепта. В данной лексико-семантической области конденсируется аксиология бытия человека: «героизм», «защита родины», «самопожертвование». Качества национального характера цементируются фразеологизмами («Где смелость, там победа»), становятся ядерными для ключевых концептов русской модели мира (воля, правда, слава).

Проанализированные лексемы являются существительными, называющие актуальные события и приоритетные явления в истекшем году. Как отмечают исследователи, Слово года по своей природе не может быть объективным ввиду того, что его появление – всегда творческий процесс с учетом симпатий и антипатий членов лингвокультурного коллектива. Являясь «этикеткой» находившихся в эпицентре общественной дискуссии событий, оно репрезентирует общественное мнение и реакцию на волнующие человека проблемы. В качестве главного символа 2022 года отмечаются имеющиеся в лексиконе слова, которые приобретают новые смыслы в зависимости от национально-исторического контекста (*наследие*, *Wending*, *Women*, *Guerre*); сленговое выражение в результате осмысления культурно-социальных процессов (*goblin mode*); словосочетание, имеющее большой политический резонанс в стране (*Zeitenwende*); слово-гибрид, образованное из греко-латинских элементов (*permacrisis*).

Заключение. Анализ Слова года как социально-культурное явление в сопоставительном аспекте демонстрирует стремление общественности выбирать единицы языка, обладающие конструктивным потенциалом в условиях схождения вызовов, стоящих перед глобальным миром. Отличие в выборе номинантов на Слово года обусловлено экстралингвистическими причинами и внутринациональными проблемами, что подтверждает ситуация в России (*наследие*) и КНР (*Wending* / «стабильность»). На Западе в парадигме Слово года доминируют языковые еди-

ницы с негативными коннотациями («пермакризис», «режим гоблина», «война»). Как нам представляется, русские и китайцы — носители полноценной культуры, включающей как материальные, так и духовные компоненты. Креативные установки этих народов ориентируются на традиционные ценности, одобряемые обществом, в отличие от установок в западном социуме, где главенствует индивидуализм. Деятельность человека, включенного в национальную культуру, стимулирует у него стремление к поступательному развитию страны. В традиционной культурной среде формируется языковая личность с широким горизонтом сознания, гармоничным, доброжелательным отношением к окружающей действительности.

Подытоживая, отметим, что интерпретация «языковой хроники» позволила увидеть новые грани культурной оппозиции Запада и Востока, выявить социолингвистические особенности, теоретическую и практическую значимость интернационального проекта, а также в полной мере оценить степень разработанности данной проблемы. Происходящие социально-культурные изменения, как в отдельном языковом ареале, так и глобальном мире, связаны с особенностями развития гражданского самосознания общества. Результаты сопоставительного анализа Слова года могут быть использованы в плане изучения обновления знаний о стране изучаемого языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вейсман, А. Д. Греческо-русский словарь / А. Д. Вейсман ; Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. — Репринт V-го издания 1899 г. — Москва, 1991. — 1379 с.
2. Едличко, А. И. Главные слова года : структурно-функциональная и социолингвистическая характеристика / А. И. Едличко // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. — 2019. — № 4. — С. 80–97.
3. Иссерс, О. С. В поисках общего словаря : дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» / О. С. Иссерс // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4 (50). — С. 48–53.

4. Ларионова, М. В. Слово года как современный языковой феномен : сравнительный анализ лингвистического своеобразия (на материале русского, испанского и английского языков) / М. В. Ларионова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13. — Вып. 6. — С. 280–284.
5. Лосев, А. Ф. Бытие — имя — космос / А. Ф. Лосев ; сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. — Москва : Мысль, 1993. — 958 с.
6. Мельник, Ю. А. Социолингвистические проекты «Слово года» как источник сведений о неологических процессах в современном русском языке : автореф. ... канд. филол. наук / Ю. А. Мельник. — Омск, 2018. — 21 с.
7. Николаева, Е. В. «Слова года» как лингвокультурные концепты / Е. В. Николаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10–1 (76). — С. 154–157.
8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : АЗЪ, 1993. — 960 с.
9. Петрученко, О. Латинско-русский словарь. Репринт IX издания 1914 г. / О. Петрученко. — Москва, 1994. — 810 с.
10. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. — 2-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 1994. — Т. 1–2. — 559 с.
11. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/63a2ee339a794701dffe1b47> (дата обращения: 07.08.2023).
12. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6380a35d9a79473f7c606360> (дата обращения: 07.08.2023).
13. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/12/2022/639373a19a794733d269dccc> (дата обращения: 08.08.2023).

ПРЕПОДАВАНИЕ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

УДК 81'36:811.161.1

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ: СПОСОБЫ ЕЁ ФОРМИРОВАНИЯ

Харитонов О. В.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена описанию интерактивного занятия по русскому языку как иностранному, цель которого познакомить иностранных слушателей с историей развития русской грамматики и показать её место и роль в мировой науке с древнейших времён.

Ключевые слова: грамматика, компетенция, русский язык как иностранный.

GRAMMAR COMPETENCE OF FOREIGN STUDENTS: WAYS OF ITS FORMATION

Kharitonova O. V.

Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia

Annotation. The article is devoted to the description of an interactive lesson in Russian as a foreign language, the purpose of which is to acquaint foreign students with the history of the development of Russian grammar and show its place and role in world science since ancient times.

Key words: grammar, competence, Russian as a foreign language.

Иностранные слушатели в первый год своего пребывания в России обычно проходят обучение по программе довузовской подготовки, успешное прохождение которой даёт возможность иностранцам получить высшее образование на русском языке в российском вузе. Согласно требованиям современных образовательных стандартов стать студентом первого курса или аспирантом может иностранный слушатель, который овладел русским языком на уровне В1, а также показал положительные результаты при прохождении контрольно-измерительных мероприятий по специальным дисциплинам в соответствии со своей будущей специализацией.

Освоить русский язык в рамках сертификационного уровня В1 за довольно короткий период времени, обычно это 6- 9 месяцев, позволяет особая организация лексико-грамматического материала на коммуникативной основе. Все грамматические категории изучаются, исходя из их коммуникативной целесообразности. Концентрическая подача материала позволяет слушателям повторить пройденное, освоить новое и по аналогии создать новые высказывания. Коммуникативно-деятельностный подход к изучению иностранного языка и РКИ, в частности, является тем базовым методом обучения, который позволяет начать говорить почти с первых уроков. Очевидно, иностранным слушателям не только нет необходимости знать все грамматические категории русской грамматики в том порядке, как, к примеру, они описаны в грамматических справочниках или учебных пособиях для носителей языка, или традиционные грамматические термины и определения грамматических понятий, но это и методически не целесообразно с точки зрения правил построения коммуникативной грамматики. С другой стороны, как показывает наш опыт преподавания РКИ на подготовительном факультете, существует определённый минимум грамматических терминов, кото-

рые учащиеся осваивают, потому что их знание помогает понять то или иное правило, а также преподавателя, который исправляет ошибки в устной или письменной речи слушателя. То большое количество речевых моделей, которые осваивают иностранцы в течение первого года обучения в России, обычно приводит их к выводу о трудности русского языка и русской грамматики, а иногда и об избыточности грамматических категорий. Интересно, что программа элементарного сертификационного уровня РКИ включает почти все основные базовые понятия русской морфологии: категорию числа, рода, падежа, временно-видовую категорию глагола, категорию спряжения, разряды существительных (одушевленные — неодушевленные), разряды местоимений (личные — притяжательные), разряды предлогов (пространственные, образа действия, объектные) и т. д. При этом некоторые грамматические категории в самом начале обучения осваиваются студентами лексическим путём или путём запоминания без представления этой категории в качестве модели для высказывания. Например, категория неопределённости и её выражение в неопределённо-личных предложениях встречается буквально на первых уроках русского языка: в ситуации знакомства слушатель на вопрос, как его зовут, отвечает, что его зовут (имя). В целях коммуникативной целесообразности грамматический комментарий в этом случае неуместен, потому что структуру языка лучше изучать не последовательно, а иерархично, так как отдельные аспекты языка находятся во взаимосвязи с друг другом на всех уровнях сложности. Важность и актуальность коммуникативного подхода в обучении РКИ заключена в том, что все формы обучения русскому языку в своей основе обусловлены коммуникативной целью.

В настоящее время центральное место в методике преподавания РКИ занимает культуроведческое направление, важным стало требование не только обучать языку, но и предоставить изучающему язык набор инструментов, которые в дальнейшем помогут ему осуществлять мужкультурный диалог и выстроить межкультурные связи. Благодаря развитию информационно-коммуникационных технологий и их внедрению в образовательный процесс стало возможным разнообразить различные

виды работ в процессе обучения РКИ: перейти от работы с текстами с национально-культурными компонентами к аудиовидеоматериалам познавательной направленности.

Целью нашего исследования является описание практического занятия, посвящённого празднованию Дня славянской письменности и культуры (24 мая), на котором иностранные слушатели могли бы познакомиться не только с историей создания русского алфавита, но и узнать историю возникновения русских грамматик и грамматических терминов. На наш взгляд, лингвистическая компетенция, конечно, в определённом объёме, также необходима студентам не филологам, как и филологам общие знания, к примеру, о законах физики или химии. С одной стороны, общекультурологическая составляющая, с которой сопряжены почти все исторические знания — история зарождения русской грамматической мысли связана и с историей страны, — расширяет кругозор любого человека, а с другой — может способствовать развитию рефлексии на определённые факты и явления. На наш взгляд, краткий экскурс в историю грамматических учений, в какой-то степени, может помочь слушателям ответить на вопросы: «Почему русская грамматика такая трудная?», «Кто придумал грамматические правила?», «Почему есть грамматические термины?» и т. д., а значит, повысить интерес к изучению грамматике на уроках РКИ.

Для занятия мы выбрали темы, на наш взгляд, наиболее интересные студентам:

1. Зарождение грамматики в Древней Греции.
2. Статья «О восьми частях слова» и её роль в формировании русской грамматической терминосистемы.
3. Грамматика Доната «Ars Minog».
4. Грамматика «Адельфотис»
5. Грамматика Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого.
6. М. В. Ломоносов и русская грамматика.

Источником дидактических материалов послужило учебно-методическое пособие, созданное в соавторстве с М.В. Лысяковой, «Терминоаспекты русской морфологии (история грамматических учений)» (М.: МЭСИ, 2015).

<p>Харитонова, О. В., Лыскова, М. В. X20 Терминоаспекты русской морфологии (история грамматических учений): учебно-методическое пособие / О. В. Харитонова, М. В. Лыскова. – М.: МЭСИ, 2015. – 172 с. ISBN 978-5-7764-1000-0</p> <p>УДК 81-11 ББК 81.2Рус-2</p> <p>© МЭСИ, 2015 © О. В. Харитонова, 2015 © М. В. Лыскова, 2015</p> <p>ISBN 978-5-7764-1000-0</p>	<p>Предисловие 5</p> <p>Глава I. История грамматических учений и формирование терминологии, отражающих эти учения 6</p> <p>§ 1. Зарождение грамматики как науки 6</p> <p>§ 2. Этапы становления русской грамматической науки и первые российские грамматики 9</p> <p>§ 3. История создания статьи «Юзаси частей слова» и её роль в формировании русской грамматической терминосистемы 16</p> <p>§ 4. Грамматика Доната «Ars Minor» (IV в. н.э.) и её перевод на русский язык 20</p> <p>§ 5. Грамматика «Классифика» – новый этап развития русской грамматической мысли 24</p> <p>§ 6. Грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого 29</p> <p>§ 7. Формирование терминов и понятий учения о частях речи в трудах М. В. Ломоносова 35</p>
--	---

Рис. 1.

Очевидно, что, несмотря на актуальность указанного учебно-методического пособия, оно не могло быть использовано на практическом занятии в нефилологической аудитории, целью которого являлось развитие всех видов речевой деятельности: чтения, письма, говорения и аудирования — отработка определённой лексики и определённых грамматических конструкций. Осознавая это методическое требование, мы использовали отдельные материалы пособия для поэтапной работы на занятии. Наличие книги, в свою очередь, в аудитории, утверждало студентов в истинности предъявляемого им материала. В своей системе заданий мы основывались на известных принципах методики: принцип расширения активного и пассивного словаря; принцип разнотипности заданий; принцип активизации познавательной деятельности или задания, нацеленные на получение экстралингвистических и страноведческих знаний; принцип активизации самостоятельной деятельности и принцип интерактивности.

Помочь слушателям понять, как зародилась и развивалась российская грамматическая мысль и подготовить их к собственному высказыванию на тему «История зарождения грамматики» невозможно без активизации тематической лексики. С этой целью мы сопроводили выбранные нами тексты определёнными заданиями. Например, прочитайте текст и скажите, о какой грамматике вы узнали, как звали её составителя, какие части речи он описал в своём трактате.

<p style="text-align: center;">§ 3. История создания статьи «О восьми частях слова» и её роль в формировании русской грамматической терминосистемы</p> <p>артикуль глаголь имя наречие падеж предлог причастие речь род союз части речи части слова число</p>	<p>Все новые изыскания в грамматической науке нашли отражение в её терминологическом и понятийном аппарате. Давние религиозно-культурные связи восточнославянских земель с Византией обусловили и выбор первого грамматического трактата. Это ранняя рукопись перевода греческой грамматики Иоанна Дамаскина – статья «О восьми частях слова». В ней впервые в славянской грамматической литературе развивалась мысль о наличии восьми частей речи, унаследованных от александрийских грамматик: имя, речь (глаголь), причастие, различие (член, артикль), место имени (местоимение), спеллог, наречие, союз.¹</p>
--	---

Рис. 2.

Запомнить названия древних грамматик помогло задание на сопоставление терминов известных трактатов. Слушатели должны были за определённое время прочитать краткие описания грамматик, а потом соотнести карточки с терминами с названиями грамматических трудов.

Выучить имена первых грамматистов помогло задание в тестовой форме. Слушатели должны были выбрать имя составителя грамматики по её названию.

Очевидно, что все упражнения не могут быть сформированы без учёта уровня владения русским языком иностранных слушателей. Так, уровни А2 -В1 предполагают отработку таких тематически связанных лексических блоков, как приведены ниже (рис. 3).

	грамматика
названия языков	<i>праславянский, церковнославянский, русский, белорусский, украинский и т. д.</i>
грамматические труды	<i>грамматика, трактат, сочинение и т. д.</i>
учёные	<i>грамматист, составитель, автор</i>
термины	<i>артикуль, залог, падеж, род и т. д.</i>
место	<i>Древняя Греция, Александрия, Болгария, Польско-Литовское государство, Москва и т. д.</i>

Рис. 3. Тематические группы слов: примеры

Рассказать о известных грамматиках и грамматистах с опорой на карточки, на которых были написаны имена древних учёных, названия их трудов и грамматические термины, студенты смогли в игровой форме, «примерив» на себя роль известного человека. Например: «Добрый день! Меня зовут Мелетий Смотрицкий. В своей грамматике я описал два спряжения глаголов». Очевидно, что , может быть, такой лаконичный ответ не соответствует требованиям сертификационного уровня В1, но цель ознакомительного занятия, посвящённого празднованию Дня славянской письменности культуры не выучить большой объём нового лексического и фактологического материала, а заставить студентов поразмышлять об истории создания грамматик русского языка и их роли в становлении русской культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алешина, И. В. Использование интерактивных методов обучения на уроках русского языка / И. В. Алешина // Молодой ученый. — 2017 (февраль). — № 8 (142). — URL: <https://moluch.ru/archive/142/39917/> (дата обращения: 18.03.2023).
2. Васильева, А. В. Система интерактивных упражнений для развития коммуникативной компетенции на русском языке как иностранном / А. В. Васильева // Интернет-журнал «Мир науки». Педагогика и психология. — 2018. — Т. 6, № 1. ISSN 2309-4265. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/23PDMN118.pdf> (дата обращения: 26.04.2023).

ГРАММАТИКА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Наумович Г.

Университет Сингидунум
Белград, Сербия

Аннотация. В предлагаемом сообщении попытаюсь рассказать о некоторых практических наработках из опыта преподавания русского языка как неродного и иностранного в Сербии. Центральное место в изучении русского языка (родственного сербскому) занимает сопоставительно-контрастивный метод, играющий огромную роль в преодолении интерференции, которая является причиной типичных ошибок, где последствия могут быть гораздо серьезнее, чем там, где речь идёт не о родственных языках.

Ключевые слова: ложные друзья переводчика.

TEACHING OF RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE IN SERBIA

Naumovich G.

University Singidunum
Belgrad, Serbian

Abstract. Mistakes of Serbian non-philology students in Russian language: types and causes; why Russian language in Serbia increasingly loses its significance, and why pupils and students year after year show less and less interest in its study.

Key words: Russian and Serbian languages, comparative and contrastive methods (examples).

1. Из опыта преподавания русского языка как неродного и иностранного в Сербии.

В предлагаемом сообщении попытаюсь рассказать о некоторых практических наработках из опыта преподавания русского языка как неродного и иностранного в Сербии. Общеизвестно, что языки одной языковой группы, называемые близкородственными (например, сербский и русский) усваиваются легче и быстрее, чем языки с меньшей степенью родства (русский и английский, например). Особенно быстро приходит понимание на слух или при чтении, так как многие слова, уже «понятны». Такая особенность близкородственных языков создаёт у носителей каждого из них ложную уверенность, иллюзию их быстрого и лёгкого усвоения и использования при общении.

Похожее слово нередко может оказаться, так называемым «ложным другом переводчика»: слова могут звучать очень похоже, а означать совершенно разные вещи. В сербском и русском языках, как языках близкородственных, таких «ложных друзей переводчика» весьма много. Так, например, «реч» по-сербски — это не «речь», а «слово». Слово в сербском языке — это «буква», а буква — это «бук». Жалосно искусство — это «печальный опыт». «Ложные друзья переводчика» в речи часто не замечаются, пусть даже смысл предложения и получился странным. Происходит так потому, что при восприятии речи мы всегда немного прогнозируем речь собеседника, достраивая за него фразу; более того, своей достроенной фразой мы безотчётно можем заменить фразу, которая была произнесена в действительности. Но даже если мы всё услышали правильно, это не значит, что мы заметим странность или нелогичность: ведь наш мозг настроен на то, чтобы находить смысл в любом высказывании.

2. Типы ложных друзей переводчика.

Центральное место в изучении русского языка (родственного сербскому) занимает сопоставительно-контрастивный метод, играющий огромную роль в преодолении интерференции, которая является причиной типичных ошибок, где последствия могут быть гораздо серьезнее, чем там, где речь идёт не о родственных языках. В учебнике с рабочей тетрадью 1. Наумовић, Гордана. Ру-

ски језик: стручни текстови за III и IV разред угоститељско-туристичку школу / Гордана Наумовић. — Београд: Государственный печатный завод, (2015) были включены все ситуации, связанные с работой будущих администраторов, официантов, поваров и кондитеров. Нет ничего, что можно исключить, чему нельзя придавать значения. Поэтому данный материал од студента требует осторожности в использовании „похожих слов“, значение которых он должен обязательно проверить.

I В Комментариях особое внимание обращается на трудности, которые встречаются в процессе усвоения данной темы.

Нпр. **Не смешивать** в русском языке значения „женщина“ (человеческое существо женского пола) и „жена“ (супруга). Фраза: „Это его женщина“ — не говорит о том, что это его супруга (жена). Она может быть понята и двухсмысленно.

Сравните:

по-русски по-сербски

Вас ждёт (какая-то) женщина. Чека вас (некаква) **жена**.
Жена (супруга) ждала его у входа. **Жена** (супруга) га је чекала код улаза.

После **Комментариев**, в учебнике обязательно является рубрика **Ошибочно**, которая неотъемлемой частью комментариев, а заключительной рубрикой является колонка **Не смешивайте**, где представлены русские слова, близкие по корневому или формальному сходству с сербскими, но значения их разные.

Не смешивать: Ошибочно!

р. с.

фамилия семья

Как ваша (твоя) фамилия? Как твоя семья? (Живы, здоровы)?

странный человек иностранец

На пороге дома стоял какой-то странный человек. (р)

На пороге дома стоял какой-то иностранец, китаец. (с)

поздравить поздравити некога, р (приветствовать, здороваться)

Я поздравляю вас с успехом в учёбе. Я приветствую вас, (пожимаю руку с...

бокал бокал (р. кувшин, графин)

Этот бокал шампанского выпьем за нашу Нину. С днём рождения!

Этот графин шампанского выпьем за нашу Нину. С днём рождения!

секрет секрет; (р. секреция)

У нас секрет. У нас секреция.

понос понос; (р. достоинство, гордость)

живот живот; (р. жизнь)

р. У его болит живот. У него и понос.

с. У его болит жизнь. У него (есть) и гордость.

пролив пролив; разгов. (р. понос, излияние)

II

Не смешивать:

р. с.

виноград плод винограда (р. виноградник)

котлет(а) крменадла (р. свиная отбивная)

печенье печенье (р. жареное мясо)

варенье варенье (р. пищеварение)

банка банка (р. банк)

сохранить сохранить (р. схоронить)

частный (ресторан) частан, поштен (р. честный) ужин ужина

(р. полдник)

рука левая и правая право; (р. прямой)

ноша ноша (р. ночная посуда)

— Как дойти до гостиницы? — Право, потом налево до магазина, а потом снова право. (**р**) — Прямо, потом налево до магазина, а потом снова прямо. (**с**)

(Возникает вопрос, нашёл ли турист свою гостиницу)?

Внимание! Очень частые ошибки:

р. с.

вредно вредно (р. трудолюбиво)

вредный вредан (р. трудолюбивый)

корыстный користан (р. полезный)

Он вредный и корыстный человек. **р.**

Он трудолюбивый и полезный человек. **с.**

скупой (человек) скуп (р. дорогой)

жадный (человек) жедни (р. желающий пить)

бранить бранити (р. защищать)

затруднить затруднети; (*р. за берёменеть*)

образ образ; (р. щекá, честь)

берег брег; (р. горá, холм)

играть (на гитаре) играти (р. танцевать)

гроб рака (р. могила)

стбит (сколько стоит этот хлеб)? стоји (р. сто́йт)

устать устати; (р. встать)

III Глаголы **стоять, лежать, висеть**, часто употребляются ошибочно.

В сербском языке чаще всего употребляется один глагол — стојати (р. **стоять**). Все предметы и вещи стоят.

На столе лежит книга и стоит лампа. На полу лежит кавёр, а на стене висит портрет. (**р**)

На столе **стоји** књига и лампа. На поду **стоји** тепих, а на зиду **стоји** портрет. (**с**)

IV О букве Ё Серьёзные затруднения в обучении РКИ в Сербии возникли и из-за отсутствия буквы «ё». В одних и тех же словах иногда пишется буква «ё», а иногда буква «е». Как студентам-нефилологам это объяснить и облегчить обучение русскому языку в неязыковой среде в Сербии?

Необязательность употребления «ё» ведёт к ошибочным прочтениям и невозможности восстановить смысл слова без подробного контекста. Например, заём-заем; совершенный-совершенный; слёз-слез; нёбо-небо; мёл-мел; осёл-осел; вёсел-весел... А ещё можно привести пример из «Петра Первого» Алексея Толстого: «При этаким-то государе передохнем!». Имелось в виду — «передохнём». Чувствуется разница? Или же «Все поем»? — Все поём? Всё поем? Всё поём? (Календарь.ру).

Примеры.

Ед. число: озеро, -а. **Мн. число:** озёра, озёр.. или озера, озер... (Студенты определяют за другой вариант, особенно из-за влияния сербского языка) имена, имён...или имёна, имен...Лёв, Лев... Вопрос моих студентов. А почему эту букву не выбросят из русского алфавита? А сербские студенты шутятся. Русский язык в Сербии не меняются! Он для нас и так не простой.

Заканчиваю одной шуткой. Молодой человек едет в поезде, читает книгу и каждую минуту говорит: — Не может быть! Круто! Правда, что ли? Никогда бы не подумал! — Извините, что вы читаете? — спрашивает сосед.

— Орфографический словарь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / Вильгельм фон Гумбольдт. — Москва : Прогресс, 1985. — С. 349.
2. Наумовић, Г. Руски језик : стручни текстови за Факултет туризма и угоститељства / Г. Наумовић. — Београд : Академија, 2017. — 183 с.
3. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово/Slovo, 2000. — С. 9.
4. Naumovic, G. Russian language — practicum for tourism and hospitality schools / G. Naumovic. — Belgrade : Publishing house of tutorials, 2018.

ЭТНООРИЕНТИРОВАННЫЙ КОМПЛЕКС УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ (УРОВЕНЬ А2)

Федотова Н. Л.

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Сунь Ю.

Яньчэнский педагогический университет
Яньчэн, Китай

Аннотация. В статье рассматривается проблема этноориентированного обучения китайских студентов русской грамматике. Учет когнитивно-психологических особенностей китайских учащихся значительно повышает активность студентов на занятиях и их мотивацию к изучению русского языка. Процесс обучения китайских студентов в российских вузах должен строиться с учетом психологической составляющей, ориентированной на национально-культурные особенности учащихся. Поскольку китайские учащиеся привыкли действовать по образцу (по аналогии), то организация учебной деятельности должна быть строго регламентирована и сопровождаться четкими указаниями и инструкциями по применению изученного материала. Если запоминание грамматических форм идет главным образом через зрительное восприятие, то упражнения и задания необходимо дополнять зрительной аутентичной наглядностью. Предлагается распределение грамматических упражнений по трем блокам: начально-подготовительный, центрально-полифункциональный, обобщающе-финальный. Авторы считают, что с целью создания эффективного комплекса упражнений для обучения китайских учащихся русской грамматике нужно правильно отобрать и разработать такие инновационные приемы, которые позволяют формировать и развивать устойчивые правильные грамматические навыки, усиливают интерес к изучению РКИ и способствуют эффективности речевого взаимодействия китайских обучающихся с носителями русского языка в реальных ситуациях общения.

Ключевые слова: этноориентированное обучение, комплекс упражнений, грамматика, китайские студенты, русский язык как иностранный (РКИ).

ETHNO-ORIENTED SET OF EXERCISES FOR TEACHING CHINESE STUDENTS TO RUSSIAN GRAMMAR (A2)

Fedotova N. L.

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia

Sun Y.

Yancheng Pedagogical University
Yancheng, China

Abstract. The article deals with the problem of ethno-oriented teaching of Russian grammar to Chinese students. Taking into account the cognitive and psychological characteristics of Chinese students significantly increases the activity of students in the classroom and their motivation to learn the Russian language. The process of teaching Chinese students in Russian universities should be built taking into account the psychological component, focused on the national and cultural characteristics of students. Since Chinese students are accustomed to acting according to the model (by analogy), the organization of educational activities should be strictly regulated and accompanied by clear explanations and instructions for the application of the studied material. If the memorization of grammatical forms goes mainly through visual perception, then exercises and tasks must be supplemented with visual authentic clarity. The distribution of grammatical exercises in 3 blocks is proposed: initial-preparatory, central-polyfunctional, generalizing-final. The authors believe that in order to create a set of exercises for teaching Russian grammar to Chinese students, it is necessary to correctly select and develop innovative techniques. These techniques allow the formation and development of stable correct grammatical skills, increase interest in studying Russian as a foreign language and contribute to the effectiveness of the speech interaction of Chinese students with native Russian speakers in real situations of communication.

Key words: ethno-oriented education, a set of exercises, grammar, Chinese students, Russian as a foreign language (RFL).

У учащихся, овладевающих РКИ, должны быть не только знания о грамматической системе изучаемого языка, но и иноязычная грамматическая компетентность, т. е. умение самостоятельно продуцировать высказывания с использованием грамматических форм в соответствии с системой и нормой русского языка.

Многие методисты считают, что эффективность обучения иностранцев русской грамматике зависит от трех факторов: способов представления грамматических знаний, структуры комплекса упражнений и форм контроля уровня сформированности грамматических навыков.

Способы представления грамматических знаний могут быть вербальными, схематическими и вербально-схематическими [8: 89]. Выбор способа будет зависеть от сложности грамматического явления, уровня владения иностранным языком у студентов, возможности представить правило в виде схемы и когнитивно-психологических особенностей определенного контингента учащихся (правополушарный или левополушарный психотип).

Комплекс упражнений — это основное средство формирования, развития и совершенствования навыков и умений [2: 435], без которого невозможно обеспечить «наиболее успешное овладение обучаемыми определенным видом речевой деятельности или аспектом языка на данном этапе обучения» [17: 40].

По словам многих преподавателей-русистов, использование традиционной методики при работе с китайскими студентами не всегда позволяет достичь желаемых результатов. Особенно на начальном этапе обучения грамматическому аспекту русского языка данный контингент учащихся испытывает определенные трудности, причина которых — не только принципиальные различия в системах контактирующих языков, но и отсутствие национально-ориентированного комплекса грамматических упражнений. В практике преподавания РКИ, как правило, применяются однообразные некоммуникативные упражнения (За-

кончите предложения, используя активные конструкции; Поставьте глагол в нужную форму; Выберите глагол НСВ или СВ; Для данных существительных образуйте форму множественного числа; Образуйте отглагольные существительные и составьте с ними словосочетания и т. д.); предлагается языковой и речевой материал, не актуальный для реального общения (*казак, хозяйкино угощение, запевала, большая пьяница*). Кроме того, недостаточно внимания уделяется когнитивно-психологическим особенностям китайских учащихся (в основном предлагается перевод на китайский язык), из-за чего значительно снижается активность студентов и их заинтересованность в изучении русского языка.

Важно, что такая ситуация наблюдается при обучении русской грамматике не только в языковой, но и в неязыковой среде. Китайские преподаватели-русисты зачастую используют написанные российскими коллегами пособия, не учитывающие лингвopsихологические характеристики китайских студентов [6: 87]. Это приводит к тому, что в русской речи (особенно в устной) учащиеся допускают большое количество грамматических ошибок, вследствие чего не только тормозится процесс овладения русским языком, но и затрудняется общение с русскоязычными [12: 449–452].

Методисты единодушны в том, что при обучении мононациональной группы студентов оптимальным является национально-ориентированный подход [3–5; 9; 15]. Этот подход не только предполагает опору на принцип учета родного языка учащихся, но и «подразумевает ориентацию на их культурные и психологические особенности». Как утверждают психологи, язык влияет на «мышление и культуру народа, на нем говорящего» [10: 1120]. Следовательно, на начальном этапе изучения иностранного языка учащиеся пользуются привычными для них способами обработки информации, ее систематизации и обобщения. Это означает, что от этнопсихологических факторов зависит эффективность процесса обучения неродному языку.

Под комплексом упражнений понимается «совокупность типов, родов и видов упражнений, объединенных по назначению, материалу и способу их выполнения (например, языковые, речевые, аспектные, комплексные)» [1: 276]. Нельзя не согласиться с точкой зрения С. Ф. Шатилова, что последовательность упражнений и их количество, установленные на основе закономерностей формирования навыков в различных видах РД, позволяют достичь максимально высокого уровня владения иностранным языком «в заданных условиях» [16: 3].

Национально ориентированный комплекс грамматических упражнений обеспечивает быстрое и прочное усвоение наиболее сложных и одновременно важных грамматических явлений, благодаря чему студенты могут правильно использовать грамматические формы в реальном общении на изучаемом языке. Кроме того, такой комплекс предоставляет возможность снять психологический барьер и изучать языковые явления в тех формах, которые повышают мотивацию к изучению грамматики [13: 124]. Исследуя проблему обучения китайских учащихся русскому языку, С. И. Шевелева приходит к выводу, что «знание и учет национально-культурных особенностей студентов и национально-педагогических традиций нужны <...> для интенсификации учебного процесса в целом: работа преподавателя должна быть направлена на интегрирование новых приемов обучения в привычные для китайцев, на последовательное и постепенное включение тех приемов, которые позволяют студентам осваивать иную манеру общения» [18: 117].

Опираясь на концепцию Е. И. Пассова [7] и учитывая когнитивно-психологические характеристики китайских учащихся, мы разработали комплекс грамматических упражнений с использованием инновационных приемов (уровень А2). Были выделены группы грамматических упражнений и определена их последовательность в зависимости от формируемых грамматических навыков (см. табл. 1).

Таблица 1

Структура этноориентированного комплекса грамматических упражнений для китайских учащихся

	Блоки	Группы упражнений	Цель
1	Начально-подготовительный	<i>Повторительные</i>	Повторение изученного лексико-грамматического материала, который является базой для усвоения нового материала
2	Центрально-полифункциональный	Упражнения на наблюдение и аналитико-синтетические упражнения	Введение нового грамматического материала
		<i>Стереотипизирующие</i>	Создание грамматического динамического стереотипа
		<i>Эвристические</i>	Конструирование учащимися собственных учебных действий с грамматическим материалом для систематизации полученных знаний
		<i>Варьирующие</i>	Тренировка и закрепление изученного грамматического материала в разных видах РД
		<i>Мотивирующие</i>	Создание условий для использования грамматических форм и конструкций в ситуациях общения, максимально приближенных к реальной коммуникации
3	Обобщающе-финальный	<i>Контролирующие</i>	Проверка степени усвоения грамматических явлений, являющихся объектом изучения на данном уроке

Базовый уровень владения РКИ должен обеспечить усвоение строго ограниченного набора грамматических категорий, что требует учета коммуникативной значимости языковых явлений и предполагает возможность обобщения полученных знаний. Кроме того, «при работе над грамматикой следует развивать все виды речевой деятельности <...>» [11: 125].

Такая последовательность видов упражнений должна обеспечивать системность и прочность знаний о русской грамматической системе и правильность употребления грамматических форм для решения конкретных учебных задач.

Блок 1. Начально-подготовительный — подготовка к “входу” в новую тему на основе повторения изученных грамматических форм и конструкций, чтобы создать предпосылки для усвоения новых грамматических явлений.

Блок 2. Централно-полифункциональный — глубокая проработка новых грамматических явлений; формирование устойчивых грамматических навыков во всех видах речевой деятельности; стимулирование спонтанного общения.

Блок 3. Обобщающе-финальный — систематизация полученных знаний, контроль и оценивание уровня сформированности грамматических навыков употребления изученных грамматических форм и конструкций.

Каждая группа грамматических упражнений может отличаться по количеству заданий/упражнений и по способу их выполнения в зависимости от цели. Важно, чтобы они предполагали активные действия учащихся. Для этого должны использоваться приемы, учитывающие когнитивно-психологические особенности китайских студентов, однако выбор и комбинирование приемов не фиксированы, а определяются закономерностями формирования грамматических навыков.

Рассмотрим некоторые приемы, разработанные нами с учетом когнитивно-психологических характеристик китайских учащихся [14: 84–91].

Прием «Перепев». Прием основан на имитации, но при этом возможно изменение комбинации элементов. Учащиеся используют в разной последовательности слова в заданной грамматической форме, например, сущ. в вин. пад.:

- Выберите из банка 3 карты. Постройте предложения по образцу.

Образец: (университет, кафе, стадион) *Вчера я ходил в университет, потом в кафе, потом на стадион. → Вчера я ходил в кафе, потом в университет, потом на стадион. → Вчера я ходил в университет, потом на стадион, потом в кафе. → Вчера я ходил на стадион, потом в кафе, потом в университет.*

Прием «Шеринг». В настоящее время в учебном процессе широко применяются мобильные телефоны как инструмент для изучения РКИ. Суть приема «Шеринг» заключается в том, что студенты обмениваются друг с другом фотографиями или видеороликами, хранящимися в их мобильных телефонах. С помощью данного приема можно, во-первых, организовать работу в парах, а во-вторых, обеспечить мотивацию и интерес к учебной деятельности. Например, упражнение для закрепления навыка согласования прилагательных и притяжательных местоимений с существительными:

- Обменяйтесь со студентами Вашей группы фотографиями из мобильного телефона. Постройте диалоги, используя вопросы КТО ЭТО? или ЧТО ЭТО?

Например,

а) — Кто это?

— Это мой папа.

б) — Что это?

— Это наш дом в Харбине.

Прием «Интерпретатор». Инфографика предоставляет широкие возможности для разработки разнообразных видов грамматических упражнений, отличающихся ярко выраженной коммуникативной направленностью.

- а) Распределите преимущества знания иностранного языка: *1-е место, 2-е место ...*

б) Скажите, для чего Вы изучаете иностранный язык. Используйте конструкции с предлогом *для* (см. рис. 1).

Преимущества, которые дает знание иностранного языка

Рис. 1. Преимущества, которые дает знание иностранного языка/
Figure 1. Benefits of knowing a foreign language

Прием «Фотошоп». Преподаватель рассылает рисунок-исходник на мобильные телефоны учащихся. С помощью программы «Фотошоп» студенты редактируют рисунок: раскрашивают или меняют цвета и/или форму, удаляют объекты, комбинируют их, рисуют кистью с помощью сенсорного управления или Apple Pencil. Затем показывают свои отредактированные фотографии и спрашивают друг друга: «Что изменилось?». Например, при изучении грамматической темы «Согласование прил. и сущ.»:

• Сравните рисунки (см. рис. 2). (<https://media.istockphoto.com/vectors/children-room-graphic-black-white-interior-sketch-illustration-vector-vector-id896068440?k=20&m=896068440&s=612x612&w=0&h=m9x69TXI30FZtcB5oKaQOZilbJwoN50hICEekZ03koY=>). Спросите друг друга, что изменилось. Используйте слова для справок и конструкции *нет чего?, что какого цвета/какой формы?*

Рис. 2. Фотошоп/Figure 2. Photoshop

Прием «Монтаж». Этот прием обеспечивает развитие механизмов, позволяющих анализировать грамматические категории русского языка (род, число, падеж, вид глагола и др.). Студентам предлагаются в произвольном порядке слова/словосочетания, из которых необходимо “смонтировать” монологическое высказывание или диалог. Например, можно использовать этот прием для закрепления навыков употребления сущ. ед. ч. в вин пад.

учить	текст
изучать	диалог
выучить	русский язык
	слова
	экономика

• Постройте высказывания по образцу.

Образец:

а) *Сегодня мне надо выучить новые слова и диалог.*

б)

— *Что ты изучаешь в университете?*

— *Русский язык и экономику.*

— *Трудно?*

— *Очень. Но мне нравится.*

Прием «Калькулятор». Для активизации деятельности левого полушария, что чрезвычайно важно для носителей китайского языка, могут использоваться упражнения, развивающие логическое мышление учащихся. Например, Использование этого приема возможно при закреплении навыков употребления конструкций *нужно + инф.* и *должен + инф.*

- а) Прочитайте задачу и решите ее.

Лекарство стоит 120 руб. Вам нужно купить 2 упаковки. Сколько Вы должны заплатить?

- б) Составьте свои задачи.

Прием «Мозговая атака». С помощью этого приема развивается критическое мышление и самостоятельность в решении речевой задачи. Не менее важно, что у студентов совершенствуются умения в говорении:

- Зайдите на сайт <https://onedio.ru/news/test-uznaj-kakim-vidom-sporta-tebe-nuzhno-nachat-zanimatsya-so-sleduyushhego-ponedelnika-28989>, пройдите онлайн-тест, узнайте, каким видом спорта Вам нужно начать заниматься со следующего понедельника и расскажите о результатах теста.

Таким образом, в разработанном нами комплексе грамматических упражнений учитываются учебные стратегии китайских учащихся и их сильные стороны (конкретно-символическое мышление, умение и желание работать с мобильными устройствами, хорошая зрительная память). Предлагаемые приемы обеспечивают активизацию правого полушария китайских учащихся и могут применяться на разных этапах формирования грамматических навыков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азимов, Э. Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. — Москва : ИКАР, 2009. — 448 с.

2. Бессерт, О. Б. Комплекс упражнений для обучения индивидуальному чтению профессиональной литературы на иностранном языке / О. Б. Бессерт // Новые образовательные технологии в вузе : сборник материалов Восьмой международной научно-методической конференции (2–4 февраля 2011 г.). — Екатеринбург : УрФУ, 2011. — С. 434–440.

3. Бобрышева, И. Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку как иностранному китайских учащихся в условиях русской языковой среды (начальный этап) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / И. Е. Бобрышева. — Москва, 1996. — 19 с.

4. Большакова, Н. Г. Этноориентированная методика обучения китайских учащихся самостоятельному чтению / Н. Г. Большакова, О. В. Низкошапкина // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования : языки и специальность. — 2015. — № 4. — С. 36–40.

5. Вакула, Е. А. Особенности преподавания русского языка как иностранного китайским слушателям на начальном этапе обучения / Е. А. Вакула, В. В. Колесникова, Е. Ю. Можаяева // Современные проблемы науки и образования. — 2018. — № 4. — URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=27790> (дата обращения: 20.01.2023).

6. Лю, Хун. Исследования китайских русистов-методистов по проблемам языка и культуры: новый этап, проблемы и задачи / Хун Лю // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2011. — № 16. — С. 85–89.

7. Пассов, Е. И. Основы методики обучения иностранным языкам / Е. И. Пассов. — Москва : Русский язык, 1977. — 216 с.

8. Пассов, Е. И. Урок иностранного языка в средней школе / Е. И. Пассов. — 2-е изд., дораб. — Москва : Просвещение, 1988. — 223 с.

9. Пугачёв, И. А. Этноориентированная методика в поликультурном преподавании русского языка как иностранного : монография / И. А. Пугачёв. — Москва : РУДН, 2011. — 284 с. — URL: <http://roprya.ru/wp-content/uploads/2017/03/pugachev-2.pdf> (дата обращения: 12.01.2023).

10. Рубец, М. В. Когнитивные особенности китайской культуры и языка / М. В. Рубец // Психология и психотехника. — 2013. — № 11(62). — С. 111–122. — DOI 10.7256/2070-8955.2013.11.10149.

11. Русский язык как иностранный : методика обучения русскому языку : учебное пособие для вузов / Г. М. Васильева [и др.] ; под ред. И. П. Лысаковой. — Москва : ВЛАДОС, 2004. — 269 с.

12. Сунь, Юй. Грамматические ошибки китайских учащихся в русской речи (по результатам тестирования) / Юй Сунь // Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин : материалы докладов и сообщений XXV Международной научно-методической конференции. — Санкт-Петербург : СПбГУПТД, 2020. — С. 449–452.

13. Федотова, Н. Л. Грамматические упражнения с коммуникативной направленностью при обучении русскому языку как иностранному / Н. Л. Федотова, Юй Сунь // Научное мнение. — 2019. — № 3. — С. 123–129.

14. Федотова, Н. Л. Инновационные упражнения для обучения китайских студентов русской грамматике (уровень А2) / Н. Л. Федотова,

Юй Сунь // Вестник педагогических инноваций. — 2020. — № 1(57). С. 84–91

15. Чжао, Юйцзян. Лингводидактические основы этноориентированного обучения русскому языку и тестирования (на примере китайских учащихся) : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Чжао Юйцзян. — Москва, 2008. — 21 с.

16. Шатилов, С. Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе / С. Ф. Шатилов. — 2-е изд., дораб. — Москва : Просвещение, 1986. — 223 с.

17. Шатилов, С. Ф. Некоторые принципы создания системы упражнений для обучения иностранному языку / С. Ф. Шатилов // Система упражнений при обучении иностранному языку в школе и вузе. — Ленинград : Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1978. — С. 3–12.

18. Шевелева, С. И. Учет национальных особенностей студентов из стран азиатско-тихоокеанского региона при обучении русскому языку как иностранному / С. И. Шевелева // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2010. — Вып. 12 (102). — С. 115–118.

УСТОЙЧИВЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ НА УРОКАХ РКИ

Федосеева А. В.

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются устойчивые синтаксические конструкции с оценочным значением в лингвометодическом аспекте. Автором приводятся результаты исследования о частотности использования оценочных синтаксических конструкций в речи носителей языка и инофонов, а также даются методические рекомендации по включению данного языкового материала в практический курс русского языка как иностранного на продвинутом этапе обучения.

Ключевые слова: русская грамматика, синтаксис, оценочные единицы, методика, русский язык как иностранный.

SYNTACTIC COLLOCATIONS WITH EVALUATION MEANING AT RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE LESSONS

Fedoseeva A. V.

Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia

Abstract. The article deals with syntactic collocations with evaluative meaning in the linguo-methodological aspect. The author presents the results of a study on the frequency of use of evaluative syntactic constructions in the speech of native speakers and foreigners. The article also gives methodological recommendations for the implementation of this language content into the practical Russian as a foreign language course at an advanced stage of learning.

Key words: Russian grammar, syntax, subjectivity units, methodology, Russian as a foreign language.

Средства выражения оценки в русском языке отличаются многообразием и вариативностью. Вербальная оценка того или иного объекта окружающей действительности может быть выражена средствами всех уровней языка, от фонетического до синтаксического, используемыми по отдельности или в различных сочетаниях. Кроме собственно оценочных лексических единиц, интонационных конструкций и словообразовательных аффиксов необходимо учитывать и дополнительные интенсификаторы оценки, средства выражения эмоциональной оценки, а также другие модальности, зачастую включающие в себя оценочность.

Овладение всей палитрой или, по крайней мере, значительным набором средств выражения положительной и отрицательной оценки является непростой задачей для иностранных учащихся, осваивающих русский язык. В то же время умение выразить оценку самостоятельно и понять эксплицитные, а также подразумеваемые оценки носителей языка относится к важнейшим составляющим коммуникации, поскольку некорректное выражение и неточное понимание оценок легко приводит к нарушениям коммуникации, коммуникативным неудачам.

Данные положения обуславливают необходимость обучения способам выражения оценки в практическом курсе русского языка как иностранного (РКИ) на всех уровнях владения языком, что во многом отражается в существующих программах и лексических минимумах. Так, оценочные лексемы *хорошо*, *плохо*, *нравиться*, *красивый*, *ужасный* и мн.др. изучаются иностранными студентами уже на начальном этапе. Более сложные, комплексные способы выражения оценки входят и в стандарты высоких уровней [ГОСТ 1999]. В то же время нельзя не отметить, что основное внимание преподавателей и составителей учебных пособий чаще всего обращено к лексическим средствам выражения оценки (оценочной лексике) и интонации. В меньшей степени – к фразеологическим единицам с оценочным значением (напри-

мер, *светлая голова, золотые руки, длинный язык* и др.). В данной работе мы обратим внимание на грамматическую, точнее — лексико-синтаксическую, составляющую выражения оценки, которая, как правило, становится предметом рассмотрения на продвинутом этапе изучения русского языка (от уровня В2 и выше). Мы не ставим перед собой задачу подробного обзора способов выражения оценки на данном уровне и предполагаем в рамках данной работы сосредоточиться на одной из групп языковых единиц, представляющих сложность для иностранных учащихся.

Лингвисты и методисты предлагали достаточно много классификаций средств выражения оценки в русском языке по различным критериям, однако нельзя сказать, что на данный момент существует общепризнанная типология, включающая в себя единицы всех уровней системы. Кроме того, на каждом из уровней (фонетический, грамматический, лексический) существует значительное количество классификаций оценочных единиц, что во многом затрудняет их терминологическое определение. Это относится и к рассматриваемой нами группе единиц — устойчивым синтаксическим конструкциям с оценочным значением.

С нашей точки зрения, одним из наиболее удачных терминов для обозначения данной группы единиц можно считать *штампы устной разговорной речи*. Под этим подразумеваются «готовые речевые формулы, в которых значение отдельных слов не совпадает с общим значением высказывания и зависит от интонационного оформления» [6: 462]. К штампам, выражающим оценку, исследователи относят следующие: *Ай да + суц.!*; *Чем не + суц.!* (положительная оценка); *Тожэ мне + суц.* (отрицательная оценка) и др. Однако отметим здесь и другие термины, обозначающие более широкие группы синтаксических единиц, выражающих оценку.

Так, А. В. Величко рассматривает отдельную группу предложений фразеологизированной структуры (или фразеологизированные предложения), выполняющие в коммуникативном процессе фатическую функцию, «выражающие отношение говорящего к содержанию сообщения и передающие те или иные

значения субъективной модальности» [1: 456]. В отличие от лексических фразеологизмов, характеризующихся воспроизводимостью, синтаксические фразеологизмы — это структуры, на основе которых можно построить неограниченное количество высказываний [2: 11]. В качестве примера приведём следующие модели: *Всем + сущ. (Дат.п.) + сущ. (Им.п.)*; *Вот это + сущ.!*; *Нет бы + сущ. (Дат.п.) + инфинитив (СВ)*. Степень устойчивости (фразеологизированности) подобных конструкций может быть различной. Кроме того, многие из указанных моделей могут выражать различную оценку в зависимости от лексического наполнения. В.Ю. Меликян, рассматривая близкую по составу группу языковых единиц, называет их коммуникемами, тогда как Д. Н. Шмелёв относит схожие структуры к фразеосхемам [5; 10]. Наконец, Л. А. Пиотровская в своих работах говорит о фразеологизированных синтаксических моделях эмотивных высказываний, характеризующихся строгим порядком слов и структурно-семантической целостностью [7].

Таким образом, в работах перечисленных авторов речь идёт о близких по семантике и структуре языковых единицах, однако терминологию в данной области исследования ещё нельзя считать устоявшейся. Необходимо отметить, что большинство исследователей включают в группу штампов (фразеосхем или фразеологизированных моделей) не только конструкции, выражающие оценку, но значительно более широкий спектр модальных значений, к которым относятся согласие, несогласие, сомнение, удивление, пренебрежение, невозможность, необходимость и некоторые другие. Рассматривая фразеологизированные модели в методическом аспекте, мы не считаем целесообразным проводить четкие границы между семантикой оценки и рядом других модальных значений, поскольку оценочность во многих случаях является составной (но не всегда обязательной) частью выражения других модальностей и выражается соответствующими конструкциями. Например, выражение невозможности вполне может включать в себя положительную или отрицательную оценку, ср.: *Чтобы он хоть раз пришёл вовремя! // Чтобы он когда опоз-*

дал! Подобная энантиосемичность конструкций регулярно вызывает сложность в аудитории иностранных учащихся.

Необходимость специального изучения синтаксических средств выражения оценки на продвинутом этапе обусловлена рядом причин, к числу которых, в первую очередь, следует отнести часто наблюдаемое в практике обучения снижение мотивации учащихся, достигших высоких уровней. С одной стороны, владение русским языком на уровнях В2/С1 дает учащимся ощущение своего рода «всезнания», когда необходимый для бытового общения, деловой коммуникации и даже обсуждения произведений искусства языковой материал уже представляется освоенным. Именно на этом этапе новые способы выражения оценки и других модальных значений, проиллюстрированные примерами из живой коммуникации, могут заново «пробудить» интерес студентов к изучаемому языку. С другой стороны, на продвинутом этапе имеет место и обратный процесс, когда студенту с многолетним опытом изучения языка по-прежнему трудно выйти из среды учебного общения в реальную коммуникацию, поскольку реальные носители языка «так не говорят». И в этом случае знакомство с дополнительными способами выражения модальных значений способствует повышению мотивации, так как именно описанные выше конструкции частотны и наиболее естественны для речи носителей языка. Наконец, не следует забывать и о том, что разнообразные подходы в обучении иностранному языку в целом и РКИ в частности, «выдвигают новые требования и условия проектирования учебного процесса» в зависимости от личностного выбора и возможностей разных методических систем [4: 301].

Данные положения во многом подтверждаются проведенным нами исследованием, целью которого было выявление наиболее частотных оценочных конструкций, используемых носителями русского языка и инофонами. В описываемом исследовании респондентам — 35 иностранцам, изучающим русский язык более года, и 50 носителям языка — предлагалось придумать ответные реплики диалогов в различных ситуациях общения, при этом их ответы должны были содержать негативную оценку предложен-

ной ситуации, собеседника или собственного поведения в данных условиях. Предложенные ситуации относились как к бытовой, так и официально-деловой сферам и потенциально предполагали развитие конфликта, однако не исключалось и мирное разрешение ситуации. Более подробная информация об анкетировании и предварительной обработке результатов содержалась в предыдущих публикациях [9], в связи с чем обратим внимание преимущественно на ответы респондентов, содержавшие устойчивые синтаксические конструкции с оценочным значением.

При подсчете количественных соотношений способов выражения оценки инофонами и носителями русского языка мы отмечали частотность употребления тех или иных способов. Так, и носители языка, и инофоны использовали собственно оценочную лексику приблизительно в 63–65 % высказываний. Однако в других случаях отмечались значительные расхождения. Носители русского языка чаще прибегали к словообразовательным средствам выражения оценки, оценочным аффиксам (более 3 % ответов), тогда как инофоны их практически не использовали. То же относится и к иронической оценке. Анкетирование показало, что носители русского языка используют устойчивые синтаксические конструкции для выражения оценки в 2 раза чаще, чем инофоны (17 и 8 процентов полученных ответов соответственно), при этом разнообразие используемых единиц значительно выше.

Наиболее частотными синтаксическими конструкциями в ответах инофонов стали *Какой/какая/какое/какие + прил. + сущ.!* и *Как + нареч.!*, например:

А) — Согласно библиотечным правилам вы можете одновременно брать только две книги.

— Какие бессмысленные правила! Студентам нужно брать больше книг.

Б) — Вы разбили любимую вазу моей матери!

— Как обидно! Не переживайте, я обязательно куплю новую.

Данный тип конструкций в ответах инофонов встречался несколько чаще, чем в ответах русскоязычных респондентов,

что, на наш взгляд, объясняется их представленностью в программах РКИ, начиная с элементарного уровня.

Другая повторяющаяся конструкция в ответах инофонов – *Что за + сущ.!*, например:

— *Вы лжец! Вы сами это знаете!*

— *Что за бред! Я никогда не лгал!*

Эта конструкция частотна и в ответах носителей языка:

— *Согласно библиотечным правилам вы можете одновременно брать только две книги.*

— *Что за правила такие дурацкие!*

Отметим некоторые конструкции, не встречавшиеся в ответах инофонов, однако частотные в ответах носителей языка:

— *тоже мне + сущ.;*

— *чтобы + сущ. + глагол (прош.вр.);*

— *ещё тот/та/те + сущ.;*

— *мог/могла/могли бы (и) + инфинитив;*

— *лучше + императив;*

— *лучше/уж лучше бы...;*

— *надо было + инфинитив;*

— *компаратив + инфинитив + надо (инверсия);*

— *меньше нужно + инфинитив (НСВ);*

— *как вы смеете + инфинитив (НСВ)*

— *от + сущ. (Род.п.) + слышу!*

Приведём примеры таких ответов:

А) — *Как обидно, что моя машина сломалась, и вы теперь опоздаете на поезд!*

— *Техосмотр чаще проходить надо. // Да, лучше бы я такси вызвал...*

Б) — *Она должна была быть здесь уже 10 минут назад!*

— *Да, могла бы и поторопиться!*

В) — *Вы лжец! Вы сами это знаете!*

— *От лжеца слышу! // Чтобы я кому-то сказал неправду?!*

Г) — *Вы разбили любимую вазу моей матери!*

— *Тожe мне трагедия!*

Предполагаем, что разнообразие речевых штампов будет значительно шире при проведении устного опроса респондентов. Как было отмечено ранее, некоторые из представленных конструкций содержат оценку как основной семантический компонент, тогда как другие могут выражать различные модальности, но, как показало исследование, регулярно используются носителями языка для выражения оценочных смыслов.

Обучение правильному употреблению и восприятию устойчивых синтаксических конструкций, выражающих оценку, может проводиться в рамках спецкурсов, посвященных разговорному общению или средствам выражения модальных значений, однако учебные программы различных профилей не всегда позволяют организовать дополнительный курс или модуль. В таких условиях предпочтительнее будет включить изучение указанных единиц в общий практический курс РКИ, учитывая преимущественно разговорный характер этих конструкций.

Современные учебные пособия для уровней В2-С1 достаточно фрагментарно представляют фразеологизированные структуры, как правило — в учебных диалогах или фрагментах аутентичных художественных текстов с последующей лексико-грамматической отработкой (не во всех пособиях). На наш взгляд, использование аутентичных материалов в данном случае должно преобладать над учебными текстами. При отборе текстовых фрагментов следует обратить внимание на отрывки из произведений современных авторов, в большей степени отражающих реалии современного русского языка и более доступных для понимания инофонами с точки зрения лексики и грамматики. Важную роль при обучении фразеологизированным структурам, а также оценочным единицам в целом, играет комплексное представление оценочных высказываний в их естественном функционировании, что предполагает активное использование аутентичных фрагментов устной разговорной речи (диалогов и монологов) в качестве учебного материала. Данный материал позволит учащимся не только увидеть изучаемые конструкции в контексте живой коммуникации, но и услышать их интонаци-

онное оформление, а также отметить особенности невербальной коммуникации при выражении оценки (при просмотре отрывков из художественных фильмов, сериалов, интервью и телепрограмм). Рассматриваемый на занятиях материал может стать и опорной точкой для лингвокультурологического комментария, обсуждения особенностей речевого общения носителей русского языка. Выстраивание процесса получения знаний с использованием развлекательных ресурсов позволяет «создавать психологически комфортную атмосферу, способствующую успешному протеканию когнитивных процессов» [8: 675]. Разумеется, отбор и методическая разработка данных материалов, создание учебных пособий является одной из актуальных задач современной методики обучения РКИ.

Выражение оценки в современном русском языке подразумевает владение комплексом разноуровневых оценочных единиц. Устойчивые синтаксические конструкции с оценочным значением представляют интерес как с лингвистической точки зрения, так и с точки зрения их методического представления. Включение данных единиц в практический курс русского языка как иностранного способно разнообразить учебный материал и повысить интерес и мотивацию обучающихся.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Величко, А. В. Предложения фразеологизированной структуры в программе по русскому языку как иностранному / А. В. Величко // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей II Международного симпозиума : в 2 т. (Ялта, 8–12 июня 2018 г.). — Ялта : Ариал, 2018. — Т. 1. — С. 453–458.
2. Величко, А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке : структурно-грамматическая и семантическая характеристика / А. В. Величко // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. — 2012. — № 4. — С. 7–24.
3. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Третий уровень. Общее владение / Т. А. Иванова [и др.]. — Москва ; Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. — 44 с.

4. Ливинская, А. О. Анализ особенностей формата смешанного обучения и этапы его реализации в учебном процессе по русскому языку как иностранному / А. О. Ливинская // Языковое образование в современном цифровом пространстве : подходы, технологии, перспективы : материалы международной научно-практической конференции (Хабаровск, 11–12 ноября 2021 г.). — Хабаровск : Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2022. — С. 300–306.

5. Меликян, В. Ю. Синтаксические фразеологические единицы русского языка / В. Ю. Меликян // Русский язык в школе. — 2010. — № 11. — С. 55–61.

6. Нечаева, Е. В. Штампы устной разговорной речи при обучении русскому языку как иностранному / Е. В. Нечаева, Т. А. Каргы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Вопросы образования : языки и специальность. — 2017. — Т. 14, № 3. — С. 460–465.

7. Пиотровская, Л. А. Эмотивный синтаксис: типология фразеологизированных синтаксических моделей / Л. А. Пиотровская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 1(134). — С. 138–143.

8. Прокопова, И. И. Использование мессенджеров при обучении русскому языку как иностранному (из опыта работы на подготовительном факультете) / И. И. Прокопова // Довузовский этап обучения в России и мире : язык, адаптация, социум, специальность. Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан : сборник статей IV Международного конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов(отделений) вузов РФ и V Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 14–16 октября 2020 г.). — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. — С. 672–676.

9. Федосеева, А. В. Национально-культурный аспект оценочных суждений и их использование инофонами / А. В. Федосеева // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. — 2022. — № 7. — С. 1515–1520.

10. Шмелёв, Д. Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы / Д. Н. Шмелёв // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. — Москва : Наука, 1976. — 148 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИКТ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ У ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

Петрухина А. В.

Тюменский государственный медицинский университет
Тюмень, Россия

Аннотация. В статье представлено описание образовательных интернет-ресурсов, используемых при формировании грамматических навыков у инофонов. Материалом для исследования послужили онлайн-платформы, приложения, находящиеся в открытом и закрытом доступе в сети Интернет. Установлено, что применение современных информационных технологий, наряду с традиционными формами обучения, позволяет интенсифицировать процесс обучения русскому языку и повысить мотивацию студентов. Анализ типов грамматических упражнений, представленных электронными ресурсами, показал, что на начальном этапе обучения русской грамматике эффективно использовать образовательные приложения WordWall, LearningApps, платформу «Time to Speak Russian» в целях отработки языковых навыков. Сформировать принцип коммуникативности на всех уровнях владения языком помогают ресурсы iSLCollective и Youlang.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, информационно-коммуникационные технологии, онлайн-ресурсы, типы грамматических упражнений, поколение Y и Z, языковая компетенция, речевая компетенция, коммуникативная компетенция.

THE USE OF ICT IN THE FORMATION OF GRAMMATICAL SKILLS AMONG FOREIGN STUDENTS

Petrukhina A. V.

Tyumen State Medical University
Tyumen, Russia

Abstract. The article presents a description of educational Internet resources used in the formation of grammatical skills in foreign speakers. The material for the study was online platforms, applications, which are in open and closed access in the Internet. It was found that the use of modern information technologies, along with traditional forms of teaching, allows to intensify the process of teaching Russian language and increase students' motivation. The analysis of the types of grammar exercises presented by electronic resources has shown that at the initial stage of teaching Russian grammar it is effective to use educational applications WordWall, LearningApps, the platform «Time to Speak Russian» in order to practice language skills. The resources iSLCollective and Youlang help to form the communicative principle at all levels of language proficiency.

Key words: russian as a foreign language, information and communication technologies, online resources, types of grammar exercises, generation Y and Z, language competence, speech competence, communicative competence.

В современной практике преподавания русского языка как иностранного (далее — РКИ) применение на занятиях информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) является неотъемлемой частью образовательного процесса. Использование интернет-ресурсов, онлайн-платформ, приложений позволяет повысить уровень мотивации студентов, вовлечь студентов в активную учебную деятельность, способствовать более эффективному овладению русским языком [2; 3; 5]. Актуальность данного исследования обусловлена особенностями учащихся новых поколений — поколений Y и Z, главные черты которых описаны в работе [4]:

«1) высокая скорость восприятия информации при неустойчивости внимания и неспособность долгое время концентрироваться на определённом виде деятельности;

2) неспособность воспринимать длинные тексты; им гораздо легче и привычнее читать несколько коротких текстов, чем один длинный;

3) необходима зрительная опора при усвоении информации, мышление строится на визуальных образах, сопровождающих текст, а не на логике самого текста;

- 4) неустойчивая и «короткая» память, запоминают не содержание информации, а место, где эту информацию можно найти;
- 5) заметно снижена способность к анализу;
- 6) работают на результат, желают получить всё, сейчас и сразу, не останавливаясь на сложных переходных этапах;
- 7) скорость является показателем эффективности обучения;
- 8) способность быстро переключаться с одной деятельности на другую;
- 9) стремление к самоутверждению;
- 10) склонность к рефлексии;
- 11) быстрая утомляемость» [4: 173–174].

Цель статьи — определить, какие интернет-ресурсы помогают сформировать грамматические навыки у иностранных обучающихся на разных этапах обучения русскому языку (A1 — B1). Для этого проанализируем открытые и закрытые онлайн-ресурсы по РКИ, предназначенные для обучающихся с разным уровнем владения языком, и охарактеризуем типы заданий по русской грамматике в соответствии с общепринятой классификацией типов грамматических упражнений: языковые, речевые, коммуникативные [1; 4]. Обучение грамматике (морфологии и синтаксису) может быть представлено с позиции структуры слова (от формы слова к значению, от значения к форме); с позиции функционирования в речи — каждое грамматическое явление находит отражение в речи; с позиции коммуникации — грамматические формы слов функционируют в тексте (грамматика текста) [1: 129].

Основной целью обучения грамматике является выход в коммуникацию, возможность свободно использовать грамматические явления на практике, в живой речи. Однако коммуникативные упражнения, по мнению А. А. Акишиной, не являются грамматическими заданиями, хотя они и развивают грамматические умения [1: 138]. Авторы монографии «Система упражнений по обучению устной иноязычной речи: теория и практика» приходят к выводу о том, что «при коммуникативном подходе сам принцип коммуникативности важен прежде всего в системе

тренировки» [4: 168]. Поэтому выделяется три этапа работы с языковыми единицами: 1) подготовительный этап тренировки — умение использовать грамматические единицы вне речевой ситуации; 2) речевой этап тренировки предполагает доведение языкового навыка до автоматизма; 3) коммуникативный этап — выход «в свободную творческую речь» [4: 168–170].

Рассмотрим возможности применения таких цифровых ресурсов, как приложения LearningApps (<https://learningApps>), WordWall (<https://wordwall.net/ru>), islcollective (<https://ru.islcollective.com/>), образовательные платформы «Время говорить по-русски» (<https://timetospeakrussian.com/ru/>), Youlang.

Приложение LearningApps.org в категории «Русский язык как иностранный» выделяет грамматические рубрики, посвященные отдельным частям речи («Имена существительные», «Глагол», «Прилагательные», «Местоимения», «Наречия», «Предлоги»), отдельным лексико-грамматическим категориям («Падежи») и общим разделам грамматики («Морфология», «Синтаксис», «Грамматика»). Несмотря на то, что данная категория предназначена для иностранной аудитории, здесь встречаются задания, адресатом которых являются учащиеся средней школы, например, блиц-олимпиада (5 класс). К достоинствам приложения можно отнести яркую наглядность, которая снимает напряжение у студентов-иностранцев, помогает в игровой форме запоминать вводимый материал.

Для формирования языковой грамматической компетенции используются следующие виды заданий:

1. *Соедините картинки с соответствующими родами существительных.*
2. *Определите род прилагательных и подберите к ним окончания.*
3. *Вставьте пропущенное слово, форму слова, предлог.*
4. *Соедините глаголы и образованные от них причастия.*
5. *Найдите пару (личное местоимение + глагол настоящего времени).*

6. От каких глаголов можно, а от каких нельзя образовать деепричастие.

7. Положите глагол в нужную коробочку (НСВ / СВ).

В приложении LearningApps.org представлены следующие речевые упражнения: 1) трансформация слова или фразы (образование отглагольного существительного): *измените предложение по модели* (создать радиотелеграф (№ 4) — создание радиотелеграфа); 2) ответ на вопрос (*Кто о чём думает? Где вы работаете?*) с употреблением правильной падежной формы: *Русские думают о работе, а итальянцы о сиесте*; 3) подстановка пропущенных слов в текст (местоимение *себя* в разных падежах); 4) раскрытие скобок (*Я люблю делать уроки ... (библиотека)*); 5) составление диалога с использованием вопросительных местоимений *чей, чья, чьё* на основе предложенных ситуаций.

Контрольные задания предлагаются в тестовой форме или в виде упражнения: 1. *Выберите один правильный ответ* (образование формы множественного числа, единственного числа). 2. *Напишите правильное окончание прилагательного, глагола, распределите слова по группам в зависимости от их рода: какой? какая? какое? какие?*

Задания в LearningApps.org содержат культурологическую составляющую, например, повторение падежной системы на материале текста о писателе Максиме Горьком.

Отдельные грамматические задания в приложении составлены в соответствии с определенной лексической темой, например, тема «Черты характера» используется при отработке формы творительного падежа имён прилагательных, тема «Дом» — при определении рода имён существительных, тема «Семья» — при изучении притяжательных местоимений, тема «Космос» — при образовании форм множественного числа. В разделах, посвящённых частям речи, встречаются задания на отработку лексических навыков (соотнести картинку со словом, найти антонимы) без соотношения с грамматической темой, что, на наш взгляд, является недостатком данного ресурса.

Кроме того, в LearningApps.org отсутствует чёткая дифференциация заданий по грамматическим категориям и частям

речи, что затрудняет их поиск; грамматические задания направлены на развитие языковой, реже речевой, компетенции, но не выводят обучающегося в коммуникацию.

Для отработки грамматических навыков можно использовать интерактивное приложение WordWall, в котором предлагаются разнообразные типы заданий, направленные прежде всего на формирование языковой компетенции обучающихся. В отличие от приложения LearningApps.org данный ресурс позволяет находить определенную грамматическую тему по поиску. Достаточно в строке «Поиск» набрать нужную тему и найти задания, представленные разными шаблонами (викторины, групповая сортировка, совпадающие пары, случайное колесо, откройте поле, анаграмма). Приведём примеры языковых упражнений.

1. *Распределите слова на группы.*
2. *Сопоставьте формы слов (ед.-мн.).*
3. *Образуйте форму слова (множественного числа).*
4. *Вставьте пропущенное слово.*

Количество речевых упражнений ограничено заданием на восстановление ответа (вопроса) по образцу.

Недостатками данного ресурса являются контаминация заданий на разных языках (английский, китайский), а также отсутствие дифференциации по адресату и уровням владения языком (задания предназначены как иностранным обучающимся, так и русским учащимся).

Следующий онлайн-ресурс iSLCollective (<https://ru.islcollective.com/>) предлагает рабочие листы с упражнениями, направленными на формирование грамматической языковой компетенции: *выберите правильную форму слова, вставьте её в текст; образуйте правильно падежную форму.* Количество речевых упражнений ограничено заданиями на формулировку ответа (вопроса) по образцу; восстановление предложения с использованием слов в скобках в правильной форме. В заданиях присутствует культурологическая составляющая. Так, в стихотворении А. Блока необходимо раскрыть скобки, поставив слова/словосочетания в правильную падежную форму.

Данный ресурс содержит коммуникативные задания, которые и являются основной целью обучения грамматике: *Напишите письмо о своём отпуске другу (подруге, жене), родителям. Используйте глаголы в настоящем или прошедшем времени и слова: отдыхать в горах, быть на Черном море, в другой стране, загорать, проводить.*

Коммуникативные потребности говорящего хорошо представлены на образовательной платформе Youlang, в которой реализован принцип перехода от простого к сложному — от языковых заданий к коммуникативным, предлагающим самостоятельное оформление высказывания в соответствии с ситуацией общения. В отличие от уже рассмотренных образовательных ресурсов данная платформа содержит дифференциацию не только по уровням владения языком (A1–C2), но и по грамматическим темам, что значительно облегчает поиск нужной информации.

Образовательная платформа Time to Speak Russian («Время говорить по-русски») также включает рубрику «Грамматика». В отличие от рассмотренных приложений данный онлайн-ресурс представляет собой грамматический справочник: после каждой грамматической темы обучающиеся могут самостоятельно выполнить упражнения в формате тестов на развитие языковых навыков и проверить правильность ответов.

Таким образом, использование информационно-коммуникационных технологий в практике преподавания РКИ позволяет облегчить изучение грамматического материала, делает процесс обучения более интересным и эффективным, повышает уровень мотивации студентов, вовлечённых в мир интернет-пространства.

Анализ онлайн-ресурсов с точки зрения формирования грамматических навыков позволяет сделать следующие выводы:

1) на начальном уровне владения языком (элементарном и базовом) для отработки базовых грамматических явлений рекомендуем использовать приложения WordWall, LearningApps, платформу «Time to Speak Russian», которые помогают сформировать языковую (частично речевую) компетенцию;

2) для развития и совершенствования речевой и коммуникативной компетенций от A1 до C2 рекомендуем применять

ресурсы iSLCollective и Youlang, которые нацелены на обучение коммуникативной компетенции: от тренировки грамматического явления до выхода в речь.

Комплексное использование на занятиях по грамматике традиционных форм работы с учебным материалом и электронных ресурсов позволяет не только отработать и закрепить грамматический материал, но и повысить мотивацию студентов при изучении языка, на котором они будут осваивать профессиональные образовательные программы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акишина, А. А. Учимся учить : Для преподавателей русского языка как иностранного / А. А. Акишина, О. Е. Каган. — Москва : Русский язык. Курсы, 2002. — 256 с.

2. Богачёва, А. В. Использование ИКТ при формировании слухопроизносительных навыков у иностранных студентов в процессе сопроводительного онлайн-курса «Фонетика и интонация» / А. В. Богачёва // Русский язык как иностранный в смешанном формате обучения: проблемы и перспективы : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 13 февраля 2023 г.) / под общ. ред. д-ра пед. наук, проф. С. А. Вишнякова [Электронное издание сетевого распространения]. — Москва : МПГУ, 2023. — С. 60–66.

3. Васюхневич, И. А. Информационно-коммуникационные технологии в преподавании РКИ при дистанционном обучении / И. А. Васюхневич, В. Л. Моложавенко // Перспективы развития высшей школы : материалы III Международной научно-практической конференции-2022 : сборник научных трудов : в 2 т. / отв. ред. Л. К. Иляшенко. — Тюмень : ТИУ, 2022. — Т. 2. — С. 97–101.

4. Вохмина, Л. Л. Система упражнений по обучению устной иноязычной речи: теория и практика (на примере русского языка как иностранного) / Л. Л. Вохмина, А. С. Куваева, С. А. Хавронина. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2020. — 268 с.

5. Вязовская, В. В. Интернет-ресурсы в обучении русскому языку как иностранному: ожидания vs реальность / В. В. Вязовская, Т. А. Данилевская, М. Е. Трубчанинова // Русистика. — 2020. — Т. 18, № 1. — С. 69–84. — URL: <http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-69-84>.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДИКИ ВЗАИМНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ГРАММАТИКИ В ПРАКТИЧЕСКОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО НА ЭТАПЕ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ

Проколопа И. И.

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова
Москва, Россия

Аннотация. В современном образовательном процессе активно ищутся новые подходы и методики, способствующие эффективному изучению иностранных языков, в том числе русского языка как иностранного (РКИ). Грамматика играет важную роль в освоении иностранного языка, и поэтому использование методов, способных сделать этот процесс более интерактивным и продуктивным, является приоритетной задачей для преподавателей РКИ. В данной статье мы рассмотрим метод взаимного обучения и его применение в практическом курсе русского языка как иностранного с целью эффективного усвоения грамматики на этапе довузовской подготовки. В статье дается описание метода, приводится перечень конкретных стратегий и подходов, применяемых на этапе довузовской подготовки. Также рассматриваются трудности, с которыми можно столкнуться при внедрении методики взаимного обучения в практический курс РКИ, и предлагаются возможные решения для преодоления данных трудностей.

Ключевые слова: метод взаимного обучения, изучение грамматики, практический курс РКИ, довузовское обучение.

USING THE METHOD OF MUTUAL LEARNING IN THE STUDY OF GRAMMAR IN THE PRACTICAL COURSE OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE AT THE STAGE OF PRE-UNIVERSITY TRAINING

Prokopova I. I.

Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russia

Abstract. In the modern educational process, new approaches and methods are actively sought to promote the effective study of foreign languages, including Russian as a foreign language (RFL). Grammar plays an important role in learning a foreign language, and therefore the use of methods that can make this process more interactive and productive is a priority for RFL teachers. In this article, we will consider the method of mutual learning and its application in the practical course of Russian as a foreign language in order to effectively master grammar at the stage of pre-university training. The article describes the method, provides a list of specific strategies and approaches used at the stage of pre-university training. It also discusses the difficulties that may be encountered when introducing the method of mutual learning into the practical course of Russian as a foreign language, and suggests possible solutions to overcome these difficulties.

Key words: mutual learning method, grammar study, Russian as a foreign language practical course, pre-university education.

Качественное преподавание грамматики русского языка на довузовском этапе является неотъемлемой частью подготовки иностранных учащихся к дальнейшей учебе в вузах Российской Федерации. Преподаватели используют в своем арсенале все многообразие методов и приёмов, которые позволили бы успешно справиться с поставленной задачей. Однако приходится констатировать, что обычно на занятиях по РКИ грамматический материал преподносится в рамках традиционной модели, когда преподаватель объясняет те или иные правила, учащиеся внимательно слушают, записывают информацию, а потом при-

ступают к упражнениям на отработку изученного грамматического явления. В дальнейшем учащиеся стараются использовать полученную информацию в устной и письменной речи, но допускают изрядное количество ошибок. Часто бывает так, что многократные исправления не помогают, и студент продолжает игнорировать изученный грамматический материал. Нам представляется, что изучение грамматического явления должно проходить с минимальной опорой на традиционную модель, а с привлечением других методик, позволяющих на самых первых этапах включить студента в активное усвоение материала и отдать ему роль не слушающего, но активно участвующего в процессе обучения, таким образом обозначив главенство антропоцентричного подхода в обучении [4:193]. Проблема освоения грамматики и сопутствующая проблема «формирования навыков разговорной речи требует новых решений от системы образования» [2:2]. Для достижения данной цели преподаватели РКИ используют различные методы, в том числе систему (или методику) взаимного обучения.

Методика взаимного обучения имеет продолжительную историю и представляет собой подход, основанный на взаимодействии и сотрудничестве учащихся в процессе обучения. Данная система обучения, оформившаяся еще в 18 веке благодаря английским просветителям, получила название Белл-Ланкастерской. Смысл Белл-Ланкастерской системы обучения заключался в том, что более талантливые ученики, уже усвоившие материал, обучали других учеников. При таком подходе учитель лишь контролировал процесс. По мнению журнала StartExam «система Белла-Ланкастера и принцип взаимного обучения послужили основой для создания её особого бизнес-формата P2P или „peer to peer” (пер. с англ. — от равного к равному)» [1]. Вместо традиционной модели, где преподаватель играет центральную роль, метод взаимного обучения ставит акцент на активном участии студентов, их обмене знаниями, обратной связи и сотрудничестве.

Обозначим очевидные преимущества методики взаимного обучения в курсе русского языка как иностранного. Во-первых, это активное вовлечение студентов [6:351]. Методика взаимного обучения стимулирует учащихся к активному участию на занятиях. Они могут взаимодействовать друг с другом, обсуждать и объяснять грамматические явления, проводить совместные задания и упражнения. Это способствует углубленному пониманию и запоминанию грамматических правил. Во-вторых, данная методика позволяет создать в группе среду взаимопомощи и сотрудничества, где студенты помогают друг другу в понимании и освоении в том числе и грамматического материала. Учащиеся объясняют трудности друг другу, дают обратную связь, корректируют ошибки и делятся своими знаниями. Это способствует развитию коммуникативных навыков и взаимопониманию между студентами. В-третьих, взаимное обучение может увеличить мотивацию студентов благодаря взаимодействию и поддержке других учащихся. Студенты ощущают большую уверенность в своих знаниях и способностях, когда видят, что они способны помогать одноклассникам и получать поддержку взамен. Наконец, методика взаимного обучения способствует развитию коммуникативных навыков. В процессе обмена знаниями учащиеся улучшают свою устную и письменную коммуникацию, развивают способность выражать свои мысли и аргументировать свои идеи.

Однако, как и любая система, метод взаимного обучения может иметь свои ограничения и вызывать определенные вызовы. Некоторые студенты могут предпочитать более традиционный подход к обучению или испытывать затруднения в коллективной работе. Также требуется определенная организация и подготовка со стороны преподавателя, чтобы обеспечить эффективное использование методики взаимного обучения.

В целом, методика взаимного обучения в курсе русского языка как иностранного может быть полезным инструментом, который способствует активному вовлечению студентов, развитию навыков коммуникации и углубленному освоению грамматики.

Грамматическое освоение играет важную роль в процессе изучения русского языка как иностранного. Через изучение грамматических правил студенты узнают, как формировать предложения, правильно использовать глаголы, согласовывать слова и структурировать свои мысли. Это помогает им улучшить свою устную и письменную коммуникацию, а также корректно произносить слова и фразы. Также грамматические правила помогают студентам выражать свои мысли точно и четко. С помощью грамматического освоения они могут передавать свои идеи, понимать сообщения на русском языке и взаимодействовать с носителями языка более эффективно. Знание грамматики облегчает понимание письменного материала на русском языке. Студенты могут распознавать грамматические структуры, понимать связи между словами и фразами, а также анализировать тексты, что является неотъемлемой частью обучения в высшем учебном заведении по выбранной специальности. Хорошее знание грамматики позволяет учащимся с легкостью читать и писать на русском языке, развивать свою грамматическую компетенцию и стиль письма. Хрестоматийный пример академика Л. В. Щербы про «глокую куздру» в который раз напоминает, что освоение грамматики помогает учащимся понять множество слов и идиом, которые основаны на определенных грамматических конструкциях. Как только студенты усвоят эти конструкции, они смогут расширить свой словарный запас и использовать новые выражения и фразы более уверенно. Имея хорошее представление о грамматическом устройстве русского языка, учащиеся могут самостоятельно анализировать свои ошибки, улучшать устную и письменную речь, а также быстрее адаптироваться к различным коммуникативным ситуациям. Безусловно, последовательное освоение грамматического материала является неотъемлемой частью изучения РКИ и оказывает значительное влияние на развитие навыков коммуникации, понимание речи и уверенность в использовании русского языка.

Рассмотрев важность изучения грамматики в практическом курсе русского языка как иностранного, обратимся к конкретным стратегиям и подходам взаимного обучения, которые могут быть применимы на уроках иностранного языка, в том числе в курсе освоения РКИ на этапе довузовской подготовки. Ряд стратегий представлен в публикации электронного журнала Skillbox Media [7].

1. Групповые дискуссии и обсуждения. Данная стратегия заключается в создании небольших групп, которые имеют возможность совместно обсуждать грамматические правила, примеры и упражнения. Студенты могут обмениваться идеями, задавать вопросы друг другу и объяснять сложные концепции. Это способствует более глубокому пониманию и освоению грамматики. Этот вид работы преподаватель может активно использовать на самом раннем этапе предъявления грамматического материала, когда учащиеся после исследования примеров должны будут самостоятельно сформулировать правило. Например, во время изучения глаголов движения с приставками студенты могут познакомиться с примерами и иллюстрациями, найти эквиваленты в своих языках, а потом поделиться своими мыслями с преподавателем и одногруппниками.

2. Партнерская работа. Данная форма работы похожа на предыдущую, но направлена на выполнения конкретных грамматических заданий. в парах или малых группах. Учащиеся могут вместе работать над упражнениями по грамматике, проводить практические диалоги. В данном случае можно активно привлекать не только задания из учебников и сборников по грамматике, но и из электронных ресурсов и мессенджеров, что позволит внедрить технологию edutainment («эдьютейнмент») [3: 675].

3. Ролевые игры и ситуационные задания. Использование ролевых игр и ситуационных заданий необходимо, чтобы студенты могли применить грамматические правила в реальных коммуникативных ситуациях. Учащимся предлагается играть роли в разных сценариях, где требуется использование опреде-

ленных грамматических конструкций. Это поможет студентам закрепить грамматику в практическом контексте. Важно помнить, что ключевым фактором быстрого запоминания являются положительные эмоции, поэтому преподавателю необходимо готовить такие сценарии, где все учащиеся успешны.

4. Совместное обучение. Большинство учащихся с удовольствием делится своими знаниями и объясняет грамматические правила другим студентам во внеучебной обстановке. Можно организовать парные или групповые обсуждения, где более сильные студенты будут объяснять уже знакомые им грамматические явления другим студентам. Это помогает укрепить собственное понимание грамматики и развить навыки объяснения и обратной связи. Так, данный подход эффективно показал себя на занятиях, где были объединены две группы. Учащиеся подгруппового факультета, хорошо усвоившие тему «Глаголы движения с приставками», довольно легко приводят свои примеры и на материале дополнительных иллюстраций помогают более слабым студентам устранить пробелы в этой теме. В таком случае преподаватель должен разделить учащихся на пары-тройки, где один из студентов будет выступать в качестве преподавателя. Такой принцип прекрасно зарекомендовал себя при выполнении задания на чтение текстов и восстановления пропущенной информации, а также при выполнении традиционных дриллов на закрепление темы.

5. Проектная работа. Данная стратегия заключается в том, что студентам предлагаются проектные задания, где они должны использовать грамматические правила для создания текстов, презентаций или других типов проектов. Это может быть написание эссе, составление диалогов, создание плакатов или разработка видеуроков или онлайн-заданий. Проектные работы позволяют студентам применить полученные знания в творческом и интересном контексте. Темы проектных работ многочисленны, но на примере изучения глаголов движения можно предложить учащимся подготовить, например, «Экскурсию для

преподавателя». Решение реальной коммуникативной задачи позволит учащимся активизировать свои знания [5: 323].

Важно помнить, что выбор конкретных стратегий и подходов должен быть адаптирован к потребностям и уровню группы студентов. Разнообразие активностей, взаимодействие и сотрудничество помогут студентам улучшить понимание грамматических правил русского языка и закрепить их использование в речи.

При внедрении методики взаимного обучения в практический курс русского языка как иностранного могут возникнуть некоторые сложности. Безусловно, преподавателям потребуются дополнительная подготовка для эффективного применения методики взаимного обучения. Преподаватели РКИ должны быть знакомы с принципами методики, уметь организовывать групповую работу и обеспечивать эффективное взаимодействие между студентами. Знакомство со структурированными руководствами и материалами помогут понять основные положения методики и начать внедрять методику взаимного обучения постепенно, начиная с простых и небольших задач.

Отметим также, что у учащихся может быть сопротивление при внедрении такого метода. Некоторые студенты могут предпочитать традиционную модель обучения и испытывать недоверие к уровню знаний других учащихся. В таком случае преподаватель должен обеспечить дополнительное объяснение материала и психологическую поддержку, чтобы помочь учащимся принять данную методику обучения.

Невозможно обойти вопрос неравномерного уровня знаний студентов. Однако этот фактор помогает эффективно использовать стратегию совместного обучения, обозначенную выше. В таком случае преподавателю необходимо тщательно учитывать индивидуальные потребности и уровень студентов, обеспечивая дифференцированный подход и индивидуальную поддержку.

Также на первых порах внедрение методики взаимного обучения может потребовать дополнительные ресурсы и время для планирования и организации уроков. Преподавателям мо-

жет потребоваться уделить больше времени на объяснение инструкций и роли взаимного обучения, однако результаты такого труда будут впечатляющими. Нельзя не отметить, что традиционные подходы к оценке работы могут не полностью соответствовать методике взаимного обучения. Так, преподавателям необходимо пересмотреть и адаптировать методы оценки, чтобы они отражали коллективное взаимодействие. Например, можно попросить учащихся выставлять друг другу оценки во время совместной работы.

В заключение отметим, что методика взаимного обучения предлагает эффективный подход к усвоению изучаемых грамматических явлений, активно вовлекает учащихся и способствует созданию атмосферы взаимопомощи и общения. Тщательное планирование и грамотное внедрение данной системы в практический курс русского языка как иностранного позволяют обогатить образовательный процесс и повысить мотивацию у иностранных учащихся во время изучения любых грамматических тем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белл-ланкастерская система взаимного обучения персонала // StartExamжурнал. — URL: <https://www.startexam.ru/journal/likbez/bell-lankasterskaya-sistema-vzaimnogo-obucheniya-personala/> (дата обращения: 07.07.2023).
2. Лошакова, Е. Л. Формирование навыков разговорной речи иностранных учащихся подготовительного факультета на начальном этапе обучения / Е. Л. Лошакова, Е. А. Зозуля // Мир науки. Педагогика и психология. — 2022. — Т. 10, № 1. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/13PDMN122.pdf> (дата обращения: 30.06.2023).
3. Прокопова, И. И. Использование мессенджеров при обучении русскому языку как иностранному (из опыта работы на подготовительном факультете) / И. И. Прокопова // Довузовский этап обучения в России и мире : язык, адаптация, социум, специальность. Актуальные вопросы реализации образовательных программ на подготовительных факультетах для иностранных граждан : Сборник

статей IV Международного конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов (отделений) вузов РФ и V Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 14–16 октября 2020 г.). — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. — С. 672–676.

4. Фатеева, И. М. Антропоцентрический аспект в методике обучения РКИ как методологический принцип формирования языковой личности / И. М. Фатеева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Педагогика. — 2018. — № 4. — С. 192–200.

5. Федосеева, А. В. Особенности обучения русскому языку как иностранному на подготовительном курсе зарубежного вуза (на примере работы с учащимися Гаванского университета) / А. В. Федосеева // Довузовский этап обучения в России и мире : язык, адаптация, социум, специальность : сборник статей I Международного конгресса преподавателей и руководителей подготовительных факультетов : в 2 ч. — Москва : Российский университет дружбы народов, 2017. — Ч. 2. — С. 320–324.

6. Barannik, N. S. Mutual learning as a modification as a modification of Guys Training / N. S. Barannik, V. F. Gorbatyuk // Fundamental Research, Scientific Journal. — 2012. — № 6, part 2. — P. 350–354.

7. Peer-to-peer, или взаимное обучение : что за подход, где и как он применяется // Skillbox Media. — URL : <https://skillbox.ru/media/education/peertopeer-ili-vzaimnoe-obuchenie-chto-za-podkhod-gde-i-kak-on-primenyuetsya/> (дата обращения: 05.07.2023).

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ МОТИВАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

Гришечкина Е. А.

Гомельский государственный колледж строителей
Гомель, Республика Беларусь

Аннотация. В статье даётся определение мотивации достижения, внешних и внутренних мотивов, указаны причины школьной неуспеваемости. Описаны наиболее эффективные технологии, методы, формы, которые повышают уровень мотивации обучающихся на занятиях по русской грамматике. Особое внимание уделяется технологии уровневой дифференциации. Раскрываются психолого-педагогические особенности современного урока русского языка.

Ключевые слова: мотивация достижения, внутренние и внешние мотивы, индивидуализация, дифференциации, современные технологии обучения, методы и средства, русская грамматика, современный урок.

WAYS TO INCREASE THE LEVEL OF MOTIVATION OF STUDENTS IN RUSSIAN GRAMMAR CLASSES

Grishechkina E. A.

Gomel State College of Builders
Gomel, Belarus

Abstract. The article defines achievement motivation, external and internal motives, indicates the reasons for school failure. The most effective technologies, methods, forms that increase the level of motivation of students in Russian grammar classes are described. Particular attention is paid to the technology of

level differentiation. Psychological and pedagogical features of the modern lesson of the Russian language are revealed.

Key words: achievement motivation, intrinsic and extrinsic motivation, individualization, differentiations, contemporary educational technology, teaching methods and techniques, Russian grammar, contemporary classroom design and layout.

Мотивация достижения — это одна из разновидностей потребности индивида добиваться успеха и избегать неудач, проявляется в желании достичь поставленных целей и в самовыражении. Впервые понятие «мотив достижения» введено Г. Мюрреем в 30-х гг. прошлого столетия [5].

Проблемам формирования и развития мотивации посвящено большое число работ зарубежных и отечественных учёных (Л. И. Божович, Т. А. Матис, А. К. Маркова, Л. М. Фридман, И. Ю. Кулагина и др.). Поэтому потребность повышения мотивации обучения в образовании очень актуальна во всём мире, из национальной проблемы она превратилась в международную.

В современном мире педагоги сталкиваются со многими трудностями, среди которых особое место занимает проблема низкой учебной мотивации учащихся.

Согласно классической типологии мотивов психолога Л. И. Божович, их можно разделить на две группы:

- 1) внутренние, совпадающие с поставленной целью деятельности (в обучении это овладение содержанием изучаемого предмета);
- 2) внешние, не связанные собственно с деятельностью [1].

Важно у учащихся формировать внутреннюю учебную мотивацию, которая играет главную роль в учебном процессе.

Одним из условий обеспечения повышения мотивации обучения является организация и функционирование надёжной оценочной системы, ибо всякая деятельность, тем более учебная, должна оцениваться качественно или количественно и проводиться в первую очередь в интересах самих обучающихся. Устойчивую мотивацию трудно сформировать без индивидуализации и дифференциации обучения, без учёта интересов, склонностей и способностей обучающихся, их стремления прилагать усилия и добиваться резуль-

татов. В свою очередь, постоянное внимание к деятельности обучающегося повышает его мотивацию обучения: готовность включаться в активные формы учебной деятельности и действовать самостоятельно, интерес и стремление к работе при решении проблем, рефлексию значимости получаемых знаний и умений для практической деятельности, способности оценивать её результаты и предвидеть последствия поступков [3: 48].

Все психологические причины школьной неуспеваемости можно свести к двум взаимосвязанным группам:

- 1) недостатки познавательной деятельности;
- 2) недостатки в развитии мотивационной сферы.

Обширными мотивационными возможностями обладают такие составляющие учебного занятия, как содержание учебного занятия, методы и средства обучения, организационные формы и стиль взаимодействия преподавателя и учащегося [6: 64].

1. Обращение к личному опыту учащихся при постановке цели и задач.

2. Использование педагогом эффективных мотивировок при выполнении учебных заданий. Важно акцентировать внимание учащихся на значении изучаемого учебного материала для них самих и будущей жизни: «Если вы этому научитесь, то сможете...» и т. п.

3. Разнообразие форм и методов обучения. Внедрение в учебный процесс инновационных технологий. Применение технологии уровневой дифференциации на уроках русского языка по теме: «Обобщение и систематизация сведений о деепричастии».

Задания

(Для первого уровня). Прочитайте текст, определите его тему и основную мысль. Выпишите из текста глаголы, заключённые в скобки, образуя от этих глаголов деепричастия. Сделайте морфологический разбор трех деепричастий.

(Для второго уровня). Прочитайте текст, определите тип речи и стиль текста. Выпишите из текста предложения с глаголами, данными в скобки, образуя от них деепричастия и указывая их вид и морфемный состав.

(Для третьего уровня). Прочитайте текст, образуя от глаголов, данных в скобках, деепричастия. Определите, сколько в тексте микротем, поделите текст на абзацы. Напишите изложение по данному тексту.

Программа iMind Map позволяет пользователям создавать интеллект-карты. Интеллект-карты или mind maps (mind — “ум”, maps — “карты”, то есть карты ума, ментальные карты) представляют собой графический инструмент выражения мыслей. Данная технология организации мышления и запоминания информации была разработана в начале семидесятых годов прошлого века британским психологом Тони Бьюзенем [2]. Интеллект-карты можно создать по теме «Глагол», «Имя существительное» и т. д. Методы и приёмы технологии развития критического мышления способствуют созданию условий для творческой самореализации обучающихся. Рефлексивный этап учебного занятия позволяет учащимся осознать решение учебных задач и провести самооценку учебной деятельности. На данном этапе уместен приём «Синквейн».

Грамматика.

Увлекательная, познавательная.

Учит, развивает, обогащает.

Грамматика нужна и важна.

Раздел лингвистики.

Использование коноп-технологии с различными тестовыми заданиями по грамматике актуализирует опорные знания учащихся, создаёт проблемные ситуации. Сервис LearningApps.org позволяет создавать интерактивные кроссворды на занятиях по русской грамматике, что способствует также повышению мотивации обучающихся.

4. Разнообразие форм организации взаимодействия учащихся и педагога на учебном занятии. Высоко успевающие учащиеся предпочитают индивидуальные задания, фронтальную работу, а слабо успевающие учащиеся предпочитают работать в микрогруппах [4: 43].

5. Привлечение учащихся к оценочной деятельности. Имеется в виду использование взаимооценки и самооценки выполненных заданий.

6. Стиль взаимодействия учителя и учащегося. Современные отношения обучающихся и обучаемых должны соответствовать требованиям педагогики сотрудничества. Домашнее задание лучше задавать дифференцированно: кому-то прочитать материал, кому-то подготовить рисунок [6: 66].

Современный урок русского языка как неотъемлемый компонент системы личностно-ориентированного образования имеет ряд психолого-педагогических особенностей. К ним относятся: создание на занятиях ситуации успеха, обеспечение обратной связи в процессе обучения русскому языку, развитие познавательных (интеллектуальных) способностей учащихся.

В работе по формированию мотивации обучающихся на занятиях по русской грамматике важно учитывать возрастные особенности учащихся, внедрять современные образовательные технологии, учитывать стиль взаимодействия учителя и учащегося.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Божович, Л. И. О мотивации учения / Л. И. Божович. — URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/hrestomatia/28.php (дата обращения: 10.07.2023).
2. Бьюзен, Т. Карты памяти : уникальная методика запоминания информации / Т. Бьюзен, Дж. Г. Вуд. — Москва : Росмэн, 2007. — 326 с.
3. Ефремова, Н. Ф. Мотивационный аспект независимого оценивания достижений обучающихся / Н. Ф. Ефремова // Педагогика. — 2018. — № 3. — С. 47–52.
4. Медведская, Е. И. Не хочу учиться! Приёмы управления учебной мотивацией школьников / Е. И. Медведская // Выхаванне і дадатковая адукацыя. — 2017. — № 8. — С. 39–43.
5. Murray, H. A. Explorations in personality / H. A. Murray. — New York : Oxford university press, 1938.
6. Обухович, Ю. Д. Современные подходы в работе с неуспевающими и низкомотивированными учащимися / Ю. Д. Обухович // Адукацыя і выхаванне. — 2016. — № 2. — С. 61–67.

ОТБОР И ОПТИМИЗАЦИЯ УЧЕБНЫХ ЗАДАНИЙ В ОБУЧЕНИИ НАУЧНОМУ СТИЛЮ РЕЧИ В КУРСЕ РКИ

Решетникова В. В.

Российский университет транспорта
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты отбора и оптимизации заданий по научной в курсе РКИ в неязыковом вузе, которые позволяют студентам овладеть минимальным набором конструкций научной речи. Основное внимание обращается на формирование грамматической компетенции. Базовые конструкции научной речи предлагается распределить по девяти темам, а систему упражнений по каждой теме подбирать таким образом, чтобы у студентов сформировались навыки и умения владения как грамматической, так и коммуникативной компетенцией. Предъявление грамматического материала следует регулировать с учетом коммуникативных потребностей студентов. В статье приводятся примеры грамматически направленных упражнений, способствующих обучению учебно-профессиональному общению.

Ключевые слова: грамматический, коммуникативный, компетенция, конструкция, материал, навык, научная речь, упражнение.

PROBLEMS IN THE SELECTION AND OPTIMIZATION OF LEARNING TASKS IN TEACHING SCIENCE LANGUAGE IN THE COURSE OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Reshetnikova V. V.

Russian University of transport
Moscow, Russia

Abstract. The article discusses some aspects of the selection and optimization of tasks in scientific language in the course of Russian as a foreign language in a non-linguistic university, which allow students to master the minimum set of scientific speech constructions. The main attention is drawn to the formation of grammatical competence. The basic constructions of scientific speech are proposed to be divided into nine topics, and the system of exercises for each topic is selected in such a way that students develop skills and abilities in both grammatical and communicative competence. The presentation of grammatical material should be regulated taking into account the communicative needs of students. The article provides examples of grammatically directed exercises that contribute to teaching educational and professional communication.

Key words: grammatical, communicative, competence, construction, material, skill, scientific speech, exercise.

Учитывая то, что образовательные процессы постоянно совершенствуются, качественно изменяются, появляются все новые возможности осуществления коммуникативных связей, следует отметить следующее: необходимы и принципиально новые формы и средства обучения русскому языку как иностранному. Это также влечет за собой и повышение требований к специалисту-руссисту как носителю изучаемого языка [1].

В постоянно меняющихся условиях обучения преподаватель должен быть гибким в выборе приемов, средств и методов обучения с учетом индивидуальных и национальных особенностей обучающихся, быть способным адаптироваться к различным ситуациям и новым категориям обучающихся.

На наш взгляд, каждый преподаватель русского языка как иностранного в своей практической работе сегодня должен руководствоваться двумя основными методологическими приемами: принципом сознательности обучения и использовать в своей практической деятельности принцип личностно ориентированных технологий.

Принцип сознательности обучения, построенный на индуктивном методе предъявления грамматического материала, является сегодня наиболее оптимальным.

Грамматический навык — одна из многих составляющих коммуникативной компетенции. Е. И. Пассов выделил три этапа усвоения речевого материала, которые составляют цикл, повторяющийся для каждой новой порции знаний. На первом этапе формирования навыков предлагается предъявлять учащимся новый грамматический материал на основе уже известной им лексики и выполнить условно-речевые задания. На втором этапе совершенствования навыка учащиеся знакомятся с разговорным текстом и выполняют по нему условно-речевые и затем речевые задания, на третьем этапе развития умения происходит подлинная коммуникация — мотивированное выражение своих мыслей [2: 114–119].

Схематически обучение русскому языку как иностранному на подготовительном факультете, в соответствии с данной методикой, строится следующим образом: Предъявление материала → Усвоение знаний о предмете речи → Грамматическая форма → Практическая реализация усвоенного материала в устной и письменной речи студента-иностранца.

Эффективность работы данной схемы обеспечивается системой лингводидактических заданий, которые отвечают реальным коммуникативным потребностям студентов-иностранцев.

Особенно востребованы будут в этот период задания, обеспечивающие речевую деятельность иностранных учащихся в учебно-профессиональной сфере общения на подготовительном факультете.

Сборник упражнений по научному стилю речи, запланированный к выпуску в издательстве РУТ МИИТ, не предполагает ориентации на конкретный профиль обучения. Предлагаемый набор материалов призван обеспечить лексико-грамматическими упражнениями обучение научной речи групп студентов, например, позднего заезда, которые вынуждены «догонять» группы, приступившие к занятиям в обычном режиме. Как правило, в таких группах могут временно оказаться студенты разных специальностей. У них очень сильна мотивация — выйти на необходимый уровень владения научной речью, чтобы посещать лекции по «своему» профилю обучения. «Именно наличие,

сила и характер мотивации определяет отношение учащегося к учебному процессу, то, насколько он заинтересован в освоении знаний, в формировании у себя различных видов речевой деятельности и в их совершенствовании» [1; 24].

Задания и упражнения нацелены на овладение студентами минимальным набором конструкций научной речи, позволяющим в короткий срок присоединиться к занятиям по общеобразовательным дисциплинам. При этом основное внимание обращается на дальнейшее формирование грамматической компетенции и прежде всего владение русскими падежами. Предлагаемые материалы не заменяют обучение иностранных студентов по существующим профильным пособиям по научной речи, если таковые имеются.

При наличии достаточного количества учебного времени этот комплекс можно использовать в качестве дополнительного материала и в обычной группе.

Работу желательно начинать после знакомства с предложно-падежной системой русского языка, когда полученные грамматические навыки все еще требуют дальнейшего совершенствования.

В силу того, что материалы пособия рассчитаны на элементарный уровень владения языком, в нем отсутствуют виды работ, связанные с текстом: составление плана, выбор нужной информации из текста, объединение информации нескольких текстов, конспектирование, выделение важной и второстепенной информации и т. п. Перечисленные виды работ планируется включить во вторую часть сборника упражнений.

Сборник будет включать базовые конструкции научной речи, обслуживающие различные профили обучения и не привязанные к конкретной дисциплине:

В некоторых случаях будут даны грамматические или синонимические варианты приводимых конструкций.

Конструкции распределены по девяти темам следующим образом:

1. Определение предмета (термина, понятия):
 - что называется чем (как);
 - чем (как) называется что.

2. Общая характеристика предмета (явления, понятия):
 - что является чем;
 - что представляет собой что;
 - что служит чем.
3. Классификация и отнесение предмета к классу:
 - что делится (подразделяется) на что;
 - что относится к чему.
4. Характеристика предмета по составу:
 - что состоит из чего;
 - что содержится в чем;
 - что содержит что.
5. Качественная характеристика предмета:
 - что имеет что;
 - что не имеет чего;
 - что обладает чем;
 - что характеризуется чем.
6. Сравнительная характеристика свойств (признаков) предмета:
 - что отличается от чего чем.
7. Изменение свойств (состояний) предмета (явления, вещества):
 - что превращается во что.
8. Связь и зависимость предметов (явлений):
 - что зависит от чего;
 - что влияет на что.
9. Применение (использование) предметов (явлений, законов):
 - что используется (применяется) в чем (где).

Систему упражнений по каждой теме следует подбирать таким образом, чтобы сформировать у студентов навыки и умения, связанные с владением как грамматической, так и коммуникативной компетенцией. Учебные материалы направлены на формирование представления о смысловой и грамматической структуре предложения, умения опознавать изучаемые конструкции в текстах различных вузовских дисциплин, понимать

и использовать некоторый набор синонимических конструкций, адекватно реагировать на вопрос преподавателя, правильно формулировать собственный вопрос, строить собственное высказывание.

Важную роль играет способ презентации материала: тематико-ситуативный или лингвистический. При тематико-ситуативном способе урок организуется на основе ситуаций общения, относящихся к определенной теме. Этот способ наиболее применим в обучении студентов-нефилологов [3: 49]. Классическими способами представления грамматики служат учебные правила: правила-обобщения и правила-инструкции. Они должны учитывать соотношение языковых грамматических знаний и формируемых умений и навыков. Предъявление грамматического материала регулируется коммуникативными потребностями студентов, при этом наибольшее значение имеет учебно-профессиональная коммуникация, на организацию которой влияет структура научного текста.

Работа завершается в конце учебного года тренировочными и итоговыми контрольными заданиями, проверяющими уровень сформированности у студентов грамматических навыков.

Алгоритм работы с каждой конструкцией примерно следующий:

1. Презентация конструкции.
2. Объяснение значения глагола (его перевод дается на английском, французском, китайском языках).
3. Объяснение глагольного управления и демонстрация примеров использования конструкции в речи..
4. Самостоятельная работа студента (лучше в письменной форме), направленная на освоение предложно-падежной системы на материале научной речи.
5. Знакомство с использованием изучаемой конструкции на материале различных дисциплин, задание на активизацию лексико-грамматического материала, формирование умения правильно поставить вопрос.

6. Формирование умения построить собственное высказывание на основе изученного материала.

7. Там, где это возможно, знакомство студентов с синонимичными конструкциями и проведение необходимых падежных трансформаций.

8. Перед изучением очередной конструкции необходимо повторить изученный ранее материал.

При составлении комплекса грамматически направленных упражнений можно применять различные их виды. Ниже приведён список некоторых упражнений / заданий.

1. Языковые упражнения на освоение грамматической формы:

- упражнения на спряжение глаголов;
- внесите данные формы в таблицу;
- впишите в таблицу недостающие формы;
- допишите окончание в соответствии с правилом;
- трансформационные упражнения: измените форму имени существительного в единственном числе на форму множественного числа;
- сгруппируйте / распределите данные слова в соответствии с ...;

- соедините местоимение и глагольную форму;
- образуйте словосочетания из следующих слов;
- соедините начало и конец предложения;
- составьте предложение с опорой на таблицу;
- замените подчёркнутую часть предложения;
- поставьте слово в скобках в нужную форму;
- объедините два предложения, используя нужный союз;
- упростите фразы, используя модели.

2. Предречевые упражнения на освоение грамматической формы в единстве с речевой функцией на уровне предложения:

- подстановочные упражнения;
- перефразируйте предложения, используя данное начало / конец слова.

3. Условно-речевые упражнения:

- переспросите;

- ответьте на вопросы по образцу;
- опишите подробнее;
- найдите и исправьте ошибки;
- закончите предложения в соответствии с ситуацией;
- сгруппируйте предложения;
- подтвердите предположение, высказанное в вопросе;
- соедините вопрос и ответ;
- заполните недостающие элементы;
- опишите картинку, используя определённые предлоги / наречия.

4. Речевые упражнения:

- опишите свою любимую игрушку как можно подробнее;
- опросите одноклассников / соседей / родственников и доложите о полученных результатах;
- составьте микродиалог;
- сформулируйте просьбу в вежливой форме;
- расскажите о планах на лето / выходные;
- найдите отличия между двумя фотографиями;
- сформулируйте советы друг другу;
- возьмите интервью у соседа по парте.

Также к речевым упражнениям можно отнести упражнения в игровой форме:

- «Крестики-нолики». Право хода зависит от выполнения грамматической операции.
- «Кто больше». За ограниченное время необходимо придумать как можно больше примеров на определённое правило.
- игра с кубиком на спряжение глаголов (шесть граней кубика соответствуют лицам единственного и множественного числа).
- «Квест». Ход засчитывается при правильном выполнении грамматического задания.

Построение эффективного комплекса грамматически направленных упражнений — сложная задача, поэтому очень важно отрабатывать каждую операцию в отдельном упражнении, усложнять задания постепенно. Для повышения мотивации использовать различные по форме организации виды упражне-

ний одинакового уровня сложности для многократной тренировки одного и того же явления. Немаловажно реализовать дифференцированный и интегрированный подходы к обучению: включать в комплекс задания, подходящие для учеников с разными когнитивными стратегиями.

Основной задачей перечисленных упражнений является формирование речевых грамматических навыков, обучение выбору форм (структуры) в соответствии с коммуникативной задачей и ситуацией общения, в нашем случае по обучению учебно-профессиональному общению.

Мы выражаем уверенность, что такое пособие обеспечит достаточный уровень владения языковым материалом для реализации элементарных коммуникативных потребностей в учебно-научной сфере общения. Понятно, что целесообразность использования материалов определяет сам преподаватель в зависимости от конкретных задач, стоящих перед группой в процессе освоения языка специальности. Коммуникативные задания грамматической направленности позволяют оптимизировать учебный процесс, сделать его более интересным и интенсивным сделать студентов активными участниками данного учебного процесса, готовыми к самостоятельному, инициативному и творческому освоению учебного материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Молчановский, В. В. Преподаватель русского языка как иностранного и новые технологии обучения / В. В. Молчановский // Вестник РУДН. Серия : Вопросы образования : языки и специальность. — 2014. — № 1. — С. 19–23.
2. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. — Москва : Просвещение, 1991. — 223 с.
3. Ушакова, Н. И. Аспекты языковой системы в учебнике русского языка для иностранных студентов / Н. И. Ушакова // Научный результат. — 2014. — № 2. — С. 48–54.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ФИЛЬМОВ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

Шапошникова А. П.

Российский университет дружбы народов
Москва, Россия

Аннотация. С целью повышения уровня мотивации и коммуникативной компетенции у иностранных студентов-медиков рекомендуется использование документальных фильмов в рамках курса русского языка как иностранного. В качестве примера приводятся методические материалы по работе с документальным фильмом «Жизнь человека. Последнее интервью» (реж. С. Карпов), предназначенная для студентов программы «Лечебное дело», которые проходят курс «Патологическая анатомия». Документальный фильм служит материалом, через который иностранные учащиеся знакомятся с личностью известного хирурга-онколога России — Андреем Павленко. Данная работа нацелена на отработку лексики по теме «Онкология», грамматических конструкций и использования падежных форм в рамках коммуникативной компетенции будущих медицинских работников. Результатом использования документального фильма является развитие мотивации в дальнейшей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, документальные фильмы, коммуникативная компетенция, развитие мотивации, студенты медицинского факультета, язык специальности, онкология.

USING DOCUMENTARIES IN RFL CLASSES WITH MEDICAL STUDENTS TO DEVELOP COMMUNICATIVE COMPETENCE

Shaposhnikova A. P.

Peoples' Friendship University of Russia
Moscow, Russia

Abstract. In order to increase the level of motivation and communicative competence of foreign medical students, it is recommended to use documentaries in the course of Russian as a foreign language. An example of the work is the development based on the documentary “Human Life. The Last Interview” (directed by S. Karpov), intended for students of the medical program, who are passing the course “Pathological Anatomy”. The documentary film serves as a material through which foreign students get acquainted with the personality of the famous Russian oncology surgeon Andrei Pavlenko. This work is aimed at practicing vocabulary on the topic “Oncology”, grammatical constructions and use of cases within the framework of communicative competence of future medical workers. The result of using the documentary film is development of motivation in further professional activities.

Key words: Russian as a foreign language, documentaries, communicative competence, motivation development, medical students, specialty language, oncology.

В научной литературе встречается выражение о том, что врач — это профессия, неразрывно связанная со словом. Для медицинского работника оно является инструментом, с помощью которого он не только собирает анамнез и ставит диагноз, но и направляет, предостерегает, успокаивает своего пациента. Одно неверно понятое или использованное слово может повлечь за собой неисправимую ошибку. Именно поэтому при обучении иностранных студентов-медиков необходимо уделять особое внимание русскому языку. Учащийся должен как овладеть терминологией, так и уметь вести диалог на изучаемом языке и знать о культурологических и страноведческих реалиях страны. Для достижения студентами этих задач преподаватель

РКИ может использовать дополнительные средства обучения, например, документальные фильмы.

Иностранные студенты-медики старших курсов обучения продолжают испытывать трудности в профессиональной коммуникации при том, что общий уровень владения языком оценивается как В2. В своём исследовании Ц. Ши делает вывод о том, что «высокий уровень общего владения русским языком у иностранных студентов-медиков ещё не означает, что они могут успешно применять иностранный язык для решения проблем медицинского общения в своей области специализации» [6: 34].

Такие результаты исследования могут быть связаны с несколькими факторами. Одним из них является осознанный выбор России как страны для получения высшего образования и дальнейшей профессиональной деятельности. Д. Д. Дмитриева пишет о том, что на самом деле «у большей части иностранных студентов-медиков существует только внешняя мотивация к изучению русского языка, обусловленная необходимостью жизни и обучения в России» [1: 17]. Только 10 % респондентов заявило о необходимости изучения русского языка для овладения профессией врача, остальные же назвали иные причины, среди которых личные цели, прохождение обучения и практики в России, общение с жителями страны и т. д.

Кроме того, ещё одной причиной может быть небольшое количество пособий, в которых иностранные студенты могли бы знакомиться с профессиональной деятельностью врача в современной России и тем самым повышать мотивацию остаться в ней работать. Большинство пособий по развитию коммуникативной компетенции направлено на формирование навыков диалога медицинского сотрудника с пациентом. К примеру, пособия Е. В. Орловой «Сбор анамнеза и оформление истории болезни» [3] или Л. П. Прокофьевой «Профессиональная коммуникация иностранных студентов-медиков» [5]. В них отсутствует какая-либо страноведческая информация, соответственно, иностранные студенты осваивают грамматические конструкции, но не погружаются в культуру страны.

В пособии Л. А. Линник «Русский язык как иностранный в медицинской деятельности» [2] используются тексты для чтения, в которых студенты-медики знакомятся с художественной литературой и стихотворениями на медицинскую тематику, а также узнают о великих женщинах-врачах. Тем не менее, современному поколению может не хватать информации о том, что происходит в медицинской сфере России сегодня, какие есть ведущие специалисты и передовые центры. Без знания ответов на эти вопросы у иностранного студента не появится мотивация остаться работать в России и развиваться здесь, поскольку он не будет знать о ней ключевых для профессионала фактов.

Таким образом, для повышения мотивации студентов предлагается дополнительно использовать документальные фильмы на занятиях русским языком как иностранным. Они сочетают в себе как лингвокультурологический, так и страноведческий материалы, знакомят иностранных студентов с реалиями России, являются примером профессиональной речи и основой для формирования собственного высказывания на русском языке как иностранном. Просмотр документальных фильмов также способствует формированию коммуникативной компетенции в контексте определённой медицинской темы.

Примером использования документальных фильмов на занятиях русским языком как иностранным со студентами медицинского факультета является разработка по фильму Сергея Карпова «Жизнь человека. Последнее интервью» 2020 года. В нём рассказывается история Андрея Павленко — российского хирурга-онколога, который в 2018 году узнал, что у него рак желудка агрессивной формы. Продолжительность фильма — 88 минут, но для работы на занятии рекомендуется отрывок [2: 11; 8: 57], в котором Андрей Павленко рассказывает о том, как узнал о своём диагнозе, какие чувства испытывал и о том, как близкие поддержали его в этот момент.

Стоит отметить, что в базовой части блока дисциплин по специальности «Лечебное дело» (уровень специалитета) на 5-6 семестрах (в некоторых университетах на 4-5 семестрах) студенты слушают курс «Патологическая анатомия» для формиро-

вания общепрофессиональной компетенции в виде способности оценивать патологические процессы в организме человека. В рамках этого курса студенты изучают такие разделы, как «Обратимые и необратимые повреждения тканей. Расстройства кровообращения», «Воспаление. Иммунопатология. Опухоли», «Болезни сердца и сосудов», «Болезни кроветворной системы, инфекции, болезни лёгких», «Болезни желудка, кишечника, печени, почек», «Болезни половой и эндокринной систем». В разделе «Опухоли» учащиеся узнают про опухолевый рост, доброкачественные, злокачественные и пограничные опухоли, их эпидемиологию, этиологию и патогенез и т. д. [4: 216]. Просмотр документального фильма «Жизнь человека. Последнее интервью» рекомендуется с целью закрепления этого материала или подготовки к его прохождению.

Перед просмотром студентам предлагается прочитать текст «Груз судьбы», в котором они актуализируют свои знания об онкологии и запоминают ключевые термины, которые пригодятся при просмотре документального фильма (рис. 1. Текст «Груз судьбы»). После чтения рекомендуется выполнить первый блок упражнений. Упражнение «Запишите название заболевания, используя правильный падеж. Назовите его» нацелено на повторение родительного падежа и запоминание того, как правильно звучит диагноз. Упражнение «Соотнесите слово из левого столбца со значением или синонимом из правого» необходимо для автоматизации использования данных терминов в устной речи с возможностью замены эквивалентом. Далее студенты должны составить предложения, используя правильную форму глагола и падеж существительного. Все они связаны с темой онкологии. Последним предпросмотровым заданием является устное объяснение разницы в приведённых парах слов: «доброкачественная опухоль — злокачественная опухоль», «ремиссия — рецидив», «лейкоз — карцинома — саркома». Отработанные слова и словосочетания будут необходимы иностранным студентам при выполнении коммуникативных заданий после просмотра документального фильма (рис. 2. Упражнения по тексту «Груз судьбы»).

ГРУЗ СУДЬБЫ

Каждый год в России умирает около 300 000 человек от рака. Современная медицина активно развивается, но лекарство от онкологических заболеваний всё ещё не изобрели. Процесс излечения становится тяжёлым испытанием для больного и его близких. Врач-онколог – это особое призвание, это сильный духом человек, готовый стать стеной между своим пациентом и смертельным заболеванием.

Онкология – это раздел медицины, который изучает доброкачественные и злокачественные опухоли (их возникновение и развитие, методы их профилактики, диагностики и лечения). Также онкологией называют сами онкологические заболевания.

Онкологическое заболевание (злокачественная опухоль) – это новообразование, которое вызвано патологическим ростом клеток. Клетки теряют нормальный механизм контроля и приобретают способность непрерывно размножаться, вторгаться в ткани и способствовать возникновению новых кровеносных сосудов. Опухолевые (злокачественные) клетки могут развиваться из любой ткани в организме.

Термин «**опухоль**» относится к аномальному новообразованию или разрастанию ткани. Опухоли могут быть злокачественными или доброкачественными. Злокачественные клетки из первоначального участка могут распространяться по всему телу (метастазировать).

Конкретные виды злокачественных опухолей могут быть классифицированы по органам, в которых они развиваются, и типу клеток, в которых они возникают.

Лейкозы и лимфомы – это злокачественные заболевания крови, кроветворных тканей и клеток иммунной системы.

Карцинома (рак) – это злокачественная опухоль из клеток, выстилающих кожу, лёгкие, пищеварительный тракт и внутренние органы.

Саркома – это злокачественная опухоль из мезодермальных клеток (из мезодермальных клеток обычно состоят мышцы, кровеносные сосуды, костная и соединительная ткань).

Системная терапия рака включает химиотерапию (химию), гормональную терапию, таргетную терапию и иммунотерапию. Идеальное лекарственное средство должно быть направлено только на раковые клетки и не оказывать неблагоприятного воздействия на нормальные клетки.

(справочник MSD)

Словарь

Новообразование – это общий термин для доброкачественных и злокачественных опухолей.

Опухоль – это патологическое образование или разрастание.

Доброкачественная опухоль – это опухоль, которая не проникает в близлежащие ткани и не переходит на отдалённые участки организма через кровоток или лимфатическую систему (не метастазировать).

Злокачественная опухоль – это злокачественные клетки, которые могут проникать в соседние ткани и распространяться на другие части тела.

Стадия – это степень распространённости опухоли.

Агрессивность – это скорость, с которой опухоль растёт и распространяется.

Метастазы – это вторичные очаги опухолевых клеток.

Повторное появление (рецидив) – это случай, когда опухолевые клетки снова появляются после лечения на участке первичной локализации или в виде метастазов.

Ремиссия – это отсутствие каких-либо признаков опухоли после лечения, несмотря на то, что в организме всё ещё могут существовать злокачественные опухоли.

Рис. 1. Текст «Груз судьбы»

1. Запишите название заболевания, используя правильный падеж. Назовите его.

Пример: Тонкая кишка – рак тонкой кишки

Предстательная железа	
Лёгкие	
Толстая кишка	
Мочевой пузырь	
Молочная железа	
Тело матки	
Желудок	
	падеж

2. Соотнесите слово со значением или синонимом.

1) Опухоль	Д) новообразование
2) Метастазы	А) отклонение от нормы
3) Патология	Б) карцинома
4) Клетка	В) структурно-функциональная элементарная единица строения и жизнедеятельности всех организмов
5) Терапия	Г) уход, лечение
6) Рак	Е) распространение раковых клеток

3. Составьте предложения:

1. Она (пройти) курс (химиотерапия) в следующем мае.

2. В этом году он (решить отказаться) от (лечение), так как потерял веру.

3. В теле пациента раковые клетки (разрастаться) каждую минуту.

4. Ему (диагностировать) (саркома) зимой.

5. Сегодня онкология (создавать) новые методы лечения (рак).

4. Объясните разницу:

Доброкачественная опухоль – злокачественная опухоль.

Ремиссия – рецидив.

Лейкоз – карцинома – саркома.

Рис. 2. Упражнения по тексту «Груз судьбы»

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА. ПОСЛЕДНЕЕ ИНТЕРВЬЮ

Андрей Николаевич Павленко – российский врач-онколог, хирург и руководитель онкологического центра Клиники высоких медицинских технологий имени Н. И. Пирогова Санкт-Петербургского университета. В 2018 году у Андрея Николаевича был диагностирован рак желудка третьей стадии (из четырёх возможных). С тех пор Андрей стал и больным, и врачом.

Оказавшись в роли пациента, Андрей Николаевич открыл проект «Жизнь человека». Почти два года он рассказывал о своей борьбе с болезнью и об онкологической помощи в России. После рецидива заболевания врач решил отказаться от агрессивного лечения и провести оставшееся время с родными. Пятого января 2020 года Андрей Павленко не стало.

Какие художественные или документальные фильмы вы знаете о судьбе человека, заболевшего раком? Расскажите о них. Посмотрите отрывок документального фильма «Жизнь человека. Последнее интервью» и выполните задания.

1. Устно ответьте на вопросы.

1. Кто такой Андрей Павленко?
2. Как Андрей Павленко узнал о своём диагнозе? Что он испытывал?
3. Как Андрея Павленко поддерживали семья и ординаторы?
4. Какую роль играют близкие и семья в судьбе пациента?

2. Вставьте пропущенные слова в нужном падеже.

боль, опухоль, желудок, онкодиспансер, гастрит, биопсия, гастроскопия, препарат, адреналин

1. Что я чувствую? _____.
2. Я принимал _____, которые гасят кислотность _____.
3. Я делал _____ себе в 2016 году в областном _____.
4. Мне поставили _____.
5. Интенсивность _____ выросла.
6. Находясь в сознании, я видел на экране свою _____.
7. Вова набрал _____.

3. Подготовьте характеристику врача-онколога, используя слова «может» и «должен». Объясните разницу использования данных слов.

Пример: Врач-онколог должен хорошо разбираться в лекарственных препаратах, потому что от этого зависит продуктивность лечения.

4. По каждой теме подготовьте 2-3 предложения, начинающиеся со слов:

Если бы я был врачом-онкологом, то...

Если бы мой близкий заболел раком, то...

Если бы я заболел раком, то...

Рис. 3. Задания после просмотра отрывка документального фильма

На 3 странице разработки приводится короткий текст, в котором иностранные учащиеся могут узнать краткую информацию об Андрее Павленко (рис. 3. Задания после просмотра отрывка документального фильма). После ознакомления с ней предлагается к просмотру отрывок документального фильма и его обсуждение. Важно, чтобы учащиеся включились в диалог и могли высказать свои искренние эмоции по теме. Одним из вопросов для дискуссии может стать: «Какие ещё художественные или документальные фильмы вы знаете об онкологии?». После этого можно перейти к выполнению заданий.

В первом задании учащиеся отвечают на вопросы по содержанию документального фильма — рассказывают, кто такой Андрей Павленко, как он узнал о своём диагнозе и какие чувства испытал, какую роль играют близкие и семья в судьбе больного раком.

Во втором задании необходимо вставить правильные по смыслу слова в нужном падеже в предложения. Данные предложения взяты из документального фильма, таким образом, можно проследить за внимательностью учащихся при просмотре.

В третьем задании учащиеся делятся своими представлениями о том, каким должен или может быть врач-онколог. Это необходимо для умения выражать модальные отношения, а также грамотно доказывать свою позицию. Также учащиеся повторяют различие слов «может» и «должен».

Четвёртое задание нацелено на отработку студентами использования ирреального условия. Учащиеся проецируют ситуацию на себя и повторяют использование данной конструкции. Результатом выполнения данного задания будут предложения по типу «Если бы я был врачом-онкологом, я бы использовал современные методы лечения».

И третье, и четвёртое задание тренирует те навыки, которые пригодятся учащимся и в дальнейшей коммуникации с пациентами. В случае медицинской практики особенно важно понимать разницу «должен» и «может» (например, «Вы должны пить это лекарство» и «Вы можете пить это лекарство»). Умение грамотно формулировать ирреальное наклонение так же необхо-

димо для того, чтобы пациент чётко понимал, что ему говорит медицинский сотрудник. Это может быть использовано в следующих коммуникативных ситуациях: «Если боль усилится, вы будете должны обратиться к травматологу», «Если температура спадёт, можно перестать принимать лекарство» и т. д.

В пятом задании студенты читают цитату Андрея Павленко из книги «Служа другим. История врача-онколога, ставшего пациентом» (рис. 4. Итоговые задания после просмотра документального фильма). Учащиеся могут как согласиться, так и поспорить с мнением врача-онколога. К примеру, один учащийся может сказать, что солидарен с такой позицией, так как знание дел будет формировать правильное поведение, а другой скажет, что знание может испугать и сломить больного. Условием выполнения данного задания является использование отработанных ранее конструкций и терминов.

Шестое и седьмое задания даются иностранным студентам на дом, так как для их выполнения рекомендуется посмотреть документальный фильм полностью. Просмотр этого фильма особенно ценен для будущих специалистов, так как в нём врач со знанием всех медицинских аспектов делится тем, как проходит процесс лечения онкологии. Подведением итогов по теме является седьмое задание, в котором учащиеся отвечают на вопрос «Как вы думаете, почему говорят «победить рак», а «не вылечиться от рака»?». По итогам занятия иностранные студенты-медики осваивают новую профессиональную и страноведческую информацию, знакомятся с новой лексикой по теме, отрабатывают грамматические конструкции и общую и профессиональную коммуникативные компетенции. Просмотр документальных фильмов необходим, поскольку мотивирует иностранных учащихся к изучению русского языка, воспитывает уважительное отношение к действующим врачам страны. Студент будет сам хотеть грамотно и правильно изъясняться на иностранном языке, так как он будет чувствовать в этом необходимость. Используя разные дополнительные средства, которые будут погружать иностранных учащихся в языковую среду, можно повысить уровень владения профессиональной компетенцией иностранными студентами.

5. Обсудите с одногруппниками цитату из книги Андрея Павленко. Выскажите за или против.

«От того, как врач общается с пациентом и насколько даёт полную информацию, зависит, будет ли пациент доверять своему доктору. А в онкологии доверие особенно важно, потому что половина успеха борьбы именно в союзе врача с пациентом: доктор должен вести за руку по этому пути и помогать как действием, так и словом».

6. Дома продолжите просмотр документального фильма «Жизнь человека. Последнее интервью». Что нового вы узнали о работе врача-онколога? А о пути лечения, который проходит пациент? Поделитесь своими впечатлениями.

7. В русском языке про человека, который вылечился от рака, говорят: «Он победил рак». Как вы думаете, почему именно «победить рак», а «не вылечиться от рака»? Подготовьте развернутый ответ, приводя примеры из документального фильма «Жизнь человека. Последнее интервью».

Место для заметок:

Ссылка на документальный фильм:

<https://www.youtube.com/watch?v=B8RjcA8f0so>

Рис. 4. Итоговые задания после просмотра документального фильма

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриева, Д. Д. Способы формирования у иностранных студентов-медиков мотивации к изучению русского языка / Д. Д. Дмитриева // Карельский научный журнал. — 2018. — Т. 7, № 4(25). — С. 16–19.
2. Линник, Л. А. Русский язык как иностранный в медицинской деятельности (Russian as a foreign language in medical activity) : учебное пособие / Л. А. Линник, М. М. Петросян, А. С. Леонова. — Уфа : ФГБОУ ВО БГМУ Минздрава России, 2020. — 98 с.
3. Орлова, Е. В. Сбор анамнеза и оформление истории болезни : учебное пособие по русскому языку для иностранных студентов / Е. В. Орлова. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Златоуст, 2016. — 64 с.
4. Патологическая анатомия : учебник : в 2 т. / под ред. В. С. Паукова. — Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2015. — Т. 1 : Общая патология. — 720 с.
5. Прокофьева, Л. П. Профессиональная коммуникация иностранных студентов-медиков : учебное пособие для студентов 1–4 курсов отделения с программой билингвального обучения / Л. П. Прокофьева, А. Ю. Беляева, А. Д. Левицкая [и др.] ; под общ. ред. проф. Л. П. Прокофьевой. — Саратов : Изд-во Саратовского гос. мед. ун-та, 2017. — 187 с.
6. Ши, Ц. Уровень сформированности профессиональной компетенции на русском языке у иностранных студентов-медиков (по результатам констатирующего среза) / Ц. Ши // Азимут научных исследований : педагогика и психология. — 2022. — Т. 11, № 4(41). — С. 31–35.

Научное электронное издание

РУССКАЯ ГРАММАТИКА:
КОНСТАНТЫ, КОНТЕКСТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник статей
по итогам VII Международного научного симпозиума

г. Тюмень, 10–14 октября 2023 г.

В авторской редакции
Верстка *И. А. Штоль*
Обложка *Е. Г. Шмакова*

Подготовлено к электронному изданию 12.04.2024.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 18,37. Заказ 12.

ТюмГУ-Press
625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
Тел.: (3452) 59-75-34, 59-74-81
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru